

КНИГА РУССКОЙ СКОРБИ

Z $\frac{44}{50}$

Z $\frac{44}{50}$

ЗА

ВЪРХ

ЦАРА

И

ОТЕЧЕСТВО

ЛЮДИ СКОРБИ ПРАВДНЫМЪ, И ОТЪ ВСѢХЪ ИХЪ ИЗБАВИТЪ ѿ ГОСПОДЬ.

Литъ 2-го в.

XII ТОМЪ.

Z $\frac{44}{50}$

~~Z~~ $\frac{44}{50}$

Книга Русской Скорби.

Издание Русскаго Народнаго Союза имени Михаила
Архангела.

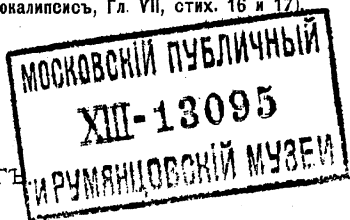
Томъ XII.

«Они не будутъ уже ни ал-
кать, ни жаждать и не будутъ
палить ихъ солнце и ни какой
зной: ибо Агнецъ, который сре-
ди престола, будетъ пасти ихъ
и водить ихъ на живые источ-
ники водъ, и отреть Богъ вся-
кую слезу съ очей ихъ».

(Апокалипсисъ, Гл. VII, стих. 16 и 17)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913.

СК

2007238131

Дума.

Изжилась-ли ты,
Русь великая?
Въ чемъ? въ быломъ ли ты,
Или въ будущемъ?
Что ни день впередъ
Дальше къ прошлому,
Ближе къ вѣчности
Тѣни чистыя,
Что ни день впередъ—
Время грозное
Тщится подвига
Замести слѣды!
Словно въ сумракѣ
Ночи пагубной
Тають облики
Незабвенные,
И туманомъ лѣтъ
Застилаются
Имена борцовъ
За святую Русь!
Но тебѣ-ль ихъ сдать
Ходу времени,

Богатырь народъ—
Илья-Муромецъ?
Ты-ль, слуга Царя
Вѣрой—правдою,
Загасишь огонь
Русской совѣсти,
Что свѣтилъ тебѣ
Въ годы смутные,
Выводилъ тебя
На дороженьку,
Что сберегъ въ тебѣ
Вѣру чистую,
Доблесть русскую
Непочаю?
Ты-ль забудешь ихъ,
Великанъ—дитя?
Разметешь курганъ
Надъ погибшими?
Ты-ли, времени---
Злому недругу,
Дашь задуть огонь
Предъ лампадою?
Нѣтъ, идутъ года,
Гибнетъ смертное,
Блекнуть облики,
Таютъ образы,
Но въ туманѣ ихъ
Воздымаются
И растутъ въ Руси
Только подвиги!
И доколѣ имъ
Нѣтъ забвенія--

Солнце жизни намъ
Высоко стоитъ,
Не страшить насъ даль,
Путь грядущаго
Не грозить очамъ
Мракомъ полночи!
Такъ иди-жь впередъ,
Русь великая,
По стезѣ тебѣ
Предуказанной,
Хоронить тебя
Рано недругамъ:
Не закована
Воля русская,
Не растрчено
Сердце чистое,
И не прожиты,
Не раскиданы
Старины сѣдой
Думы крѣпкія,
Думы крѣпкія
Богатырскія!...

В. Пуришневичъ.

13 Марта 1913 г.
С.-Петербургъ.

Книга Русской Скорби.

Томъ XII.

Василій Васильевичъ Ботченко. (Бочкотожъ).

Крестьянинъ, рабочій. Убитъ 19 января 1908 года
въ с. Романковѣ, Екатеринославской губернии и уѣзда.

На карточкѣ члены семьи и родственники убитаго:
1) дочь Анна, 13 л.; 2) невѣстка Марія, 17 л.; жена младшаго сына Сергѣя, 18 л. (на карточкѣ его нѣтъ); 3) старшая дочь Марія, 17 л.; 4) внучка покойнаго Марія, 2 л.; 5) жена Марѳа, 56 л.; 6) Александра, жена брата, 47 л.; 7) братъ убитаго Григорій, 48 л.; 8) старшій сынъ убитаго Иванъ, 24 л.; 9) жена его Наталья, 24 л.; 10) дочь Григорія Ботченко, 20 л.; 11) невѣстка его же Лукія 20 л.; 12) сосѣдъ Василій Очеретяный; 13) сзади за Иваномъ Ботченко, его двоюродный дядя Терентій Ботченко, 46 л.

По правому берегу Днѣпра, на 35 верстѣ выше Екатеринослава, расположено село Романково, которое по крайней мѣрѣ вдвое старше Екатеринослава. Оно получило свое названіе отъ „Романовскаго“ кургана, о которомъ французскій инженеръ Бопланъ, жившій въ Малороссіи отъ 1620 по 1637 гг., упоминаетъ уже, какъ о мѣстѣ, гдѣ казаки—запорожцы держали рады и собирали войско, чтобы

перевѣдаться съ кичливымъ ляхомъ, или злымъ татаринимъ, или свирѣпымъ туркомъ. Когда же приходили вѣсти съ Украйны, что православнымъ христіанамъ уже нельзя ничего ни продать, ни купить, не заплативши пошлины жиду, что жида уже держатъ на арендѣ и православные храмы, что безъ разрѣшенія жида нельзя ни крестить младенца, ни хоронить покойника—тогда на курганѣ раздавался грозный кличъ: „вычистимъ пшеницу отъ кукіля!“ и жида-паразиты бѣжали въ Польшу или тонули въ Днѣпрѣ... По настоящее время Романовскій курганъ—самое красивое мѣсто въ селѣ: въ ясный день отсюда открываются виды окрестностей на десятки верстъ.

Жители с. Романкова—прямые потомки запорожцевъ-сѣчевиковъ, которые, послѣ упраздненія Сѣчи въ 1775 г., частью ушли на новыя окраины государства, чтобы биться съ врагами, добывая Царю славы, себѣ чести,—частью же, любя „Днѣпръ широкій, степь веселый“, осѣли на мѣстахъ. Съ тѣхъ поръ с. Романково стало размножаться и сдѣлалось многолюднымъ и торговымъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ въ немъ ежегодно бывало по три ярмарки, на которыя пріѣзжали даже московскіе купцы.

19-го января 1908 г. въ этомъ селѣ звѣрски убитъ мѣстный крестьянинъ—старожилъ Василій Васильевичъ Ботченко, 56 л.

Убийство не было неожиданнымъ. Ему грозили смертію съ самаго начала смуты въ 1905 г. Но были мѣстныя обстоятельства, которыя до времени держали негодяевъ въ уздѣ и страхѣ.

По сосѣдству съ с. Романковымъ, верстахъ въ 5—6 отъ него, находится большой чугунно-литейный заводъ с. Каменскаго-Запорожья, которое разрослось въ поселокъ до 50 тыс. жителей. Рабочихъ на заводѣ до 10 тыс., половина русскихъ и половина поляковъ. Заводъ, какъ водится на Руси, инородческій, администрація польская. Въ заводѣ заблаговременно шла подготовка къ провозглашенію Польши „отъ моря до моря“, съ присоединеніемъ къ ней всего Днѣпровскаго правобережья. На видномъ мѣстѣ воздвигнута колонна, увѣнчанная одноглавымъ польскимъ орломъ,—

кругомъ завода начата постройка крѣпостной стѣны съ амбразурами для пулеметовъ, которыми можно было бы, въ случаѣ сопротивленія, разстрѣлять весь поселокъ.

Съ октября 1905 г. въ поселкѣ, какъ и всюду, начали устраиваться манифестаціи и митинги. За усердное ихъ посѣщеніе жиды стали даже угощать рабочихъ водкой и платить имъ по полтинѣ на человѣка. Хотя это была работа нетрудная, но усматривая великую охоту жидовъ къ митингамъ и манифестаціямъ, рабочіе надбавили цѣну, требуя сверхъ угощенія по 75 коп. на человѣка. Дали и по 75 коп. Рабочіе стали просить больше. Тогда жиды пообѣщали имъ единовременно по 5 р. на брата, какъ только они „завоюютъ свободу“. Наконецъ 17 октября пришла вѣсть, что свобода завоевана. Доказательства были на лицо: 18-го октября съ утра тысячи жидовъ съ красными флагами высыпали на улицы; гвалтъ пошелъ по всему поселку; противница свободы—полиція спряталась, жидъ сталъ командиромъ; объявлено новое правительство, сплошь жидовское; русскихъ толкали съ тротуаровъ, сбивали съ нихъ шапки; десятки жидовъ и жидовокъ выкрикивали ругательства на „поповъ“, на правительство, на царя, провозглашая „республику;“ рвали царскіе портреты, плевали на иконы..

— Не наче, що жіды сказілись! говорили изумленные и негодующіе русскіе крестьяне и рабочіе.

Но рабочіе увидѣли, что уже пора получить съ жидовъ по 5 рублей на брата.

— Ну, давайте-жь, жиды, гроши! говорятъ рабочіе.

— Яки?

— А за свободу-жь! вы-жь обѣщали по 5 р. на брата?

— Ще підождіть: ще треба свергнути самодержавье..

— Эгэ, жидова проклятая! Такъ вамъ еще свергнуть самодержавіе!. И началось вразумленіе „скаженныхъ“ жидовъ, а къ вечеру во всемъ поселкѣ не осталось цѣлаго ни одного жидовскаго дома.

„Мы вамъ дали бога, дадимъ и царя!“ ораторствовалъ въ Харьковѣ на митингѣ одинъ адвокатъ изъ жидовъ.

— А мы били васъ за Бога, будемъ бить и за Царя! крикнулъ ему изъ толпы русскій рабочій.

Такъ и сдѣлали...

Жиды и поляки присмирѣли. Колонна съ польскимъ гербомъ осталась, но постройка крѣпости пріостановилась. Русскіе заводскіе рабочіе объединились въ крѣпкій патріотическій „Союзъ“, въ который вошло членами до 2 т. человекъ, и явилась сила, съ которою нельзя было не считаться. Союзъ пріобрѣлъ небольшой домикъ для чайной и читальни; началъ выпускъ патріотической литературы и открылъ кіоскъ, завелъ мастерскую; задумалъ устройство собственной типографіи и потребительной лавки. Дѣятельность „Союза русскихъ рабочихъ с. Каменскаго-Запорожья“ вызывала всеобщее сочувствіе. Умный губернаторъ А. М. Клингенбергъ восхищался „Союзомъ“ и ставилъ его въ примѣръ другимъ. Не присваивая себѣ никакой власти, „Союзъ“ тѣмъ не менѣе благотворно вліялъ на порядокъ во всемъ поселкѣ, который численностью населенія превосходитъ многіе города: никто не смѣлъ держать тайныхъ шинковъ, притоновъ кутежа и разврата; въ поселкѣ не видно было ни дракъ, ни пьянаго безобразія, не слышалось неприличной брани. И среди заводской администраціи были лица, сочувствовавшія Союзу и его уважавшіе, исключая, конечно, жидовъ и заядлыхъ инородцевъ. Всѣ благія начинанія Союза къ настоящему времени могли бы окрѣпнуть, Союзъ могъ бы уже владѣть собственнымъ имуществомъ и капиталомъ...

Но, безъ всякихъ серьезныхъ причинъ, въ немъ возникли внутреннія дразги и распри и Союзъ потерялъ значеніе и для заводской администраціи, и для поселка, и для патріотическаго дѣла, и для самихъ рабочихъ. Теперь русскіе рабочіе подаютъ просьбы и жалобы на польско-жидовскій гнетъ, но ихъ жалобы остаются и будутъ оставаться безплодными: нельзя помочь тому, кто самъ себѣ врагъ.

Убитый Ботченко состоялъ членомъ Союза русскихъ рабочихъ въ с. Каменскомъ-Запорожьѣ и хотя, какъ „союзникъ“, навлекалъ на себя особенную ненависть и под-

стрекательство со стороны жидовъ, но сдерживающее вліяніе Союза распространялось и на округу и угрозы не приводились въ исполненіе. По мѣрѣ же ослабленія Союза это вліяніе падало, что теперь видно особенно наглядно на самомъ поселкѣ: въ воскресный или праздничный день едвали можно пройти два шага, не встрѣтивши пьяной драки, сквернословія и всякаго безобразія; тайнымъ притономъ нѣтъ числа; безпрепятственно существуютъ и тайныя польскія школы, въ которыхъ ополячиваютъ русскихъ дѣтей; о безпрепятственности порнографіи и всѣхъ видовъ жидовскаго нахальства уже и говорить нечего—это явленіе повсюдное.

Между тѣмъ, среди сельскаго крестьянства шла смута изъ того же жидовскаго источника, но другимъ путемъ. Съ Октября 1905 г. по селамъ ѣздили делегаты обманнаго „Крестьянскаго Союза“, созывали сходы и митинги и предлагали къ подписи заранѣе составленные приговоры, въ большей своей части совершенно непонятные крестьянамъ, но съ соблазнительными посулами „земли и воли“. Въ Екатеринославскомъ уѣздѣ такими делегатами жидовскаго, а не крестьянскаго союза были: недоучка изъ крестьянъ с. Соленого Строменко, какой-то болванъ изъ неучащихся студентовъ Стасюкъ, въ 25 лѣтъ уже оплѣшивѣвшій отъ пьянства и распутства и выродокъ ихъ дворянъ Куличенко, у котораго при обыскѣ отобрали дневникъ съ записью: «Ничего не имѣю противъ безвозмездной передачи моей земли, лишь бы взяли и всѣ мои долги». Главной заботой Строменка и Стасюка были сборы „полтинниковъ съ рыла“—на нужды организаціи, какъ они объявляли, а собственно на свои надобности, какъ было на дѣлѣ—а промотавшійся Куличенко надѣялся на болѣе крупныя доходы послѣ того какъ будетъ „свергнуто самодержавіе“ и онъ, Куличенко, сдѣлается по меньшей мѣрѣ генераль-губернаторомъ. „Уже пахнетъ революціей, пишетъ въ дневникѣ Куличенко: возбужденіе и энергія уже есть, но еще нѣтъ озлобленія и стихійности“. Строменки и Стасюки, какъ мелкіе плуты, довольствуются „полтинниками съ рыла“, что бы построить себѣ домики и покутить „на мірской счетъ“, а

Куличенко съ нетерпѣніемъ ожидаетъ общей народной смуты и кровопролитія, чтобы поймать себѣ болѣе крупную добычу.

Мѣстными сельскими агентами этихъ шарлатановъ были учителя и учительницы земскихъ и министерскихъ школъ, семинаристы, фельдшера, писаря и вся порченная деревенская интеллигенція, падкая на красивыя фразы, на позировку, на роль руководителей „темнаго“ народа, воображающая себя „ученой“, но недоучившаяся до сознанія, что плохая ученость часто бываетъ хуже темноты.

А за спиною этихъ недоучекъ стояли и всей смутой орудовали жида Элькинъ и Гуревичъ, но ни порченные интеллигенты, ни крестьяне не догадывались, что вся смута ведется въ обманъ народа и въ пользу однихъ жидовъ.

Собравши сходы и митинги, делегаты предлагали переписывать и подписывать готовые приговоры для опубликованія и отсылки въ главный комитетъ, который-де представитъ ихъ „учредительному собранію“. Воспрещались какіе бы то ни было пропуски и измѣненія въ приговорахъ; въ противномъ случаѣ они возвращались для замѣны „надлежащими“, т. е. безъ пропусковъ.

Если по мѣстамъ крестьянъ удавалось увѣрить, что „тутъ уже по закону“, то они не только охотно подписывали приговоры и давали „полтинники съ рыла“, но и выдавали общественныя суммы на столь хорошее дѣло, какъ пріобрѣтеніе земли. И трудно было не поддаться обману: самыя преступныя постановленія московскаго съѣзда „Крестьянскаго Союза“ (начала Ноября 1905 г.) дословно печатались въ „Рус. Словѣ“, „Рус. Листкѣ“, мѣстной газетѣ „Придн. Край“ и другихъ органахъ печати, по видимости русской, на самомъ дѣлѣ—жидовской. Агитаторы вручали эти газеты крестьянамъ и послѣдніе здраво разсуждали: стало быть, точно „усе по закону“, если правительство дозволяетъ печатать. Притомъ же агитаторы, чтобы разсѣять недовѣріе крестьянъ и расположить ихъ по поводу земельного вопроса къ подписи на бунтъ и измѣну, начинали рѣчь съ царскаго манифеста 17-го Октября, наводя крестьянъ на мысль, будто бы и „учредительное собраніе“,

и „отдѣленіе церкви отъ государства“, и „націоналізація земли“, и замѣна войска „гражданской милиціей“—все это есть только исполненіе „царскаго манифеста“.

Крестьяне же на сколько желали улучшить свое земельное устройство, на столько же не желали ни измѣны Православной Вѣры, ни бунта противъ Государя—и на сельскихъ сходахъ и митингахъ происходили такія сцены:

Агитаторъ распространяется о „свободѣ вѣры и совѣсти“, о притѣсненіяхъ раскольниковъ и сектантовъ, о поборахъ „поповъ“ съ живого и мертваго и т. под..

Крестьяне помалкиваютъ и соглашаются.

Агитаторъ ставитъ вопросъ: „Такъ, значить, отдѣлить церковь отъ государства“?

— Отдѣлить! отдѣлить!—кричитъ сходъ.

Поощренный успѣхомъ, агитаторъ продолжаетъ: „Значить, Законъ Божій въ школахъ преподавать не нужно“?

— Якъ Закона Божяго не треба? хіба наши діты нехристи, чи що?!—съ обидой въ голосъ возражаютъ крестьяне.

Очевидно крестьяне понимали „отдѣленіе церкви отъ государства“ въ томъ смыслѣ, что казна освободитъ ихъ отъ платы за требы и расходовъ на содержаніе церковныхъ строеній. Нельзя, конечно, удивляться крестьянамъ, такъ какъ и большинство порченой интеллигенціи рѣшительно не понимало и не понимаетъ, что значить отдѣленіе церкви отъ государства. А значить оно, напримѣръ, вотъ что: Царь русскій—еслибы Православная церковь была отдѣлена отъ государства—могъ бы быть и не православной вѣры, а католической, армянской, татарской или жидовской; ему можно было бы короноваться на царство не только въ Успенскомъ соборѣ, но и въ жидовской синагогѣ, или совсѣмъ не короноваться; крестить младенца или оставить некрещенымъ „нехристомъ“, жить въ честномъ христіанскомъ бракѣ или въ блудѣ—это было бы все равно... вотъ что и многое подобное означаетъ „отдѣленіе церкви отъ государства“. Гдѣ жиды этого отдѣленія добились, напр. во Франціи, тамъ не только не преподается въ школахъ Закона Божяго, но и молитвы не читаются, и кресты

и распятія изъ школь и присутственныхъ мѣстъ выкинуты, и церкви ограблены и заперты. Зато тамъ въ великомъ почетѣ жидовскія синагоги, потому что вся власть, всѣ капиталы и *вся земля* въ рукахъ жидовъ, а коренной народъ служитъ у нихъ въ батракахъ, какъ это и у насъ на Украинѣ бывало и опять было бы, если бы жидамъ въ 1905 году удалось добиться „равноправія“, да свергнуть самодержавіе, да отдѣлить церковь отъ государства.

Не болѣе успѣха имѣли агитаторы на сельскихъ сходахъ и по вопросу о «равноправіи». Пока они вели рѣчь о панахъ, о попахъ, о буржуяхъ, о бюрократахъ—все шло гладко и ораторовъ поощряли возгласами:

-- Знамо діло!

— Усі люди равні!

Но какъ только ораторъ подходилъ къ «сути», для которой и была поднята вся смута, т. е. къ вопросу «о еврейскомъ равноправіи», изъ толпы слѣдовали возгласы:

— Не треба намъ жидів!

— Хай собі идуть къ бісовому батькові!..

Въ такихъ вопросахъ, какъ объ учредительномъ собраніи или республикѣ, агитаторы между крестьянами соблюдали большую осторожность: въ губерніи было введено военное положеніе и, какъ записалъ въ своемъ дневникѣ Куличенко, вмѣстѣ съ этимъ «все присмирѣло и прижалось»; мѣстные сельскіе агенты прямо заявляли «делегатамъ», что подавляющее большинство мужичковъ всегда будетъ за царя. Но если не открыто, не на сельскихъ сходахъ и митингахъ, то въ частныхъ собраніяхъ, среди болѣе близкой и тѣсной компаніи, агитаторы настойчиво пытались провести мысль о необходимости «республики».

— Та воно звісно, це вещь необходима, — поддакивали мужички: якъ бы до Государя дійшла правда, то и давъ бы...

Бывали впрочемъ случаи, что и мужички на митингахъ дружно поддерживали крики:

— Долой самодержавье!

Одинъ изъ такихъ мужичковъ, выхвативши послѣ ми-

тинга за городъ вмѣстѣ со священникомъ, снялъ шапку перекрестился и говоритъ:

— Слава Богу: не буде бѣльшь „самодержавья“...

— „Какъ? неужели и ты противъ *самодержавья*?! спрашиваетъ удивленный священникъ.

— А на що воно намъ, колы у насъ е Батюшка-Государь, — отвѣтилъ мужичекъ.

Довольно легко было убѣждать крестьянъ, чтобы они «всѣмъ міромъ» смѣщали неугодныхъ имъ сельскихъ и волостныхъ властей, но не такъ легко побудить къ записи въ „крестьянскій союзъ“, а между тѣмъ безъ такой записи нельзя было собирать и «полтинниковъ съ рыла». Тутъ ужъ, послѣ приглашеній и предложеній, соблазновъ и обмановъ, пущены были въ ходъ застрачиванія и угрозы, кто-де не запишется въ «союзъ», тому и земли не нарѣжутъ. Но и угрозъ оказалось недостаточно — перешли къ насиліямъ: крестьянъ, не записавшихся въ „союзъ“, стали избивать и не допускать до заработковъ.

Такимъ путемъ число членовъ „крестьянскаго союза“ разумѣется стало увеличиваться вмѣстѣ съ количествомъ „полтинниковъ съ рыла“, что и требовалось шарлатанамъ, которые провозглашали свободу, а творили насиліе, призывали къ неповиновенію законнымъ властямъ, а себѣ требовали покорности, угрожали бойкотами, боевой дружиной и смертью.

Смута не могла миновать такого крупнаго села, какъ Романково. Работу по сбору „полтинниковъ съ рыла“ произвелъ въ немъ Строменко лично и для продолженія дѣла, которое было уже менѣе интересно, образовалъ мѣстный «комитетъ» во главѣ съ учителемъ министерской школы и семинаристомъ. Въ январѣ 1906 г. эти главы комитета были арестованы. Съ утра слѣдующаго дня предъ волостнымъ правленіемъ стала собираться толпа для освобожденія арестованныхъ. Къ 10-ти часамъ прибыли въ село казаки. Кто-то ударилъ въ набать. Къ счастью дѣло обошлось безъ насилій и кровопролитія. Казаки уѣхали, но чрезъ нѣсколько дней возвратились уже съ пѣхотой, чтобы арестовать членовъ комитета и коноводовъ смуты, которыхъ

до 30-ти человекъ и забрали въ тюрьму, предварительно наказавши плетью за самоуправство и противодѣйствіе власти.

Тюрьмы въ то время были переполнены агитаторами и наказанные не поумнѣли тамъ: по выходѣ изъ тюрьмы они стали обвинять въ своей судьбѣ какихъ-то „шпіоновъ“, въ томъ числѣ и крестьянина Ботченка.

На самомъ дѣлѣ убитый Василій Васильевичъ Ботченко никогда, конечно, не былъ шпіономъ, а былъ полезнымъ, скромнымъ и честнымъ крестьяниномъ и обладалъ здравымъ и свѣтлымъ умомъ, какимъ и ученые далеко не всѣ могутъ похвалиться.

Вотъ краткія свѣдѣнія изъ жизни В. В. Ботченка.

Отецъ его, запорожскій потомокъ, былъ неграмотный, но трезвый, трудолюбивый и богобоязненный крестьянинъ. Семью свою любилъ, но воспитывалъ строго и убитый В. В. Ботченко съ сожалѣніемъ говаривалъ, что хотя его дѣти, слава Богу, хороши и ведутъ себя честно, но что онъ воспитывалъ ихъ „слабѣ“, чѣмъ былъ воспитанъ самъ. „И мы, говорилъ покойный, когда были молоды, вольно себя вели, но озорства и пьянства у насъ не было; а чтобы молодые допустили развратъ и непотребство—и Боже сохрани! Бывало, въ праздники мы, молодые, играемъ, а старики сидятъ и ведутъ добронравныя бесѣды. А чуть кто изъ молодыхъ забудется—старики строго останавливаютъ, и всѣ ихъ боялись и уважали. А нынѣ и не говори молодымъ—облаютъ. Думаютъ это вольность и свобода, а вольность-то эта имъ горе сулитъ“. Въ 1869 году въ Романковѣ былъ расквартированъ какой-то полкъ. Въ домѣ Ботченковъ оказался на постой унтеръ-офицеръ, которому очень понравились мальчики, Василій — 14 л. и Григорій — 7 лѣтъ, и унтеръ-офицеръ за зиму обучилъ обоихъ грамотѣ. Тогда бывало, отецъ просиживалъ съ мальчиками цѣлыя ночи, слушая чтеніе книжки и любуясь, какъ хорошо мальчики читаютъ и пересказываютъ прочитанное. Съ того времени покойный сталъ, посѣщая церковь, становиться на клиросѣ и принимать участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, что дѣлалъ до самой смерти и приобрѣлъ такой навыкъ, что по

временамъ замѣнялъ псаломщика. Съ раннихъ лѣтъ довелось покойному участвовать въ работахъ по разверсткѣ земли правительственными землемѣрами. Какъ человѣкъ грамотный и смѣтливый, онъ прекрасно изучилъ это дѣло и въ послѣдніе годы своей жизни былъ уполномоченнымъ отъ общества по размежеванію надѣловъ, У него была собственная астролябія и въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ безмезднымъ контролеромъ работъ правительственныхъ землемѣровъ, не всегда „чистыхъ на руку“, и третейскимъ судьей крестьянъ своего и окрестныхъ сель въ ихъ земельныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. Бесплатно или за самую малую цѣну, въ 1—2 рубля, покойный производилъ съемки земельныхъ участковъ и рѣшалъ споры «по Божьей волѣ». Не такъ поступали чины отъ бюрократіи, напр.: Романковскіе сельчане по договору отдали одну десятину въ аренду богатому жида, который, по жидовскому обычаю, захватилъ 1½ десятины. Возникъ споръ. Вытребовали землемѣра. Землемѣръ потребовалъ съ общества «за работу» 18 р.; сколько получилъ съ жида—неизвѣстно, но только по его „работѣ“ оказалось, что жидъ правъ. Однако Ботченко доказалъ противное и жидъ вынужденъ былъ уплатить обществу 400 р. Ботченко постигъ и бюрократическіе порядки и законы, касающіеся крестьянства: возводилъ спорныя земельныя дѣла до Сената, велъ и выигралъ въ пользу крестьянъ процессъ о рыбной ловлѣ. Былъ полезенъ односельчанамъ и въ усовершенствованіи способовъ обработки земли: такъ онъ первый выписалъ и примѣнилъ къ дѣлу разборную сѣялку, которою теперь по его примѣру обзавелись многіе сельчане.

Давно уже процвѣтала бы и благоденствовала наша русская деревня, если бы каждый изъ приставленныхъ къ ней чиновъ и блюстителей за свои тысячные оклады столько же приносилъ пользы крестьянамъ, сколько В. В. Ботченко приносилъ ея безмездно!

Звѣрское его убійство произошло при такихъ обстоятельствахъ:

19-го января 1908 г., въ пятницу, вечеромъ, Ботченко зашелъ къ мѣстному священнику для переговоровъ отно-

сительно свадьбы своего меньшого сына Сергѣя. Свадьба предполагалась въ воскресенье 21-го января. Отъ священника Ботченко отправился домой на подводѣ крестьянина с. Каменскаго. Послѣдній упросилъ его захватить къ своему родичу, крестьянину с. Романкова. Тамъ уже были гости и въ числѣ ихъ Леонтій Мазанъ, 38 л., извѣстный воръ и пьяница. По слухамъ, этотъ Мазанъ до того времени совершилъ уже не одно убійство на возвратномъ пути изъ Манчжуріи. Какъ и всѣ подобныя негодяи, онъ былъ усерднымъ сотрудникомъ Строменка по завоеванію свободъ для бездѣльничанья, пьянства и разбоя и врагомъ Ботченка, какъ противника такихъ свободъ. Противъ покойнаго Мазанъ питалъ и личную злобу: когда-то онъ былъ у него работникомъ, но за воровство прогнанъ. Укоряя Ботченка въ „шпіонствѣ“ и заводя ссору, Мазанъ ударилъ его по лицу и окровавилъ. Ботченко поспѣшно вышелъ изъ хаты, а за нимъ вскорѣ и Мазанъ. Возвратившись чрезъ нѣкоторое время, Мазанъ сказалъ: „теперь ужъ Ботченко не будетъ на меня доносить“, и просилъ свезти его трупъ въ Днѣпръ. На утро Ботченко былъ найденъ звѣрски убитымъ предъ воротами одного изъ сосѣднихъ домовъ, куда, вѣроятно, онъ хотѣлъ зайти, но былъ застигнутъ Мазаномъ и убитъ ударами большихъ камней въ голову. Убитаго признала жена только по одеждѣ. Черепъ былъ размозженъ на мелкіе куски и держался только кожею. Мозгъ и части лица разбрызганы... Очевидно, убійца дробилъ черепъ уже мертвеца.

Но отвернемся скорѣе отъ этой невыносимой картины и забудемъ о гадинѣ Мазанѣ, какихъ немало развили теперь у насъ жидовская крамола и наше безсудье, часто оправдывающее явныхъ и злѣйшихъ преступниковъ. Вѣроятно и Мазанъ еще совершитъ не одно убійство.

Посмотримъ лучше, что обнаружилось на судѣ тѣхъ шарлатановъ и недоумковъ, которые волновали народъ именемъ „крестьянскаго союза“.

Здѣсь мы опять видимъ дворянскаго выроodka Куличенка, порченаго крестьянина Строменка, неучащагося сту-

дента Стасюка—и какъ всё они низки, пошлы и омерзительны!

Куличенко пишетъ изъ тюрьмы товарищамъ: «Если будутъ производить дознаніе, то лучше ото всего отказываться». Въмѣсто того, чтобы прямо и смѣло, какъ прилично русскому человѣку и дворянину, высказать свои убѣжденія или честно сознаться въ своей винѣ, этотъ жалкій выродокъ, какъ презрѣнный жидъ, самъ прибѣгаетъ къ наглому лганью и уловкамъ и тому же учить другихъ!

Но Строменко и его превзошелъ своею низостью. Когда изъ Екатеринослава выступили въ Соленое солдаты съ пулеметами, чтобы его арестовать. Строменко чрезъ своихъ агентовъ, подъ страхомъ угрозъ и насилій, согналъ въ Соленое изъ окрестностей тысячи крестьянъ, не исключая стариковъ, чтобы «двинуть ихъ на сраженіе»—а самъ *сбѣжалъ* въ Екатеринославъ, явился къ генераль-губернатору и вину всѣхъ беспорядковъ сваливалъ на земскихъ и министерскихъ учителей... Вотъ низкая и подлая душа! Десятки, а можетъ быть и сотни крестьянъ заплатились бы разстрѣломъ, тюрьмой и каторгой по винѣ этого негодяя еслибы ихъ не спасло самоотверженіе священника, который не боясь насилія и угрозъ смертію, три часа вразумлялъ бунтующую толпу. Такъ дѣйствовалъ «попъ», который будто бы «дереть съ живаго и мертваго», и такъ дѣйствуютъ подлые Строменки, выставляющіе себя «борцами за права народа». Убѣгая какъ трусъ и предатель, этотъ негодяй еще разъ прибѣгъ къ низкому и опаснѣйшему обману, наказавши толпѣ: «Стойте, братцы: съ Брянскаго завода придутъ къ вамъ на подмогу рабочіе съ 70-ью пулеметами». Между учителями, на которыхъ Строменко сваливалъ свою вину, были по крайней мѣрѣ честные люди. Одинъ изъ нихъ, наприм., лично велъ въ Соленое толпу крестьянъ съ дробовыми ружьями; другой, когда ему стала грозить опасность суда, искренно раскаялся и просилъ заступничества со стороны священника.

Плѣшивая голова, обрюзглое лицо и тупые глаза неучащагося студента Стасюка ничего не выражали, кромѣ готовности пособирать еще разъ «полтинники съ рыла»,

чтобы прокутить ихъ на бильярдахъ и въ домахъ терпимости.

И такое-то отребье, отбившееся и отъ дворянства и отъ крестьянства, и отъ ума и отъ совѣсти, выставяло себя въ роли руководителей и волновало простодушный и довѣрчивый народъ!

Изъ 30-ти подсудимыхъ едвали было болѣе 5—6-ти человекъ настоящихъ крестьянъ-землеробовъ и они выдѣлились на судѣ своей душевной порядочностью. Другіе подеудимые, изъ рядовъ порченной интеллигенціи, старались «ото всего отказаться», по рецепту Куличенка, или сваливать вину на угрозы, на принужденіе со стороны крестьянъ, которыхъ они же сами бунтовали. Изрѣдка, впрочемъ, и такія показанія были справедливы, напр. показаніе одного писаря о томъ, что онъ три раза ѣздилъ къ земскому начальнику, чтобы спросить совѣта, что ему дѣлать и какъ быть, но земскаго начальника все «дома не было»... Да, не мало оказалось такихъ начальниковъ, которые очень храбры съ безоружнымъ и безотвѣтнымъ мужикомъ, а какъ пришло время показать вѣрность присягѣ и царской службѣ, такъ ихъ «дома не было»...

А вотъ примѣръ, какъ вели себя на судѣ настоящіе крестьяне: въ качествѣ обвиняемаго находился простой, совершенно безграмотный крестьянинъ, рослый, съ лицомъ истаго славянина. Онъ безземельный сельскій батракъ, обремененный кучей ребятъ. Понятно, обѣщаніе всей земли для него имѣло особое значеніе и ради него онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ организаци «союза». Гдѣ нужно онъ прибѣгалъ къ угрозамъ, даже къ насиліямъ, чтобы только завербовать членовъ. На судѣ онъ угрюмо молчалъ. Въ теченіе двухъ сутокъ не проронилъ ни звука и былъ какъ-то странно безучастенъ ко всему, что происходило на судѣ. Но вотъ два-три свидѣтеля показали противъ него въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя его слова можно истолковать, какъ бунтъ противъ Царя... Нужно было видѣть, какъ этотъ медвѣдь разомъ заволновался, какъ онъ быстро схватился съ мѣста и какимъ протестующимъ то-

номъ заговорилъ, что противъ Царя онъ и въ мысляхъ ничего не имѣлъ и не могъ имѣть...

Съ какой отрадою русскій человекъ можетъ вспомнить, что у него есть Батюшка-Государь, Который покрывъ Своею царскою милостію и освободилъ отъ наказанія тысячи такихъ крестьянъ. ибо знаетъ сердце Царево, что они впадаютъ въ грѣхъ отъ соблазна негодными людьми да отъ обмана злостными жидами, которые уже носили по улицамъ портреты Гирша и Ротшильда, заставляли православный народъ снимать шапки и становиться передъ ними на колѣни и кричали: «вотъ цари наши и ваши!».

По дѣлу вызвано было въ Судъ до 100 свидѣтелей-крестьянъ. На предварительномъ слѣдствіи они чистосердечно показывали правду, но ко времени судебного разбирательства были кѣмъ-то настроены «ото всего отказываться»: читали-де манифестъ, разъясняли, а противъ правительства не шли, все было по закону. Однако уловки и ложь противны русской душѣ и свидѣтели переходили на правду. Почти всѣ показанія шли такимъ образомъ:

— Свидѣтель! что вы знаете по дѣлу о «крестьянскомъ союзѣ?»

— Такъ что... ничего не знаю...

— Какъ же не знаете? А вотъ вы тамъ-то и тогда-то собирались и обсуждали приговоръ...

— Та це правда—сбыралысь... Тилько мы сбыралысь для того, цобъ газеты читать, та обьяснять маныфестъ... Объ союзѣ и балачки не було...

— А о чемъ говорилъ на этомъ собраніи такой-то подсудимый?

— Та... читавъ та обьясняявъ маныфеста...

— А не говорилъ ли, что нужно отбирать земли помѣщичьи, казенныя, монастырскія и раздать ихъ крестьянамъ и цтобъ вы объ этомъ писали приговоръ?

— Та... це було...

— А вотъ на счетъ урядниковъ, земскихъ да становыхъ не говорилъ ли онъ, что ихъ надо смѣстить и на ихъ мѣсто выбрать свое начальство?

— Та... було и це...

— А не говорил ли онъ, что податей давать не надо, что не надо давать солдатъ?

— Та... здается и це казавъ... Багато де-чого говорилось, усега и не перекажешъ...

— Такъ что онъ призывалъ васъ идти противъ правительства?

— Ни... проты правытельства ничего не казавъ... щобъ иты проты правытельства — цего не було... Усе по закону говорилось...

Люди, слѣдившіе за судебнымъ процессомъ, спрашивали: а гдѣ же главные виновники смуты—жиды? ихъ что-то не видно на скамьѣ подсудимыхъ... По обвинительному акту Элькинъ и Гуревичъ „бѣжали за границу“. Вѣроятно это правда, но еще вѣроятнѣе, что они давно уже воротились изъ заграници и, быть можетъ, преспокойно обитають, напр., въ с. Романковѣ.

Впрочемъ здѣсь и безъ нихъ этихъ паразитовъ цѣлныя гнѣзда. Хлѣбная торговля, торгово-промышленныя заведенія, лавки, паровыя лѣсопильни и мельницы—все въ ихъ рукахъ. Пріѣзжаетъ въ село тощій паразитъ. Проходитъ немного лѣтъ—онъ уже выросъ въ жирнаго паука. Тогда уѣзжаетъ открывать оптовые магазины или банкирскую контору, а на его мѣсто пріѣзжаютъ новые пауки: русскій мужикъ вырабатываетъ жизненные соки, а жиды ихъ высасываютъ и пьютъ.

Молодые жидки и жидовки разгуливаютъ по селу въ малороссійскихъ костюмахъ: жидки—въ лакированныхъ ботфортахъ, широкихъ илисовыхъ шароварахъ, чумаркахъ и вышитыхъ рубашкахъ съ красными застежками—запорожцы да и только! жидовки—въ запаскахъ, чоботахъ, съ монистами—хохлушки хоть куда!

А промыслы и занятія ихъ въ селѣ обычны, какъ и вездѣ: за 7-ми копѣчный платокъ вымѣнять 2 десятка яицъ, стоящихъ 70 коп.; учить дѣтей и подростковъ воровству, чтобы достать сластей или водки; содержать тайные шинки и притоны пьянства, картежной игры и разврата, заниматься сводничествомъ, соблазняя молодыхъ дѣвушекъ особенно красивыхъ; опутывать и обманывать кре-

стьянъ векселями; подсовывать подпольныя газетки и развратныя книжки... вообще всѣми способами развращать сельскіе нравы, разводить пьянство, распутство, воровство и хулиганство, вытравливать въ народѣ умъ, совѣсть и здоровье, чтобы легче подчинить его своему гнету и эксплуатаціи. Конечно, все это извѣстно мѣстной власти, но съ властями у жидовъ свои счеты...

И начинаютъ терять здоровье и красоту, мельчать, хирѣть, выражаться потомки богатырей—запорожцевъ...

А порченная русская интеллигенція, вмѣсто того чтобы защитить народъ, сама ожидовѣла и толкаетъ народъ въ кабалу.

Кажется только сумасшедшій могъ бы не понять наглыхъ обмановъ, которыми мутили народъ:

Вотъ разбита экономія, звѣрски перерѣзаны десятки крупнаго породистаго скота и сотни овецъ. А чьи горою нагруженные возы тянутся по дорогѣ?

Это жидъ везетъ на продажу шкуры убитаго скота. Онъ платилъ за содранную уже съ овцы шкуру 10 коп., а за живую овцу только 5 коп.: ее нужно еще убить и ободрать!..

Вотъ изгнаны царскіе чиновники—„бюрократы“, провозглашена республика. Нужно, говорятъ, сжечь мостъ черезъ рѣку, чтобы не допустить казаковъ и правительственныхъ войскъ. Мостъ сожженъ. О казакахъ и войскахъ даже слуху нѣтъ...

А все дѣло въ томъ, что чрезъ этотъ мостъ подвозились съѣстные припасы, которыхъ жида заготовили на цѣлую недѣлю и продавали въ три—дорога!

Вотъ объявлено именемъ какого-то „центрального комитета“, что нужно закрыть въ округѣ винныя лавки. Лавки не только закрыты, но и разбиты. Отчего же пьяныхъ по улицамъ не стало меньше, а еще больше?

Оттого, что жида сдѣлали громадныя запасы водки, только теперь продаютъ ее вдесятеро дороже!..

Вотъ пущенъ откуда-то слухъ, что, по случаю объявленія свободъ, до новаго года (т. е. 1-го янв. 1906 г.)

можно грабить и разбойничать—суда за это не будетъ. Сотни возовъ награбленнаго хлѣба тянутся къ складу Лейбы. Кстати Лейба предлагаетъ крестьянамъ везти къ нему и свой хлѣбъ, объявляя высокую цѣну, которую де онъ тотчасъ уплатитъ, какъ только „сдѣлаетъ оборотъ“.

— И Лейба набираетъ хлѣба на 100 т. р. и исчезаетъ за границу, ни гроша не заплативши мужикамъ ни за награбленный, ни за ихъ собственный хлѣбъ!

И тысячами такихъ же наглыхъ обмановъ чуть не по всей Россіи поднята смута, раззорившая государство и народъ больше, чѣмъ Японская война, въ которой тѣ же жидаы употребили всѣ средства къ нашему пораженію: возмущали солдатъ, перебѣгали къ японцамъ, сдавали имъ нагруженные углемъ для флота корабли, открывали наши военные секреты, бунтовали рабочихъ на заводахъ, оставляя солдатъ безъ пушекъ и снарядовъ, производили крушенія поѣздовъ съ провіантомъ, перехватывали секретныя депеши...

Имъ нужно было добиться пораженія нашихъ войскъ, чтобы успѣшнѣе произвести внутреннюю смуту, свергнуть самодержавіе, провозгласить „еврейское равноправіе“, и захватить въ свои руки власть и всю *землю*, чего они уже добились во многихъ странахъ посредствомъ такихъ же измѣнъ, предательствъ и смуть.

Въ Россіи жидамъ не удалось достигнуть, чего хотѣлось, потому что на защиту Вѣры и Государя всталъ православный русскій народъ и разгромилъ ихъ; однако за время смуты *они успѣли захватить миллионы десятинъ земли*, и захваты продолжаются, и невозможно ихъ остановить, пока продолжается смута.

„А смута въ царствѣ не пройдетъ, пока не пройдетъ смута въ умахъ“, говаривалъ Ботченко: „Государство—это семья, только большая. Не на партіи нужно дѣлиться, не ссоры и смуты заводить, а нужно всѣмъ русскимъ людямъ объединиться и помочь Государю въ Его заботахъ о народѣ“.

Свѣтлый умъ покойнаго ни на одну минуту не поддался жидовскимъ обманамъ. Удивительно, какъ здраво

судилъ этотъ простой и малообразованный крестьянинъ о свободѣ совѣсти, самодержавіи, правовомъ строѣ, равноправіяхъ, націонализаціяхъ, социализаціяхъ и т. под. „вопросахъ, въ которыхъ жида путаютъ, сбиваютъ съ толку и дурачатъ нашу порченую интеллигенцію:

„Православной вѣрой и царскимъ самодержавіемъ стоитъ русская земля“, говорилъ Ботченко. „Деревню нужно освободить отъ пьянства, дать ей доброе и полезное ученіе и поддержать строгіе нравы. А то нынѣ ребята на грошъ научатся да надѣнуть кокарды и ужь считаютъ себя учеными, крестьянъ—своихъ родителей стыдятся, толкуютъ о равенствахъ, а сами лѣзутъ въ паны. Еще вездѣ есть въ деревняхъ умные и честные крестьяне: нужно, какъ бывало прежде, чтобы ихъ уважали и слушались“.

„Смута еще не скоро пройдетъ; можетъ быть еще будетъ и кровавая, и не одна. Только Россіи жида не проглотятъ! защитятъ ее святые угодники, православная вѣра да Батюшка-Царь“.

„Не для того отцы наши тысячу лѣтъ поливали кровью землю русскую, чтобы надъ нами кичились ляхи, нашей землей богатѣли нѣмцы, нашими трудами питались паразиты—жиды. Теперь Россія ихъ кормитъ 8-мь милліоновъ. Чего это стоитъ народу? Вѣдь мало кто изъ нихъ занимается производительнымъ трудомъ,—всѣ живутъ какъ трутни и пауки“.

Покойный отъерто и смѣло высказывалъ свои мысли среди сосѣдей, на собраніяхъ и сходахъ, а на угрозы смертью отвѣчалъ: „буду радъ умереть за Вѣру и Государя“.

Звѣрское его убійство вызвало глубокое соболѣзнованіе среди добрыхъ односельчанъ и знакомыхъ крестьянъ другихъ сель.

„Союзъ русскихъ рабочихъ“ с. Каменскаго имѣлъ мысль поставить ему намогильный памятникъ, какъ своему члену, и хотя доселѣ этого не исполнилъ за возникшими внутри «Союза» непорядками, но намѣренія не оставилъ.

Пока наша сѣрая деревня не оскудѣетъ здоровымъ сля-

щимъ, честнымъ, трудолюбивымъ, богобоязненнымъ и царелюбивымъ земледѣльческимъ крестьянствомъ, къ которому принадлежалъ убитый Василій Васильевичъ Ботченко, до тѣхъ поръ Царство Русское не поколеблется.

Спи мирно, достойный сынъ Земли Русской!

Вѣчная память рабу Божию Василю.

Илья Федоровъ.

Ночной сторожъ г. Пскова. Убитъ 7-го ноября 1907 г.
въ Алексѣвской слободѣ Псковской губ.

При преслѣдованіи злоумышленниковъ, совершившихъ дерзкое ограбленіе и бѣжавшихъ изъ деревни Голичевской въ Алексѣвскую слободу, Илья Федоровъ былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Чины полиціи открыли мѣстопробываніе шайки и окружили мѣсто, гдѣ находились всѣ ея члены. На требованіе сдаться разбойники отвѣчали стрѣльбой по чинамъ полиціи. Началась жаркая перестрѣлка, которая длилась довольно долго, а потомъ со стороны шайки разбойниковъ прекратилась.

Тогда смѣльчаки, въ числѣ которыхъ находился и Илья Федоровъ, рѣшили близко пробраться къ нимъ, чтобы увидать, живы ли они, причемъ Федоровъ первымъ пошелъ на приступъ, но былъ мгновенно пораженъ пулей, пущенной изъ засады и умеръ на мѣстѣ.

Грабителей переловили, тѣло же Федорова отвезли въ городъ, гдѣ похоронили его съ воинскими почестями какъ подобаешь герою, жизнь свою отдавшему въ защиту интересовъ государства.

Федоровъ былъ вдовецъ. Происходилъ изъ крестьянъ Псковской губ., Островскаго уѣзда, Грибулевской волости.

Семья его состояла изъ двухъ сыновей: Алексѣя 25 л. и Василя 18 л. и двухъ дочерей: Евдокіи 26 л. и Анны 22-хъ лѣтъ.

Старшіе сынъ и дочь жили отдѣльно отъ семьи, вѣроятно были на службѣ, двое же младшихъ помогали отцу хозяйничать и вели всѣ дѣла по дому, съ его несложными хлопотами и заботами. Покойному было 50 лѣтъ и онъ счи-

тался однимъ изъ самыхъ усердныхъ и добросовѣстныхъ служаекъ.

Первоначальную службу свою Илья Федоровъ началъ въ должности надзирателя Псковскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, гдѣ оставался около 10 лѣтъ; по увольненіи же съ этой службы, онъ поступилъ ночнымъ сторожемъ Алексѣевской слободы, гдѣ служилъ по день своей смерти.

Всѣ, знавшіе покойнаго, глубоко сожалѣли о его мученической кончинѣ и приняли большое участіе въ его семьѣ, которая, въ настоящее время, обезпечена: дочери замужемъ, а сыновья женаты и жизнь ихъ омрачаетъ только воспоминаніе о трагической кончинѣ горячо любимаго отца.

Михаилъ Алексѣевичъ Добронравовъ.

Инспекторъ Тифлисской духовной семинаріи.

Убитъ въ Тифлисѣ революціонерами 24 мая 1907 года.

Кавказская революція 1904—1906 г., по многочисленности видовъ кровавой расправы, по жестокости самихъ революціонеровъ, по бессмысленности революціонныхъ выступленій, безспорно занимаетъ первое мѣсто во всей нашей матушкѣ Россіи.

Жертва революціоннаго безумія, кровавой заразы, убитый 24 мая 1907 г., инспекторъ Тифлисской духовной семинаріи, Михаилъ Алексѣевичъ Добронравовъ (день убійства Добронравова совпалъ со днемъ убійства, въ 1886 г., ректора семинаріи, протоіерея Павла Чудецкаго), являетъ собою прямое подтвержденіе нашихъ положеній.

Воспитанникъ Кіевской духовной академіи, уроженецъ Калужской губерніи, гдѣ и получилъ среднее и нисшее образованіе, Михаилъ Алексѣевичъ скоро, по окончаніи курса академіи со степенью кандидата богословія, приказомъ г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 9 декабря 1886 года, назначенъ былъ преподавателемъ Тифлисской духовной семинаріи, по кафедрѣ священнаго писанія ветхаго завѣта и библейской исторіи.

Приѣхавши на Кавказъ 26 лѣтъ отъ роду (родился онъ 26 октября 1860 г.), Михаилъ Алексѣевичъ всѣ свои силы посвятилъ воспитанію юношества нашей злополучной окраины.

Отличаясь серьезнымъ отношеніемъ ко всякому поручаемому ему дѣлу и глубокою начитанностью въ области преподаваемыхъ имъ предметовъ, Михаилъ Алексѣевичъ скоро и въ глазахъ начальства и въ глазахъ воспитанниковъ семинаріи заслужилъ репутацію умнаго, дѣльнаго, тактичнаго и безпристрастнаго преподавателя,—и черезъ годъ уже былъ назначенъ распорядителемъ экзарха Грузіи, ар-

хієпископа Палладія, членомъ педагогическаго собранія правленія семинаріи,—честь рѣдко выпадающая на долю молодого преподавателя.

Какъ члену правленія ему многократно давались порученія особаго характера: онъ составлялъ правила для благоповеденія воспитанниковъ семинаріи, правила для внѣ-класснаго чтенія книгъ учениками семинаріи; дважды его посылали на ревизію духовныхъ училищъ—Мингрельскаго въ 1890 году и Телавскаго въ 1895 году; всѣ эти порученія онъ настолько успѣшно исполнялъ, что за каждое изъ нихъ получалъ оффиціально благодарность и признательность правленія семинаріи и епархіальной власти.

Какъ глубокой знатокъ всего Священнаго писанія, онъ былъ серьезнымъ работникомъ на миссіонерскомъ поприщѣ. Экзархъ Грузіи, Владиміръ, цѣня начитанность и тактичность Михаила Алексѣевича, поручилъ ему веденіе противосектантскихъ бесѣдъ въ миссіонерскихъ церквахъ города Тифлиса и въ Тифлисской губернской тюрьмѣ (съ пересыльными сектантами); правленіе семинаріи поручало ему давать отзывы о различныхъ сектантскихъ брошюркахъ и книгахъ; а въ 1895 году онъ по распоряженію Экзарха Грузіи, былъ командированъ въ Тифлисскую, Елизаветпольскую, Эриванскую и Бакинскую губерніи и Карскую область съ миссіонерскою цѣлью и черезъ эту поѣздку приобрѣлъ то большое знакомство съ бытомъ и взглядами сектантовъ, которое необходимо каждому, имѣющему дѣло съ бесѣдами противосектантскаго характера. Послѣ этой поѣздки бесѣды Михаила Алексѣевича съ сектантами приобрѣли особую непреодолимую сектантами твердость.

Несъ Михаилъ Алексѣевичъ, служба въ семинаріи, и другія обязанности: былъ старостою въ 1-ой миссіонерской церкви, состоялъ предсѣдателемъ различныхъ комиссій при семинаріи, не разъ исправлялъ должность инструктора семинаріи; состоялъ членомъ Братства Андрея Первозваннаго и пр.

Ко всякому дѣлу онъ относился серьезно и доводилъ до конца.

За эту то свою напряженную и добросовѣстную дѣятельность Михаилъ Алексѣевичъ въ концѣ 1896 года назначенъ былъ смотрителемъ Горійскаго духовнаго училища. Въ этой должности онъ пробылъ до начала 1905 года и проявилъ здѣсь особливую заботливость о бѣдныхъ воспитанникахъ училища, такъ что Горійское духовенство (грузины) на окружномъ съѣздѣ въ юнѣ 1901 года журнальнымъ постановленіемъ выразило ему „чувствительную благодарность за его добросовѣстное отношеніе къ интересамъ духовенства и отеческое попеченіе о воспитанникахъ Горійскаго духовнаго училища“.

Будучи смотрителемъ училища, онъ одновременно состоялъ и членомъ Горійскаго отдѣленія Грузинскаго епархіальнаго училищнаго совѣта по церковно-приходскимъ школамъ, за труды по каковой должности ему была выражена благодарность отъ Горійскаго отдѣленія совѣта.

9 февраля 1903 г., Добронравовъ указомъ Святѣйшаго Синода былъ назначенъ инспекторомъ Тифлисской духовной семинаріи. Назначеніе прежняго преподавателя, извѣстнаго своею честностью, безпристрастностью и главное упорнымъ трудолюбіемъ, было встрѣчено не только семинаріей, но и обществомъ, имѣвшимъ отношеніе къ семинаріи, съ глубокимъ сочувствіемъ.

И дѣйствительно, первое время его инспекторства было временемъ не только его усиленныхъ заботъ и надзора за благоповеденіемъ семинаристовъ, но и временемъ, когда всѣ чувствовали, что инспекторская часть находится въ твердыхъ рукахъ. Педантично строгій къ себѣ, никогда не макировавшій и частью своихъ обязанностей, онъ къ семинаристамъ не относился съ какою-либо бездушною строгостью: примѣромъ личнаго добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ онъ хотѣлъ внушить семинаристамъ такое же добросовѣстное отношеніе къ ихъ обязанностямъ.

Семинаристы относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ, сослуживцы видѣли въ немъ добраго, старшаго умнаго товарища, начальство было спокойно, зная, что дѣло

воспитанія семинаристовъ находится въ твердыхъ и надежныхъ рукахъ. Въ разныхъ церковно-общественныхъ учрежденіяхъ г. Тифлиса Михаилъ Алексѣевичъ былъ желаннымъ сотрудникомъ и совѣтникомъ и поэтому скоро по пріѣздѣ изъ Гори былъ назначенъ членомъ Грузинскаго Епархіального Училищнаго Совѣта, членомъ Совѣта Епархіального Братства и пр.

Казалось, что заслуживши себѣ доброе и почетное имя и въ семинаріи и въ обществѣ, Михаилъ Алексѣевичъ приготовилъ для себя полную возможность спокойной жизни и отъ всѣхъ только благодарность себѣ за свою честную и полезную дѣятельность.

Но Богъ судилъ иначе. Къ добрымъ подвигамъ воспитанія дѣтей и церковно-общественнаго служенія Михаилъ Алексѣевичъ прибавилъ подвигъ мученичества за тѣ начала, во имя которыхъ онъ, не отступая ни на шагъ, твердо несъ тяжкое бремя руководителя семинарской дисциплины.

Наступило позорное для Россіи революціонное время со всѣми забастовками въ учебныхъ заведеніяхъ, со всѣми безобразными выступленіями дѣтей и взрослыхъ. Въ кавказскихъ учебныхъ заведеніяхъ забастовочная вакханалія разыгралась во всю. А въ духовно учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса этимъ забастовкамъ сочувствовало стремившееся къ автокефаліи грузинское духовенство, побуждая своихъ сыновей и дочерей писать и составлять по адресу начальства всякія глупыя требованія, побуждая ихъ бросить занятія, устраивать бунты, лишь бы всему міру показать, какъ тяжело истинно церковнымъ людямъ (такими себя именуютъ политиканы-автокефалисты) находится подъ тяжелою рукою русскихъ экзарховъ, Святѣйшаго Синода и вообще русской церковной власти.

Эту то всю тяготу революціонныхъ автокефальныхъ освободительныхъ выступленій пришлось взять на свои плечи Михаилу Алексѣевичу. Человѣкъ долга, человѣкъ непреклонной твердой воли, человѣкъ возмущавшійся мерзостями, совершаемыми въ стѣнахъ духовно-учебнаго заведенія, Михаилъ Алексѣевичъ въ забастовочное время проявилъ въ сильной степени всѣ эти качества, и семинаристы

скоро должны были видѣть, что ихъ неизмѣнно добрый, тактичный, справедливый инспекторъ является главною силою, о которую могутъ разбиться всѣ ихъ освободительныя выступленія.

Дѣйствительно Михаилъ Алексѣевичъ весь ушелъ на это время въ исполненіе своихъ инспекторскихъ обязанностей,—забылъ объ отдыхѣ, забылъ объ обществѣ, все время проводилъ въ семинаріи, открыто подавалъ голосъ за увольненіе зачинщиковъ и пр.

Посыпались ему анонимныя письма; за спиною раздавались недвусмысленныя угрозы.

Крѣпкую и твердую поддержку въ своей тягостной работѣ находилъ Михаилъ Алексѣевичъ со стороны Владыки-Экзарха Никона, который одобряя и ободряя его, просилъ его пробывать въ семинаріи до конца учебнаго года и общалъ для его спокойствія устроить ему, за его страданія, почетный переводъ въ среднюю Россію. Поддерживаемый крѣпкою рукою тоже будущаго мученика за Церковь, Михаилъ Алексѣевичъ не унывалъ въ своей работѣ. Благодаря смѣнѣ ректора семинаріи, ему временно пришлось стоять во главѣ семинаріи; но онъ бодро несъ это бремя, предвидя впереди лѣтній каникулярный отдыхъ, а затѣмъ и переводъ въ среднюю Россію, гдѣ его примѣрная честность, трудолюбіе, умъ и тактичность оцѣнились бы добрымъ образомъ.

Но и враги его не дремали. Подметныя письма, недвусмысленныя угрозы выражали искреннее желаніе раздѣлаться кровавою расправою съ добрымъ слугою Церкви и отечества.

Какъ ис. об. ректора, Михаилъ Алексѣевичъ по какимъ то хозяйственнымъ дѣламъ долженъ былъ ѣхать съ экономомъ семинаріи грузиномъ о. Епифаніемъ Джаошвили, въ зданіе новой семинаріи, тогда еще доканчивавшееся постройкой. Поѣздка была назначена на 24 мая. Новая семинарія за городомъ, въ полѣ. О поѣздкѣ узнали. Были снаряжены убійцы. Выстрѣлъ былъ мѣткій. Добрый инспекторъ, русскій человекъ, посвятившій всѣ свои недюжинныя силы на воспитаніе въ добрыхъ началахъ грузинскаго юноше-

ства, смертельно раненый упалъ изъ экипажа и тутъ же скончался. Убийцы скрылись и доселѣ не розысканы.

Погребеніе совершалъ самъ Высокопреосвященнѣйшій Никонъ, отечески поддерживавшій Михаила Алексѣевича въ его трудной работѣ. Самъ тоже обреченный уже на смерть Владыка со слезами напутствовалъ покойнаго въ лучшую жизнь.

Такъ на Кавказѣ оцѣнивають дѣятельность лучшихъ русскихъ людей, самоотверженно работающихъ на томъ поприщѣ, которое судилъ имъ проходить Самъ Господь.

Михаилу Алексѣевичу и всѣмъ за Вѣру, Царя и Отечество убиеннымъ да дастъ Господь Свое небесное царство!

Григорій Ивановъ Коробка.

Городовой гор. Полтавы.
Убитъ 3-го августа 1907 г.

Грустная, но къ сожалѣнію такая обыкновенная для того проклятаго времени, которое мы пережили, картина...

Городовой гор. Полтавы Коробка, который принесъ неоцѣнимыя заслуги мѣстной полиціи въ смутное революціонное время, благодаря выдающимся сыскнымъ способностямъ, проходилъ въ часъ дня по одной изъ самыхъ людныхъ улицъ, Дворянской. Вдругъ ему на встрѣчу попались два злоумышленника, давно уже и тщетно розы-

скиваемые полицейскими властями. Завидѣвъ Коробку, они хотѣли было скрыться въ боковую улицу, но Коробка мигомъ нагналъ ихъ и пригрозивъ приказалъ слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ въ управленіе 3-ей полицейской части. Задержанные подчинились, но выжидали только удобнаго момента, когда представится возможность улепетнуть. На углу Дворянской и Срѣтенской улицъ, воспользовавшись усиленнымъ движеніемъ, одинъ изъ преступниковъ молниеноснымъ движеніемъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣливъ почти въ упоръ въ Коробку, бросился бѣжать по Срѣтенской улицѣ. Не успѣлъ Коробка очнуться отъ этого выстрѣла, какъ второй задержанный еще на болѣе близкомъ разстояніи дважды выстрѣлилъ въ него и бѣжалъ. Смерть несчастнаго послѣдовала моментально. Одна изъ пуль злодѣя пробила насквозь его сердце и прошла черезъ спину на вылетъ. Убійца вскорѣ былъ пойманъ. Онъ оказался крестьяниномъ Кобелякской волости, Кобелякскаго уѣзда, Игнатіемъ Сибирнымъ, присужденнымъ кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе въ Кременчугѣ, въ январѣ 1909 г. Второй преступникъ и до сихъ поръ не розысканъ.

Скромному герою, заплатившему жизнью за вѣрную службу, были устроены торжественныя похороны. Послѣ Коробки осталась жена съ сыномъ.

За свою долгую и усердную службу по полиціи Коробка имѣлъ малую и большую серебряныя медали. Происходилъ онъ изъ крестьянъ той же губерніи, умеръ 50 лѣтъ отъ роду.

Иванъ Іосифовичъ Мрачикъ.

Околоточный надзиратель гор. Екатеринослава. Убитъ
26 Января 1908 г.

Трудно было скоро усмирить такой районъ, какъ 6-я Брянская часть! г. Екатеринослава, а такъ-же фабричная слободка и Чегелевка (районъ 5-й части). Заводской районъ г. Екатеринослава и теперь еще населенъ въ большинствѣ неспокойнымъ, а отчасти и преступнымъ элементомъ. Въ мартѣ 1903 года на Брянскомъ заводѣ былъ убитъ начальникъ прокатныхъ мастерскихъ и помощникъ директора Мыловъ.

Администрація завода объявила рабочимъ локаутъ. Положеніе стало очень опаснымъ и серьезнымъ.

Приставъ 6-й Брянской части гор. Екатеринослава М. А. Синьковскій просилъ завдоуправленіе ассигновать

средства на увеличеніе штата полиціи для охраны завода и заводскихъ служащихъ и тогда впервые была учреждена Брянская конная команда въ составѣ 15 человекъ. Понадобился, конечно, начальникъ этой команды. Опытный и старый полиціймейстеръ г. Машевскій, умѣвшій какъ хорошій полководецъ сразу опредѣлять положеніе, понялъ, что для заводской конной команды нуженъ смѣлый и энергичный начальникъ и прислалъ для этой цѣли въ его распоряженіе околоточнаго надзирателя И. И. Мрачика.

Иванъ Іосифовичъ Мрачикъ происходилъ изъ мѣщанъ гор. Николаева. Окончилъ курсъ городского 6-ти класснаго училища. На военной службѣ не былъ. Въ высшей степени живая и энергичная натура заставляла его бросаться отъ одной службы къ другой; такъ на примѣръ: по окончаніи училища онъ состоялъ псаломщикомъ; затѣмъ перешелъ въ мореходное училище и былъ болѣе года въ плаваніи; бросилъ это и перешелъ на сцену; былъ суфлеромъ, имѣлъ свою небольшую драматическую труппу и, наконецъ, найдя свое настоящее дѣло — службу по наружной полиціи, съ 4-го ноября 1905 года былъ зачисленъ испол. обяз. околоточнаго надзирателя Екатеринбургской городской полиціи.

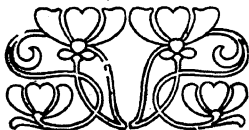
Завѣдуя конвойной командой, онъ первымъ появлялся въ качествѣ усмирителя вездѣ, гдѣ только происходили безпорядки. По собственной инициативѣ онъ съ командой задерживалъ много преступниковъ, разгонялъ всѣ сборища «товарищей». Достаточно было появиться Мрачику съ 2—3 конными городскими на Чегелевкѣ, какъ всѣ тѣ, которые имѣли основаніе бояться полиціи, разбѣгались и прятались.

Зная озлобленіе и ненависть преступниковъ и неблагонадежной части рабочихъ къ Мрачику, приставъ Синьковскій требовалъ, что-бы онъ никогда не появлялся на Чегелевкѣ и вообще въ мѣстахъ скопленія рабочихъ, одинъ, безъ сопровожденія конныхъ городскихъ; но Мрачикъ, презиравшій всякую опасность, иногда одинъ появлялся на Чегелевкѣ и вотъ 26 янв. 1908 г. вечеромъ, когда Мрачикъ стоялъ тамъ, безъ своихъ конныхъ, на углу 1-й Чегелевки и Сквозной ул., къ нему подошли два злодѣя и выстрѣлами изъ браунинговъ въ голову уложили его на мѣстѣ. Прискакавъ

съ молодцами-конными къ мѣсту преступленія, Синьковскій увидѣлъ героя распростертымъ среди улицы, въ лужѣ крови. На сколько въ то время была терроризована публика разбойниками, можно судить по тому факту, что на далекое разстояніе отъ трупъ всѣ улицы опустѣли; гулявшая до тѣхъ поръ толпою, публика попряталась по домамъ и разбѣжалась, боясь попасть въ свидѣтели. Тяжело было смотрѣть на трупъ убитаго. Загрубѣвшія сердца конныхъ городовыхъ, видавшихъ въ послѣднее время много горя и кровавыхъ картинъ, не выдержали потери своего любимаго начальника и глаза всѣхъ оросились слезами.

Черезъ нѣсколько дней состоялись торжественныя похороны убитаго Мрачика подъ звуки военного оркестра. Проводить убитаго на кладбище собрались всѣ его подчиненныя, сослуживцы и начальники, во главѣ съ губернаторомъ. Брянскій заводъ принялъ всѣ расходы по похоронамъ, а трубопрокатный заводъ выдалъ вдовѣ Мрачика 500 руб пособія. Кромѣ того ей назначена пенсія по 8 руб. въ мѣсяць.

Одинъ изъ убійць Мрачика черезъ мѣсяць послѣ преступленія былъ задержанъ, но до суда по этому дѣлу былъ казненъ за вооруженное сопротивленіе конвою и чинамъ тюремной администраціи. Другой еще въ тюрьмѣ.

Никифоръ Даниловичъ Пономаревъ.

Конный городской гор. Майкопа, Кубанской обл.

Убитъ 22 мая 1909 г.

Кажется ни одна изъ окраинъ Россіи не проявила такого длительного упорства и злобы въ крамольныхъ выступленіяхъ противъ представителей правительственной власти и всего русскаго, въ разбойныхъ нападеніяхъ на казенныя учрежденія и пр., какъ Кавказъ. Точно желая подчеркнуть недѣйствительность всевозможныхъ завѣреній центральной власти и особенно высшей власти на Кавказѣ, здѣсь, въ этомъ якобы успокоенномъ краѣ еще долгое время послѣ того, какъ закончилась ликвидація революціоннаго движенія по всей Россіи, свирѣпствовали крамольники и просто разбойники, въ образѣ всевозможныхъ Зелимхановъ—подлинныхъ и поддѣльных—безнаказанно убивавшихъ русскихъ солдатъ и офицеровъ, грабившихъ почтовые станціи, казначейства, банки, проѣзжихъ, терроризировавшихъ мирное населеніе, а потому и укрываемыхъ имъ въ случаѣ надобности. Этотъ кровавый періодъ, стоявшій Россіи многихъ—многихъ жертвъ, по истинѣ можно назвать вторичнымъ замиреніемъ Кавказа...

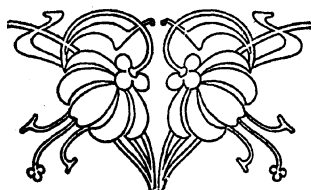
Покойный Пономаревъ—одна изъ этихъ многочисленныхъ жертвъ кавказскихъ Зелимхановъ, которые нашли себѣ достойныхъ защитниковъ въ Государственной Думѣ въ лицѣ „избранниковъ“ Гегечкори, Чхеидзе и другихъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ погибъ отъ разбойничьей руки, рисуются въ слѣдующемъ видѣ. 22 мая 1909 г., въ два часа дня, почта, вышедшая со ст. Апшеронской, въ сопровожденіи почталіона Гавриленки, ямщика Курилова и двухъ конвойныхъ, городскихъ гор. Майкопа: Чепрасова и Пономарева, подверглась въ семи верстахъ отъ ст. Суходольской вооруженному нападенію. Разбойники

протянувъ веревку отъ одного конца узкой дороги къ другому и спрятавшись въ засадѣ, за густыми зарослями, поджидали съ винтовками въ рукахъ приближающуюся почтовую повозку. Планъ нападенія былъ задуманъ просто, но вѣрно. Въ моментъ, когда ямщикъ замѣтитъ неожиданное препятствіе и весь отрядъ остановится, чтобы устранить это препятствіе со своего пути, поль-дюжины мѣткихъ выстрѣловъ обезпечать разбойникамъ спокойную „работу“ съ почтовыми баулами, наполненными денежною корреспонденціею.

Дѣйствительность нѣсколько видоизмѣнила первоначальный замыселъ жестокихъ разбойниковъ. Ни ямщикъ, ни кто-либо изъ отряда не замѣтилъ во время разставленной ловушки и почтовый фургонъ на всемъ ходу налетѣлъ на протянутую веревку. Пристяжная лошадь запуталась ногами въ веревкѣ и упала. Въ ту-же минуту раздался изъ засады залпъ ружейныхъ выстрѣловъ. Упавшая пристяжная оборвала упряжь, двѣ другія, освободившись, понесли. Почталіонъ Гавриленко былъ выброшенъ изъ повозки, а ямщикъ, не выпуская возжей изъ рукъ, ускакалъ на взбѣсившихся лошадяхъ. Положеніе тѣхъ, что остались, было очень критическимъ. Но почталіонъ не растерялся и какъ только разбойники показались изъ засады открылъ по нимъ стрѣльбу изъ револьвера. Конечно, въ этой неравной борьбѣ побѣда должна была бы остаться на сторонѣ разбойниковъ. Но послѣдніе увидѣвъ, что главная цѣль ихъ нападенія—почтовая повозка—ускользнула стѣ нихъ, не пожелали, видимо, продолжать борьбу. Къ тому же, по счастливой случайности, на дорогѣ показалась другая повозка, въ которой ѣхалъ контролеръ Кубанско-Черноморскаго акцизнаго управления, Матусевичъ, съ ямщикомъ Пронинымъ. Разбойники дали еще одинъ залпъ и скрылись въ лѣсныхъ заросляхъ. Послѣ этого залпа оказались ранеными: одинъ изъ городовыхъ, сопровождавшихъ почту, Пономаревъ, и вышеупомянутый ямщикъ Пронинъ, а также одна лошадь. Почталіонъ Гавриленко помогъ подняться запутавшейся въ веревкѣ лошади и поскакалъ на ней на ближайшую станцію Суходольскую. По пути онъ нагналъ

почтового ящика съ фургономъ. Изъ ст. Суходольской тотчасъ снаряжена была медицинская помощь и погоня за разбойниками, которая, однако, ихъ не обнаружила. Когда фельдшеръ прибылъ на мѣсто происшествія, то раненный разбойниками городской Пономаревъ былъ уже мертвъ. Послѣ покойнаго, явившагося жертвой этого кроваваго происшествія, осталась жена.

Пономаревъ происходилъ изъ крестьянъ Воронежской губерніи. Погибъ онъ на 41-мъ году жизни.

Николай Абрамовъ Норъ.

Городовой гор. Темрюка, Кубанской области.
Убитъ 13 апрѣля 1908 года.

Партія анархистовъ въ Темрюкѣ на Пасху сдѣлала громкое дѣло.

Такою циничною фразою хвастали гнусные убійцы городского Нора нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ совершения своего кроваваго дѣла въ Темрюкѣ. Само собою разумѣется, что ничего новаго или „оригинальнаго“ въ способѣ мести, примѣненномъ ими къ этому скромному и честному исполнителю долга, не было. Ему, какъ и многимъ-многимъ жертвамъ приснопамятной революціонной смуты на Руси, нанесенъ былъ подлый, предательскій ударъ въ спину, притомъ въ такой моментъ и при такой обстановкѣ, которые, кажется, способны были бы тронуть сердце даже самаго закоренѣлаго преступника. Въ Пасхальную ночь, когда въ ярко освѣщенномъ храмѣ массы молящихся радостно повторяли слова дивнаго гимна: „Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертью смерть поправъ“, когда торжественно и гулко гудѣли колокола, городской Норъ стоялъ въ нарядѣ у церковной паперти. До его слуха, навѣрное, долетали свѣтлыя и радостныя пасхальныя пѣснопѣнія, онъ душою былъ съ молящимися въ храмѣ, его уста, быть можетъ, шептали тѣ-же слова гимна... А въ это время дьяволъ въ образѣ человѣческомъ спокойно подкрадывался къ нему сзади, съ смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ, выбиралъ позу и моментъ поудобнѣе, чтобы свести съ нимъ счеты. Грянулъ выстрѣлъ и несчастный съ глухимъ стономъ упалъ на землю мертвымъ. Потрясенная и негодующая толпа богомольцевъ кинулась къ мѣсту преступления, но убійцы и слѣдъ простыль...

Когда сообщили объ убійствѣ городского Нора его непосредственному начальнику, полиціймейстеру гор. Темрюка, онъ только могъ сказать:

— «Еще однимъ вѣрнымъ и честнымъ сыномъ Родины стало меньше! Съ 1905 по 1908 г. только Норъ да еще 2—3 его товарища остались на полицейской службѣ. Всѣ остальные побросали службу и бѣжали безъ оглядки. Впрочемъ и то помнить надо: не укаждаго найдется мужество служить, если извѣстно, что всякую минуту онъ рискуетъ получить предательскій ударъ въ спину»...

Въ этомъ восклицаніи исчерпывающе выражена была характеристика покойнаго. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно къ ней прибавить? Городовой Норъ—одинъ изъ немногихъ полицейскихъ гор. Темрюка, который не побоялся служить вѣрою и правдою въ самое опасное время. Онъ съ усердіемъ исполнялъ всѣ приказанія своего начальства, какъ бы опасны онѣ для него лично не были. Когда ему поручено было слѣдить за квартирою завѣдомаго анархиста, Ткалича, онъ выполнилъ это порученіе самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Всѣ необходимыя свѣдѣнія были сообщены имъ своевременно, по его указанію былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ анархиста, который и далъ въ результатѣ основанія для высылки Ткалича изъ города. Послѣднее порученіе оказалось для Нора роковымъ. Злодѣй всю свою месть перенесъ на изобличившаго его преступную дѣятельность городского. И актомъ мести явилось рассказанное выше убійство Нора въ пасхальную ночь. Черезъ мѣсяць послѣ этого происшествія, Ткаличъ тоже былъ убитъ при перестрѣлкѣ съ полиціей, когда онъ съ соучастниками совершалъ разбойное нападеніе на ст. Курчанской. Похороны Нора происходили въ Темрюкѣ и носили торжественный и сердечный характеръ. Тѣло покойнаго къ мѣсту вѣчнаго успокоенія провожали всѣ чины мѣстной полиціи, масса горожанъ и сотня квартирующихъ въ Темрюкѣ казаковъ.

Покойный происходилъ изъ крестьянъ Полтавской губ. и умеръ на 33-мъ году жизни. Послѣ него осталась жена.

Александръ Павловичъ Смирновъ.

Смотритель Красноярскаго тюремнаго замка. Убитъ 15 июня 1907 г.

Свѣдѣнія о покойномъ доставленныя намъ, крайне скудны. Такъ, напр., ничего неизвѣстно объ его жизни до поступления на полицейскую службу.

Штабсъ-капитанъ запаса Александръ Павловичъ Смирновъ въ 1898 году прибылъ изъ Царицына въ Красноярскъ, гдѣ и поступилъ на должность помощника полицейскаго пристава. Въ этой должности онъ пробылъ только годъ и затѣмъ былъ назначенъ полицейскимъ надзирателемъ г. Ачинска. Въ 1903 году А. П. вышелъ въ отставку и когда началась русско-японская война—онъ записался добровольцемъ въ одну изъ дружинъ. Мы не имѣемъ никакихъ свѣ

дѣній о томъ, въ какихъ онъ участвовалъ сраженіяхъ. Несомнѣнно только одно, а именно, что на войну пошелъ онъ не какъ безучастный свидѣтель. Разъ человѣкъ ѣдетъ на войну по собственному желанію, то конечно, онъ всегда будетъ рваться въ бой. Самъ же онъ изъ скромности не любилъ рассказывать о своихъ дѣлахъ.

По окончаніи войны А. П. поступилъ на должность смотрителя Красноярскаго тюремнаго замка. Эта тюрьма въ то время была переполнена и арестанты, вслѣдствіе преступной слабости администраціи, чувствовали себя въ ней чуть ли не хозяевами. Не нужно забывать, что это было въ 1905 году, когда общественные отбросы мучили Россію, а администрація, утраченная волной хулиганства, позорно бездѣйствовала. Изрядное количество „товаришей“ сидѣло въ Красноярской тюрьмѣ и они то и задавали тонъ всѣмъ прочимъ.

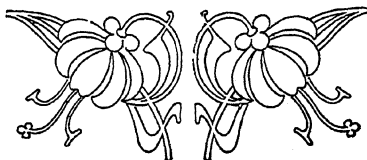
Эта распущенность арестантовъ сильно озабочивала покойнаго А. П., который не могъ смотрѣть на подобное положеніе вещей, какъ на нормальное. Для военнаго законъ прежде всего. Разъ установленъ извѣстный режимъ—отступленіе отъ него не допускается и по военной этикѣ считается преступленіемъ. Сообразно съ этимъ А. П. и началъ дѣйствовать и предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ приведенію тюремной дисциплины въ надлежащій видъ. Онъ предъявилъ свои требованія тюремному населенію. Отвѣтомъ были анонимныя письма, угрозы смерти и т. д. Но А. П. трудно было смутить угрозами. Тотъ, кто побывалъ на войнѣ—смерти не боится. Онъ твердой рукой продолжалъ задуманное дѣло и вѣроятно скоро привелъ бы его къ желаемому концу, если бы не злодѣйская рука, прервавшая его полезную дѣятельность, на новомъ поприщѣ, въ самомъ началѣ. Негодяи видя, что А. П. отъ своего не отступаетъ и не обращаетъ никакого вниманія на запугиванія, рѣшились на крайнее, мерзкое дѣло. Очевидно, между тюремнымъ населеніемъ и живущими на свободѣ „освободителями“ разбойниками, состоялось, какимъ то образомъ, соглашеніе убить А. П.

Однажды А. П. понадобилось съѣздить по дѣламъ

службы въ тюремное отдѣленіе Енисейской губернской управы. Тамъ онъ задержался до вечера и возвращаться пришлось когда было уже почти темно. Ночь—пособница преступленія. Это прекрасно знали и тѣ два негодяя, которые съ револьверами въ рукахъ засѣли въ темномъ и пустынномъ переулкѣ, поджидая А. П.

Утомленный труднымъ днемъ, А. П., ничего не подозревая, ѣхалъ на извозчикѣ вмѣстѣ съ тюремнымъ надзирателемъ. Спокойно было у него на душѣ. Онъ видѣлъ, что его дѣятельность приноситъ добрые плоды, что скоро тяжелый, неблагодарный трудъ будетъ блестяще законченъ. Извозчикъ тихо ѣдетъ... все ближе... ближе... Въ темнотѣ зашевелились какія-то тѣни, сверкнулъ огонь, другой...

Выстрѣловъ Александръ Павловичъ уже не слышалъ. Первая же пуля сразила его. Сочтемъ ли мы себя удовлетворенными узнавъ, что убійцы были пойманы и казнены? Не вернуть это русскому государству нужнаго ему вѣрнаго человѣка и не излечить скорби по немъ его родныхъ и друзей,

Онуфрій Тимофеевичъ Голиковъ.

Стражникъ г. Екатеринодара. Убитъ 22-го октября 1907 г.

Страницы русской исторіи послѣдняго времени залиты невинной кровью защитниковъ государства и эта черная эпоха, по количеству жертвъ, близка къ временамъ инквизиціи и пытокъ.

Онуфрій Голиковъ былъ тоже одной изъ жертвъ долга. 22-го октября, спѣша на помощь убиваемымъ злодѣями-экспроприаторами жертвамъ, Голиковъ отдалъ жизнь свою, считая это своимъ долгомъ и ни минуты не колеблясь предъ такой огромной жертвой.

Около 6-ти часовъ вечера въ магазинъ купца Оснача явилось двое неизвѣстныхъ и подойдя къ кассѣ, за которой сидѣлъ зять Оснача Никифоръ Стеценко, убили послѣдняго нѣсколькими выстрѣлами изъ револьверовъ. Совершивъ свое гнусное дѣло, цѣль котораго была, очевидно, ограбленіе магазина, убійцы испугались и бросились бѣжать, опасаясь погони. На выстрѣлы спѣшилъ уже Голиковъ съ тремя стражниками. Преступники были схвачены, но, отбиваясь, они отстрѣливались и убивъ Голикова скрылись, пользуясь замѣшательствомъ двухъ другихъ стражниковъ.

Покойный былъ очень молодъ и служебную свою карьеру едва только начиналъ, но его усердіе и исполнительность расположили къ нему начальство и всѣхъ товарищей и его добрый, услужливый характеръ создалъ ему множество друзей.

Убійцы отысканы не были. Они скрылись въ наступившей темнотѣ и оставшіеся въ живыхъ стражники даже лицъ ихъ не разглядѣли.

Покойный былъ холостъ, но у него остались родные въ одной изъ деревень, куда даже вѣсть о смерти сына пришла только послѣ его погребенія.

Кондратій Митрофановичъ Плетеневъ и Алексѣй Филипповичъ Чулкинъ.

Рядовые 231-го Котельническаго резервнаго баталіона.
Убиты 19 декабря 1905 года въ Вяткѣ.

Это было суровой зимой 1905 г. Только что отгремѣли и затихли выстрѣлы на Дальнемъ Востокѣ. Еще не всю пролитую кровь впитала въ себя земля, еще не всѣ кости безвѣстныхъ героевъ были преданы могилѣ, а внутри Имперіи уже беспорядочно трещали браунинги, пылали деревни и города, сжигая въ своемъ пламени драгоцѣнные памятники вѣковой культуры. Единственное зарево кадетскихъ „иллюминацій“ освѣщало мракъ, повисшій надъ изстрадавшейся родиной. Вся Россіи дрогнула и запаталась. Казалось близка побѣда враговъ: еще одно усиліе и красный флагъ займетъ мѣсто древняго осіяннаго славой знамени. Но тѣ, кто въ продолженіи тысячелѣтія бились во всѣхъ концахъ міра, отстаивая честь и чистоту родного стяга, теперь пришли, чтобы безконечными рядами лечь вокругъ него и несокрушимой стѣной своихъ тѣлъ спасти его. Блестящіе полки гвардіи, громоносная артиллерія, скромные только что сформированные баталіоны соперничали между собой въ количествѣ жертвъ принесенныхъ на алтарь славы и могущества Россіи. Отъ купающагося въ солнцѣ Кавказа до дикаго, заснувшаго подъ снѣгомъ сѣвера закипалъ бой подлости съ благородствомъ, предательства со смѣлостью.

Въ далекой Вяткѣ съ революціей боролся 231 пѣх. резервный Котельническій баталіонъ. 18 декабря 1905 года. командиру его было доложено о томъ, что въ домѣ Мышкина

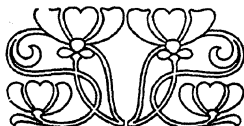
по Кикиморской ул. заперлись 29 революціонеровъ, вооруженныхъ трехлинейными винтовками и поклявшихся дорого продать свою жизнь. Для арестованія была послана учебная команда подъ начальствомъ штабсъ-капитана Корибицына. Молодцы солдатики живо проникли въ домъ и расположились въ комнатѣ сосѣдней съ той, гдѣ засѣли преступники. Самое опасное мѣсто, у двери, заняли по собственной охотѣ 10 человекъ отборныхъ храбрецовъ, среди которыхъ находились и рядовые Чулкинъ и Плетневъ.

Начальникъ команды шепотомъ отдавалъ послѣднія распоряженія. За дверь царило напряженное грозное молчаніе. Чувствовалось, что тамъ притаилась смерть. И вдругъ тишина прорѣзалась рокочущимъ беспорядочнымъ залпомъ 29 ружей, дрогнула расщепленная пулями дверь. Два стона слились въ одинъ, съ грохотомъ выпали винтовки изъ ослабѣвшихъ рукъ и на полу, истекая кровью, лежали два трупа. Чулкинъ и Плетневъ умерли въ тотъ моментъ, когда были призваны къ выполненію высшаго долга солдата—защиты Родины

Черезъ три дня по улицамъ Вятки, колыхаясь высоко надъ головами несущихъ, медленно плыли два гроба. Печально, торжественно плакалъ оркестръ, тяжело звучалъ въ морозномъ воздухѣ мѣрный тяжелый шагъ провожающаго баталіона. Ослѣпительно и кротко сіялъ въ лучахъ зимняго солнца крестъ въ рукахъ священника, предшествуя усопшимъ въ иной міръ вѣчнаго покоя и нетлѣнной славы. Проникновенно и скорбно неслись церковныя пѣснопѣнія. И невольно заработало воображеніе скорѣй обыкновенного и унесло далеко, далеко. Невольно представилась въ необъятныхъ снѣжныхъ поляхъ средней Россіи маленькая деревушка, почти занесенная снѣгомъ, дремлющая подъ вой вѣтра. Въ потемнѣвшей, покосившейся на бокъ избенкѣ, при свѣтѣ коптящей и неровно мерцающей жестяной лампочки, вокругъ стола собралась крестьянская семья, съ тревогой и тяжелой думой слушающая письмо солдата-однополчанина сына, брата и мужа.

„А еще увѣдомляю я Васъ, что сынъ Вашъ Алексѣй Чулкинъ сего числа, ловивши злоумышленниковъ, убить, а что осталось деньги и вещи, то ротный пришлетъ...

А въ маленькое замерзшее оконце, какъ будто кто-то сыпалъ пригоршнями мелкаго снѣгу и стовала вьюга. Но вотъ и святые ворота кладбища, медленный, медленный перезвонъ колокола, краткая литія, глухой стукъ мерзлой земли о крышки гробовъ, послѣднія жгучія капли слезъ и оркестръ снова гордо поетъ пѣснь былыхъ побѣдъ и славы. Грозно блестятъ штыки, солдаты увѣренно отбиваютъ ногу. Чувствуется, что отдѣльныхъ людей можно убить, но этой несокрушимой массы—смиренной въ радости и сильной въ испытаніи—не одолѣтъ всѣмъ врагамъ и всей злобѣ міра.

Василій Ивановичъ Заецъ.

Городовой 1-ой ч. гор. Минска. Убитъ 4-го сентября 1905 г.

Тѣмъ, кто не жилъ въ Россіи во время нашей „революціи“ недавняго времени, трудно даже представить себѣ тотъ кровавый хаосъ разрушенія, который охватилъ въ 1905 году наши города и села. Кругомъ трупы, выстрѣлы жидовъ, революціонеровъ, — отвѣтные выстрѣлы русской самообороны... И въ тѣ тяжелые моменты особенно сильно просыпалась въ народѣ русскомъ твердая рѣшимость положить душу свою за благо Родины и Царя Самодержавнаго. Это движеніе народной души вскорѣ стало почти стихійнымъ.

Исторія Россіи за эти годы пестритъ именами героевъ и подвижниковъ идеи; и крупные, и маленькіе дѣятели шли рука объ руку и камень за камнемъ клали основаніе будущаго мира для родины, спаивая эти камни своею кровью. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ умиротворенія родины особенно трудная и опасная задача выпала на долю полиціи, которая повсемѣстно геройски стояла на своемъ тяжеломъ посту.

Однимъ изъ безчисленныхъ маленькихъ героевъ полицейскихъ былъ и Василій Ивановичъ Заецъ, ненавидимый революціонерами за то, что ревностно преслѣдовалъ ихъ. Онъ служилъ въ должности городского 2-й части гор. Минска съ 1-го юня 1900 г. 4-го сентября 1905 г. въ 7 ч. 20 м. вечера городской Заецъ, будучи на посту на углу Школьной и Екатерининской улицъ, проходилъ по послѣдней, предлагая торговцамъ закрывать лавки; и въ тотъ моментъ, когда онъ проходилъ мимо дома купца Берки Зельдовича, изъ воротъ выскочилъ неизвѣст-

ный злоумышленникъ, очевидно еврей, и выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ городовому Заецу тяжелую рану въ спину. Обливаясь кровью, несчастный упалъ на тротуаръ. Подоспѣвшими городовыми, Былейчикомъ и Батуромъ, Заецъ былъ поднятъ и доставленъ въ губернскую земскую больницу, гдѣ вскорѣ скончался.

Розыски убійцы-жида оказались безуспѣшными и личность его не выяснена.

Покойный Заецъ происходилъ изъ крестьянъ Богодуховскаго уѣзда, Смоленской губерніи, родился въ 1872 г. въ селѣ Кучьевакахъ (той же волости).

Родители его были люди небогатые и притомъ обремененные большой семьей. Способный отъ природы, Василий Заецъ, не смотря на неблагоприятныя обстоятельства, отлично выучился грамотѣ въ мѣстной сельской школѣ.

Это знаніе грамоты особенно пригодилось ему на военной службѣ, способствуя легкому усвоенію военной науки. Военскую повинность Заецъ отбывалъ въ 119-мъ пѣхотномъ Коломенскомъ полку. По истеченіи срока дѣйствительной службы, онъ остался на сверхсрочной. Но вскорѣ онъ жевался и желая приработать нѣсколько денегъ для своей семьи, оставилъ военную службу и поступилъ на должность городского.

Пять съ половиной лѣтъ тихо и спокойно протекала семейная жизнь. Но вотъ настало 4-е сентября 1905 года—роковой день для Василя Заеца. Велико было горе сиротъ, лишившихся заботливаго и любящаго отца—единственнаго кормильца семьи. Послѣ него остались молодая жена, дочь Лидія 7 лѣтъ и сынъ Вася 5 лѣтъ. Начальство аттестовало В. Заеца съ самыхъ лучшихъ сторонъ—какъ человѣка трезваго, въ высшей степени нравственнаго, добросовѣстно, строго и аккуратно выполнявшаго служебныя обязанности. Кромѣ того, по отзывамъ лицъ, близко знавшихъ городского Заеца, онъ и съ товарищами жилъ въ мирѣ и потому пользовался среди нихъ любовью и уваженіемъ.

Начальство отнеслось участливо къ судьбѣ сиротъ, оставшихся безъ куска хлѣба и обезпечило семью малень-

кой денежной поддержкой, въ видѣ 16-ти рубл. пенсіона ежемѣсячно.

Не забудемъ тѣхъ, чье чистое сердце, душа и жизнь были принесены въ жертву отечеству, чье мученичество и смерть принесли успокоеніе отъ жидовской смуты нашей многострадальной Родинѣ.

Намъ жизнь—вамъ да будетъ честь и въ памяти потомства—незабвеніе!

Федоръ Васильевичъ Градовичъ.

Городовой 2-ой ч. гор. Минска. Убитъ 14-го іюня 1905 г.

Наша великая Россія достигла могущества и силы только благодаря постоянной работѣ вѣрныхъ гражданъ, и благодаря тому высокому и просвѣтителъному руководству и покровительству, которому посвящали свои силы, всю свою жизнь наши Цари и Императоры. И самый лучший способъ выразить имъ свою благодарность, это честно дѣлать свое дѣло, какъ бы незначительно оно ни было защищать нравственное и матерьяльное наслѣдство, завѣщанное намъ нашими предками.

Федоръ Васильевичъ Градовичъ былъ однимъ изъ такихъ незамѣтныхъ по общественному положенію, но преданныхъ не за страхъ, а за совѣсть сыновъ родины, являя собою примѣръ, какъ надо исполнять и соблюдать святость данной присяги Царю и отечеству.

14-го іюня 1905 г. ночью онъ стоялъ на посту на углу Койдановской и Богадѣльной улицъ. Въ часъ ночи мимо него проходили трое жидовъ. Время было тревожное, „освободители“ рыскали по городу и мучили народъ. Городовому эти жида показались подозрительными и онъ сталъ за ними наблюдать. Тогда одинъ изъ жидовъ сталъ переходить черезъ улицу, а другой повернулъ обратно, направляясь къ городовому. Воспользовавшись тѣмъ, что городовой стоялъ къ нему спиной,—онъ выхватилъ револьверъ изъ кармана и сдѣлалъ подрядъ три выстрѣла въ Градовича.

На шумъ и стрѣльбу прибѣжали городовые сосѣднихъ улицъ. Издали они видѣли, какъ негодяи—жиды добивали ногами свою жертву.

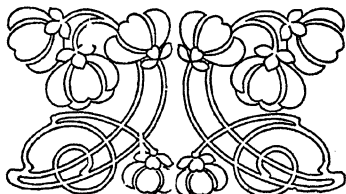
Замѣтивъ подоспѣвшихъ городовыхъ, злоумышленники перелѣзли черезъ заборъ и скрылись.

Несчастный Василий Градовичъ отъ полученной раны (пуля прошла навывлетъ, задѣвъ брюшную полость) на слѣдующій день, не приходя въ сознание, скончался.

В. Градовичъ былъ уроженецъ Минской губ., Велычешской волости, Борисовскаго уѣзда. Военскую повинность отбывалъ въ 30-й артиллерійской бригадѣ, въ 1-ой батареѣ, канониромъ. Въ должности городского служилъ съ 11 февраля 1905 г. По выходѣ въ запасъ, онъ женился, черезъ годъ у него родился сынъ Василий.

Василій Федоровичъ Градовичъ былъ честный служака, непьющій, всегда отзывчивый и добрый.

Безутѣшна была его жена Евдокія Ивановна, но у нея есть впереди и свѣтлая точка въ жизни, ея опора— это сынъ Василий, которому исполнилось 21 годъ. Передъ сыномъ живымъ примѣромъ исполненія долга стоитъ память объ его отцѣ.

Степанъ Павловичъ Милодовскій,

Городовой 2-ой ч. гор. Минска. Убитъ 31 марта 1907 г.

Степанъ Павловичъ Милодовскій родился въ 1875 г., въ уроч. „Малое“, Круговичской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, въ небогатой мѣщанской семьѣ. Безрадостно прошло дѣтство Степана Милодовскаго. Когда ему исполнилось 7 лѣтъ, умеръ его отецъ, оставивъ маленькое крестьянское хозяйство. Мать, женщина добрая и съ сильнымъ характеромъ, билась изо всѣхъ силъ, чтобы какъ нибудь прокормить свое семейство, которое состояло изъ старшаго сына отъ ея перваго брака Антона Смолича, дочери Викторіи и Степана.

Старшій братъ недолюбливалъ Степана, всячески притѣснялъ его, и когда, во время военной службы послѣдняго умерла ихъ мать, Смоличъ завладѣлъ всѣмъ хозяйствомъ отца. У Милодовича, по выходѣ въ запасъ, не оказалось родного угла и онъ рѣшилъ навсегда остаться въ Минскѣ, гдѣ отбывалъ воинскую повинность въ 120 пѣх. Серпуховскомъ полку.

Въ мартѣ 1906 г. Милодовичъ поступилъ въ Минскую городскую полицію, а ровно черезъ годъ, онъ былъ злодѣйски убитъ при исполненіи служебныхъ обязанностей—въ моментъ задержанія преступника.

Убийство городского Милодовича, какъ передаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 31 марта 1907 г., бывшій городской 2-ой ч. гор. Минска Нужный, переодѣвшись въ штатское платье, слѣдилъ за тремя подозрительными личностями, которыя кого то видимо поджидая, готовились совершить преступленіе—экспроприацію.

У злоумышленниковъ въ рукахъ былъ какой то круглый предметъ, похожій на бомбу. Одинъ изъ нихъ, за-

мѣтивъ, что за ними слѣдятъ, спокойно вошелъ въ скверъ на Соборной площади и сѣлъ на скамейку. Городовой Нужный указалъ на преступника находившимся вблизи околоточному надзирателю Попову и городовому Степану Милодовскому, прося ихъ содѣйствія въ задержаніи опаснаго преступника. Послѣдній, видя, что не спасло его дѣланное спокойствіе и нахальство и что онъ въ рукахъ полиціи, оказалъ отчаянное сопротивленіе. Онъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ браунинга, которыми Поповъ и Нужный были лишь легко ранены, а С. П. Милодовскій поплатился жизнью. Пуля попала въ животъ и черезъ часъ, въ страшныхъ мученіяхъ, онъ скончался. Передъ смертью онъ радовался, что Господь Богъ помогъ ему исполнить евангельскую заповѣдь—„положить душу за други своя“.

Преступникъ при задержаніи ранилъ и себя. Самовольные расчеты съ жизнью были бы очень легкимъ наказаніемъ злодѣю. Слишкомъ много невинныхъ жертвъ, они вопіютъ къ отмщенію и невольно изъ наболѣвшаго сердца рвется крикъ: „смерть за смерть“...

Насколько опасны были эти задержанные господа видно изъ того, что при обыскѣ въ ихъ квартирахъ были найдены бомбы и др. взрывчатыя вещества, и преступнаго содержанія прокламаціи отъ группы „анархистовъ—коммунистовъ“.

Убившій городского Милодовича—назвался Михаиломъ Кавецкимъ, а другіе 2 товарища оказались Феликсомъ Андреевичемъ Бенгковскимъ и Червецкимъ. Послѣдній остался неразысканнымъ.

Милодовскій за время своей столь непродолжительной службы успѣлъ зарекомендовать себя отличнымъ служакой. Также и въ личной жизни онъ былъ превосходнымъ человѣкомъ, хорошимъ семьяниномъ.

Отто Юльевичъ Дитмаръ.

Полиціймейстеръ г. Красноярска. Убитъ 20 сентября 1905 года.

И. д. Красноярскаго полиціймейстера, Коллежскій секретарь Отто Юльевичъ фонъ-Дитмаръ былъ убитъ 20-го сент. 1905 года.

Будучи человѣкомъ семейнымъ, О. Ю. былъ очень привязанъ къ своей семьѣ и проводилъ съ ней недолгіе часы отдыха, не забывая, однако, ни на минуту своихъ обязанностей. Даже въ роковой день своей кончины онъ, присутствуя на спектаклѣ въ городскомъ театрѣ имени Пушкина, вмѣстѣ съ женою и дочерью, вспомнилъ что ему необходимо въ тотъ же вечеръ заѣхать въ Управление 1-й части, чтобы отдать какія то распоряженія и узнать, нѣтъ ли чего нибудь новаго.

Сдѣлавъ то, что считалъ своимъ долгомъ, Отто Юльевичъ вернулся къ экипажу и велѣлъ кучеру ѣхать домой въ Батальонный переулокъ, гдѣ онъ жилъ, снимая квартиру у домовладѣльца Ашарова.

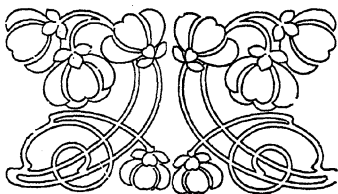
У подъѣзда онъ вышелъ изъ экипажа и когда жена и дочь вошли въ дверь, онъ стоялъ, отдавая приказанія постовому городскому. Въ это время, крадучись въ тѣни забора, показались фигуры двухъ человѣкъ. Въ рукахъ ихъ что то блеснуло и не успѣлъ О. Ю. опомниться, какъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и онъ упалъ, пронзенный пулями. Городовой и, вслѣдъ за нимъ, выбѣжавшая изъ дому семья стали звать на помощь. Вслѣдъ бѣжавшимъ злодѣямъ было пущено нѣсколько пуль, но они скрылись и не разысканы до сихъ поръ.

Собравшаяся толпа не знала чѣмъ помочь и бросилась, большею частью, вслѣдъ убѣжавшимъ, но все было

напрасно: ночь была темна, а слобо мерцавшіе фонари едва нарушали эту темноту. Негодяи выбрали удобный для себя моментъ и покарать ихъ земному правосудію не удалось до сихъ поръ. Но Судья Всеправедный не оставляетъ не-отмщенной ничью кровь и подлые убійцы понесутъ заслуженную ими кару рано или поздно.

Отто Юльевичъ палъ жертвой членовъ преслѣдуемой имъ шайки, часть которой ему удалось изловить и засадить въ тюрьму, но оставшіеся на свободѣ рѣшили отомстить за товарищей и свершили свой кровавый самосудъ надъ честнымъ слугою Царя и Отечества.

Широкая, плодотворная дѣятельность О. Ю. была извѣстна его врагамъ, ненавидѣвшимъ, его и со всѣхъ сторонъ отъ революціонеровъ ему слались угрозы и предостереженія, но онъ былъ честенъ и трусость была не въ его натурѣ. До самого конца онъ твердо и неустрашимо стоялъ на своемъ тяжеломъ посту, неся гордо и радостно свой крестъ, вѣря, что приносимая имъ польза стоитъ та кой ставки, какъ жизнь.

Василій Яковлевичъ Ермаковичъ.

Стражникъ Минской уѣдной команды, убитъ 26 мая 1908 г.

Покойный происходилъ изъ крестьянъ дер. Маркачевщины, Сверженской волости, Минскаго уѣзда. До призыва на военную службу онъ жилъ въ родной деревнѣ, гдѣ, несмотря на свою юность, служилъ для однопорученцевъ примѣромъ честности, трезвости и трудолюбія и эти высокія качества сохранились въ немъ и во время его военной службы, которую онъ провелъ въ 177-мъ пѣх. Изборскомъ полку. Начальство оцѣнило добросовѣтнаго солдата и Василій Яковлевичъ получилъ «унтеръ-офицерскія» нашивки.

По окончаніи военной службы Василій Яковлевичъ задумывается о своей будущности. Человѣку, хорошо аттестованному военнымъ начальствомъ, всегда предоставляется большой выборъ хорошо оплачиваемыхъ мѣстъ. Однако. Ермаковичъ, «полюбившій суровую воинскую дисциплину, въ маѣ 1906 года избираетъ службу во многомъ похожую на военную. Это—служба полицейская, очень тяжелая, опасная и скудно оплачиваемая.»

На новомъ мѣстѣ прекрасныя качества покойнаго проявились въ ихъ полномъ блескѣ. Вотъ отзывъ его ближайшаго начальства: „Ермаковичъ поведенія и нравственныхъ качествъ былъ хорошихъ, образа жизни былъ примѣрнаго, трезвый, служебныя обязанности выполнялъ добросовѣстно, строго и аккуратно, съ товарищами жилъ мирно, за что и пользовался ихъ уваженіемъ и любовью“.

Отзывъ блестящій, но выражаетъ ли онъ способность покойнаго на величайшій подвигъ самоотверженія? Вѣдь Ермаковичъ не разсуждая отдалъ свою жизнь ради исполненія служебнаго долга, онъ забылъ себя ради сохраненія мира въ нашей истерзанной смутами родинѣ.

Умеръ В. Я. такъ:

Въ концѣ мая 1908 г. въ Минскѣ чинами полиціи были задержаны два жида-анархиста. Послѣ допроса ихъ выяс-

нилось, что въ городѣ скрывается еще одинъ, по фамиліи Ясенева. Начались поиски и вотъ въ ночь на 26-е мая Ермаковичъ получилъ свѣдѣнія, что Ясенева скрывается въ д. Бочина по Замковой улицѣ.

Кто можетъ сказать, что у него не дрогнетъ сердце идти ночью, въ полной тѣмѣ, въ незнакомый домъ, гдѣ скрывается вооруженный злоумышленникъ? Несомнѣнно, даже самый храбрый человекъ очень и очень задумается прежде чѣмъ отважиться на такой шагъ. Тѣмъ не менѣе, Ермаковичъ, повинувшись велѣнію суроваго долга, ни секунды не колеблясь, смѣло идетъ навстрѣчу смерти, захвативъ съ собою только одного товарища Крещеновича.

Смѣльчаки стражники, чуть ли не ошупью двигаясь впередъ, натываются на негодяя. Гремятъ выстрѣлы браунинга и оба падаютъ на землю.

Крещеновичъ, впрочемъ, остался живъ. Онъ былъ легко раненъ въ плечо.

Но В. Я. уже больше не всталъ: 2 пули попали ему въ грудь и животъ и по доставленіи въ земскую больницу онъ скончался. Такъ закончилась его честная, трудовая жизнь.

Такія исторіи въ наши дни часты. Въ нихъ мы не видимъ ничего необыкновеннаго. Почему же не видимъ? Да потому, что мы всѣ теперь какъ то одеревенѣли. Никакая кровавая гекатомба насъ не взволнуетъ, а убійство одного человека и подавно. Но стоитъ на минуту вдуматься въ тѣ побужденія, которыя заставили Ермаковича пожертвовать своею жизнью. Почему онъ такъ смѣло пошелъ на смерть? Ужъ, конечно, думать здѣсь о какихъ либо матеріальныхъ соображеніяхъ—смѣшно. Жалованье стражника прямо ничтожно и лишиться его, въ случаѣ отказа идти на преступника, было небольшой потерей. Но когда мы всмотримся ближе въ поступокъ В. Я.—что то свѣтлое, благородное заставляетъ размягчиться нашу одеревянѣвшую душу и вызываетъ на глаза слезы.

Это свѣтлое—честно исполненный долгъ.

Дай Богъ, чтобы память этого незамѣтнаго героя никогда не забылась.

Подполковник Добровольскій.

Командир баталіона 201-го пѣхотнаго резервнаго Лебединскаго полка.
Убитъ 10 іюля 1907 года въ Закарпатскомъ округѣ.

Духъ преданности державному Вождю и непоколебимая вѣрность присягѣ искони являлись отличительными достоинствами православнаго русскаго воинства, снискавшими ему всесвѣтную славу. Беззавѣтно храбрый и выносливый въ бою, тихій, религіозный и слѣпо повинующійся приказаніямъ своего начальства въ мирное время,—таковъ былъ всегда, на протяженіи многихъ вѣковъ славной исторіи нашей родины, русскій солдатъ. Такимъ онъ неизмѣнно рисуется въ безчисленныхъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ о выдающихся годинахъ нашей родной старины,

такимъ онъ увѣковѣченъ въ произведеніяхъ русской литературы.

Само собою разумѣется, что вышеупомянутыя свойства русскаго солдата, первоисточникъ которыхъ таится въ глубинахъ русскаго народнаго духа, все же требовали, требуютъ и будутъ требовать любовнаго, бережнаго воспитанія со стороны ближайшаго начальства солдата тѣхъ офицеровъ, бдительному надзору и командованію которыхъ ввѣрены отдѣльныя, хотя бы самыя незначительныя части великаго цѣлаго—могучей русской арміи. Поддержаніе строгой военной дисциплины и настоящаго воинскаго духа въ связи съ любовнымъ, чисто-отеческимъ отношеніемъ къ нуждамъ солдатскимъ—вотъ та не легкая, но благодарная задача, которую должны осуществлять всѣ сознающіе свой долгъ передъ Царемъ и Родиною командиры войсковыхъ частей, начиная съ самыхъ низшихъ и кончая высшими, памятуя, что доколѣ армія цѣла, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, никакія потрясенія—внѣшнія ли или внутреннія—ей не страшны...

Въ приснопамятные лихіе годы революціи ея вожаки и главнѣйшіе дѣятели, прекрасно учитывая въ чемъ заключается наибольшая сила русской доблестной арміи, направили самыя бѣшенныя атаки именно на нее, изо всѣхъ силъ стараясь проникнуть въ нѣдра арміи, внести въ нее ядъ гнусной и тлетворной пропаганды. Развратить русскаго солдата лукавою проповѣдью въ духѣ Толстовскихъ идей, внушить ему неповиновеніе своему непосредственному начальству и забвеніе воинскаго долга и присяги, какимъ бы то ни было способомъ взбаламутить непривыкшую къ отвлеченнымъ мудрствованіямъ голову русскаго солдата и затѣмъ исподтишка подстрекать его на бунтарство и самыя изувѣрскія безчинства—таковъ былъ адскій планъ этихъ изверговъ (большею частью, изъ инородцевъ), черной стаей слетѣвшихся со всѣхъ концовъ на матушку—Русь православленную, жаждавшихъ ея гибели и безчестія.

Благодареніе Всевышнему, именно здѣсь вожаки іудейско-массонской революціи наткнулись на непреодолимья препятствія. Русскій солдатъ съ явною враждебностью

и презрѣніемъ отнесся къ этимъ попыткамъ враговъ Россіи, своимъ безхитростнымъ сердцемъ сразу почувялъ въ нихъ предателей, подбивающихъ его, солдата, защитника величія и благоденствія родины, на дѣло недоброе, безчестное. Если не считать нѣсколько попытокъ къ военному бунту въ отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ, гдѣ, повидимому, наиболѣе упорно велась революціонная пропаганда черезъ своихъ-же, ранѣе развращенныхъ, солдатъ,—къ тому-же попытокъ, которыя немедленно подавлялись трезвою и благоразумною частью солдатъ,—то можно сказать съ полною увѣренностью, что революціонная волна разбивалась именно объ русскую армію, которая свято сохранила свои вѣковыя доблестныя традиціи и самые драгоцѣнныя завѣты славнаго прошлаго.

Нужно ли говорить, что и въ этомъ отношеніи самая отвѣтственная и трудная роль принадлежала командному составу нашей арміи, офицерамъ—ближайшимъ начальникамъ нижнихъ чиновъ, которые неоднократно, пренебрегая личною безопасностью, подавали примѣръ своимъ солдатамъ честнаго и безтрепетнаго исполненія воинскаго долга? Одинъ изъ такихъ высокихъ примѣровъ съ необыкновенною яркостью даетъ намъ жизнь подполк. Добровольскаго, командира 201 пѣхотнаго резервнаго Лебединскаго полка.

Вотъ при какихъ условіяхъ былъ убитъ этотъ честный, мужественный и преданный своему долгу офицеръ. 10 іюля, въ семь съ половиною часовъ вечера, подполковникъ Добровольскій возвращался изъ помѣщенной седьмой и восьмой ротъ ввѣреннаго ему баталіона, который былъ расквартированъ въ небольшомъ городкѣ Закаталахъ, на Кавказѣ. Какъ извѣстно, эта окраина Россіи въ революціонное лихолѣтіе 1905—6 гг. объята была противугосударственнымъ броженіемъ, которое дѣятельно поддерживали мѣстные невѣжественные инородцы—особенно армяне. Положеніе русскихъ властей среди воинственнаго по природѣ и въ конецъ развращеннаго анархической пропагандою туземнаго населенія было крайне тяжелымъ, и вся сила властей, конечно, опиралась на расквартированныхъ въ краѣ во-и

сковыхъ частяхъ. Въ 1907 году, когда въ остальной Россіи заканчивалась ликвидація революціонныхъ выступленій, когда всѣ вожаки прелюбополучно скрылись изъ предѣловъ Россіи, на Кавказѣ революціонное броженіе все еще давало себя чувствовать отдѣльными кровавыми эпизодами. Туземные разбойники держали въ хроническомъ страхѣ населеніе дѣльных округовъ, за ними охотились воинскіе отряды, но въ большинствѣ случаевъ безуспѣшно, такъ какъ туземные жители, несмотря на самыя строгія кары и угрозы со стороны русскихъ властей, еще сильнѣе страшились гнѣва своихъ соотечественниковъ, всякихъ Зелимхановъ, и систематически укрывали ихъ отъ преслѣдованія русскихъ властей. При такихъ условіяхъ служба въ расквартированныхъ по Кавказу воинскихъ отрядахъ мало чѣмъ отличалась отъ военнаго времени. А начальникамъ приходилось быть вдвойне бдительными, чтобы не погибнуть отъ руки туземнаго распропагандированнаго головорѣза и чтобы не допустить мѣстные революціонные элементы въ среду своихъ солдатъ, съ цѣлью развращенія.

Подполк. Добровольскій, видимо, прекрасно учитывалъ всѣ окружающія условія и потому съ удвоеннымъ рвеніемъ посѣщалъ ротныя помѣщенія своего баталіона въ урочное и неурочное время, производилъ частыя и внезапныя провѣрки: всѣ ли нижніе чины на мѣстахъ, и строго взыскивалъ съ виновныхъ за малѣйшее нарушеніе установленнаго порядка. Это, конечно, создавало еще болѣе благопріятную почву для враждебной пропаганды мѣстныхъ революціонеровъ. На имя подполк. Добровольскаго получались совершенно опредѣленныя угрозы лишить его жизни, но онъ ни на минуту не уклонялся отъ исполненія своего служебнаго долга.

Такъ было и въ роковой вечеръ 10 іюля. Посѣтивъ и внимательно осмотрѣвъ ротныя помѣщенія, выслушавъ рапорты фельдфебелей, подполк. Добровольскій—одинъ, безъ провожатыхъ—направился къ себѣ домой. Квартировалъ онъ въ бывшемъ укрѣпленіи, гдѣ помѣщаются штабъ и остальныя роты баталіона. Укрѣпленіе построено на возвышенномъ

мѣстѣ. откуда виденъ весь городъ, и обнесено каменною стѣною, подъ которою проложена по крутому скату дорога, ведущая къ крѣпостнымъ воротамъ. Дорога эта проходитъ позади армянской церкви и принадлежащихъ ей построекъ. На всемъ протяженіи ската, по обѣимъ сторонамъ, густыя сплошныя заросли кустарниковъ и деревьевъ. Когда подполковникъ Добровольскій поровнялся съ армянскою церковью, изъ кустовъ позади ея раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ. Не успѣвъ даже вскрикнуть, несчастный зашатался и упалъ, сраженный на смерть. Изъ числа выпущенныхъ пуль три попали въ него. Всѣ раны сквозныя, нанесены въ лѣвую часть спины изъ малокалибернаго усовершенствованнаго револьвера. Это обстоятельство было тотчасъ же установлено по перенесеніи тѣла убитаго въ мѣстный лазаретъ.

Между тѣмъ, къ мѣсту убійства сбѣжались нижніе чины и нѣкоторые изъ нихъ успѣли замѣтить, что преступники, совершивъ свое кровавое дѣло, спустились къ армянской церкви и скрылись въ заросляхъ. Самое непродолжительное время спустя вся мѣстность, прилегающая къ мѣсту преступления, была оцѣплена нижними чинами Лебединскаго полка и городской полиціи. Точно также были заняты нижними чинами и конными полицейскими стражниками всѣ дороги, ведущія къ городу. Но приступить къ немедленному обыску оцѣпленной мѣстности не было никакой возможности, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ разстановки оцѣпления полилъ проливной дождь, продолжавшійся съ небольшими перерывами почти до разсвѣта.

Въ тотъ же вечеръ, при производствѣ обычной переключки, не оказалось на лицо рядоваго седьмой роты, Степана Демешки. Этотъ рядовой, родомъ изъ Полтавской губ., въ призывѣ 1906 года принятый на военную службу, сперва былъ зачисленъ матросомъ 30-го флотскаго экипажа, съ назначеніемъ на эскадренный броненосецъ „Три Святителя“. Но вслѣдствіе порочной службы въ Черноморскомъ флотѣ, матросы котораго, отмѣтимъ кстати, въ революціонные годы систематически развращались крामольниками и неодно-

кратно проявляли бунтарство, былъ переведенъ оттуда въ январѣ 1907 года въ Лебединскій резервный полкъ. Тогда же, послѣ переклички, нѣсколько нижнихъ чиновъ показали, что между шестью—семью часами вечера видѣли Демешку въ укрѣпленіи, близъ квартиры командира баталіона Добровольскаго. А когда послѣдній ушелъ въ городъ, то и Демешко вышелъ изъ укрѣпленія.

Вышеприведенныя данныя, въ связи съ имѣвшимися свѣдѣніями о прежней порочной службѣ Демешки во флотѣ и даже послѣ перевода его въ Лебединскій полкъ, дали основаніе заподозрить его въ совершеніи умышленнаго убійства подполковника Добровольскаго. Подозрѣнія эти усилились еще болѣе 11 іюля утромъ, когда при производствѣ осмотра мѣста преступленія была найдена въ кустахъ фуражка, признанная принадлежащей Демешкѣ. Но произведенный тогда же обыскъ построекъ, прилегающихъ къ армянской церкви, оказался безрезультатнымъ. Ясно было лишь одно, что Демешка никакъ не могъ уйти ночью незамѣченнымъ изъ района густо оцѣпленной мѣстности. Рѣшено было поэтому удвоить бдительность наблюденія за оцѣпленною мѣстностью. И, дѣйствительно, въ тотъ же день командовавшій оцѣпленіемъ поручикъ Варламовъ негласнымъ путемъ узналъ, что Демешко находится въ одномъ изъ домовъ вблизи армянской церкви и укрывается армянами, которые намѣрены помочь ему, ночью бѣжать изъ города. Свѣдѣнія эти блестяще подтвердились. Въ 9 часовъ вечера, лишь только смеркалось, Демешко вышелъ изъ своего убѣжища, но тотчасъ же былъ обнаруженъ и схваченъ городскими и подоспѣвшими къ нимъ нижними чинами. Во время обыска у Демешки была найдена запасная обойма съ нѣсколькими патронами отъ револьвера „Браунингъ“. Сознвая, что дальше отпираться бесполезно, Демешко заявилъ, что убійство подполковника Добровольскаго совершено имъ, но по его личному замыслу, безъ какихъ-бы то не было сообщниковъ, изъ мести „за дурное обращеніе подполковника Добровольскаго съ нижними чинами“.

Всѣ данныя произведеннаго дознанія самымъ категорическимъ образомъ установили, что заявленіе убійцы живо-

и что онъ просто на просто старался выгородить своихъ сообщниковъ, принадлежащихъ къ мѣстной армянской революціонной партіи. Въ частности, что касается показанія убійцы о подполковникѣ Добровольскомъ, то преступникъ только отягчилъ свою вину самою гнусною клеветою на покойнаго. Не только офицеры, товарищи по полку покойнаго, но и всѣ, кто ближе зналъ его, отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ высокихъ нравственныхъ качествъ, строгомъ, но справедливомъ начальникѣ и образцовомъ офицерѣ. Подполковникъ Добровольскій, несомнѣнно, палъ жертвою тѣхъ гнусныхъ и мстительныхъ элементовъ революціоннаго подполья, въ глазахъ которыхъ заслуживаетъ смерти всякій, честно исполняющій долгъ службы, преданный Государю и Родинѣ русскій человѣкъ.

Мы не располагаемъ свѣдѣніями о томъ, обнаружены ли были подлые сообщники рядоваго Демешки, толкнувшіе его на убійство своего начальника, и какая кара ихъ постигла. Мы знаемъ лишь, что убитый оставилъ послѣ себя вдову и дѣтей, которыхъ удѣлъ—оплакивать безвременную кончину несчастнаго страдальца, увеличившаго собою безконечный списокъ кровавыхъ жертвъ революціи...

Петръ Григорьевичъ Корольковъ.

Городовой гор. Новочеркасска. Убитъ 5-го Мая 1907 года

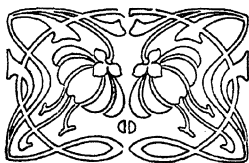
5-го Мая 1907-го года въ городскомъ саду Новочеркасска, вечеромъ, среди гуляющей публики произошло смятеніе. Кто то стрѣлялъ изъ револьвера. На шумъ выстрѣла бросился городской Корольковъ къ неизвѣстнымъ четыремъ злоумышленникамъ, которые, намѣтивъ жертву, очевидно, промахнулись и хотѣли бѣжать. Въ кого они стрѣляли, осталось невыясненнымъ.

Корольковъ, именемъ закона, потребовалъ у негодяевъ оружіе, но трое изъ нихъ бросились бѣжать, тогда какъ четвертый выстрѣломъ изъ револьвера уложилъ Королькова на мѣстѣ и, не задержанный смятенной, перепуганной публикой, бросился бѣжать.

Среди свѣжей зелени разцвѣтающаго сада, въ нарядной пестрой толпѣ было совершено злодѣйство и на травѣ, обагривъ ее своею кровью, холодѣлъ трупъ молодого городского.

Толпа гуляющихъ хлынула къ мѣсту катастрофы. Слышались восклицанія негодованія, изумленія и плачь женщинъ и дѣтей. Тѣло покойного унесли, кровь, темной лужей застывшую на пескѣ дорожки, засыпали свѣжимъ пескомъ и все, по виду, вошло въ обычную колею жизни. Но не вернется къ своей дѣятельности честный слуга своего Государя Петръ Корольковъ.

Послѣ покойнаго остались старуха мать и двѣ сестры—дѣвушки.

Иванъ Никандровичъ Поповъ.

Надзиратель за политическими ссыльными Туруханск. края. Убитъ 7-го
Декабря 1908 г.

Иванъ Пименовичъ Мельниковъ.

Надзир. за полит. ссыльными Туруханск. края. Убитъ 7-го Декабря 1908г.

Семень Ивановъ Нешумаевъ.

Надзир. за полит. ссыльными Туруханск. края. Убитъ 9 Декабря 1908 г.

Туруханскій край находится въ предѣлахъ Енисейской губ. и, какъ извѣстно, служитъ мѣстомъ ссылки политическихъ преступниковъ, кадры которыхъ стали здѣсь усиленно пополняться послѣ энергичной и твердой съ помощью лучшихъ русскихъ людей ликвидаціи правительственной властью іудейско-массонской революціи 1905-6 годовъ. Многимъ, вѣроятно, еще памятны неистовые вопли іудейской и радикальствующей печати о „варварскихъ пыткахъ и мученіяхъ“, которымъ, будто бы, подвергала мѣстная тюремная администрація бѣдненькихъ дѣятелей революціи, отдохавшихъ отъ своихъ кровавыхъ трудовъ въ Туруханскомъ краѣ, о „тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ“, которыя не въ состояніи переносить ихъ нѣжные организмы, и т. д., и т. д.

Очень вразумительнымъ отвѣтомъ на всѣ эти лживые фарисейскіе вопли можетъ служить, между прочимъ, крат-

кая, но горестная страничка о мученической смерти тѣхъ трехъ лицъ, имена которыхъ выписаны въ заголовкѣ.

Дѣло происходило въ самое суровое время года въ этомъ краѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда морозы въ 40 градусовъ и болѣе считаются по мѣстному явленіемъ вполне нормальнымъ. Надзиратели Поповъ и Мельниковъ сопровождали въ Енисейскъ партію арестантовъ, которые подлежали заключенію въ тюрьму. Когда они совершили уже половину крайне тяжелаго пути и прибыли полузамерзшими въ небольшую деревушку Осиновую (Туруханскій край), спустилась ночь. Морозъ къ ночи еще усилился, продолжать путешествіе при такихъ условіяхъ значило идти на вѣрную смерть. Посовѣтовавшись между собою, Поповъ и Мельниковъ рѣшили остановиться здѣсь на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы чуть свѣтъ отправиться далѣе. Размѣстились вмѣстѣ съ арестантами въ крестьянскихъ избахъ. Но не успѣли обогрѣться съ дороги, какъ вдругъ получено было тревожное извѣстіе, что на мирную деревню нагрянула шайка грабителей, состоящая изъ шести человѣкъ. Нужно было защищаться и не допустить грабителей къ избѣ, гдѣ находились ввѣренные ихъ надзору арестанты, которыхъ, по чувству товарищества грабители несомнѣнно, попытаются освободить. Первымъ изъ избы выбѣжалъ на улицу Мельниковъ, но не сдѣлавъ и десятка шаговъ, какъ раздался залпъ револьверныхъ выстрѣловъ и несчастный съ прострѣленной головой и грудью упалъ мертвымъ. Очевидно грабители поджидали эту первую жертву и стрѣляли въ нее безъ риска изъ засады. Тотчасъ же послѣ совершенія этого убійства, злодѣи окружили избу, гдѣ находился Поповъ, и открыли по ней учащенный огонь въ надеждѣ вызвать и его на улицу, на разстрѣлъ. Однимъ изъ выстрѣловъ, направленнымъ черезъ окно, Поповъ былъ раненъ. Но не обращая вниманія на полученную рану, онъ выбилъ оконную раму и выскочилъ на улицу, чтобы защитить своего товарища, участь котораго ему, конечно, не была извѣстна. Въ одинъ мигъ Поповъ былъ окруженъ разбойниками и убитъ выстрѣлами изъ револьверовъ.

Страннымъ въ этой кровавой драмѣ можетъ показаться

то обстоятельство, что пока немногочисленная шайка разбойниковъ разстрѣливала незамѣтныхъ, никому невѣдомыхъ блюстителейъ служебнаго долга на улицѣ деревни, никто изъ ея жителей не пришелъ имъ на помощь; что населеніе Осиновой, которое, несомнѣнно, было во много разъ численнѣе небольшой горсти разбойниковъ, отнеслось къ самому злодѣянью какъ бы безучастно. Въ такомъ видѣ, однако, это мрачное дѣло можетъ показаться лишь тому, кто незнакомъ съ тяжелыми условіями жизни мѣстнаго трудового населенія, которое, благодаря все увеличивающемуся наплыву неблагонадежныхъ элементовъ, развращенныхъ анархическими проповѣдями „освободительнаго движенія“ и не признающихъ ничего святого, давно уже терроризовано послѣдними, горькимъ опытомъ научено непрекословно повиноваться самымъ разбойничьимъ ихъ требованіямъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Лишь только вѣсть о появленіи разбойниковъ распространилась по деревнѣ, все населеніе ея попряталось въ дальніе углы своихъ избъ, съ трепетомъ прислушивалось къ пальбѣ на улицѣ и не подумало даже оказать отпоръ наглой шайкѣ грабителей. Убивъ надзирателей и, какъ водится, освободивъ заключенныхъ, грабители направились дальше. По пути къ гор. Туруханску они завернули въ небольшой, затерянный въ тайгѣ, станокъ Сумароковскій, гдѣ, по имѣвшимся у нихъ свѣдѣніямъ, находился еще одинъ надзиратель съ партіей арестантовъ, Нешумаевъ. Явившись сюда, грабители примѣнили къ мѣстному населенію ту же тактику, что и въ дер. Осиновой. Пригрозивъ смертью всякому, кто выйдетъ изъ избы, они окружили Нешумаева и хотѣли его сперва обезоружить. Но Нешумаевъ, вѣрный присягѣ, предпочелъ лишиться жизни, чѣмъ сдаться злодѣямъ. Конечно тѣ съ нимъ не церемонились и буквально разстрѣляли его.

Такъ погибли геройскою смертью въ далекой и суровой тайгѣ эти трое безвѣстныхъ исполнителя служебнаго долга, заплативъ кровью своею за честное исполненіе долга. Три маленькихъ бугорка на границѣ Туруханскаго края съ Енисейскимъ уѣздомъ съ покосившимися крестами-

вотъ все, что говоритъ теперь мѣстному населенію объ ихъ мученической кончинѣ.

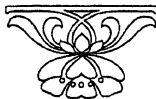
Какъ незамѣтна была ихъ смерть, такъ сѣра и необильна удачами была ихъ жизнь, о которой намъ извѣстно лишь слѣдующее:

Поповъ происходилъ изъ крестьянъ Енисейской губ., родился въ 1866 г., занимался рыбнымъ и звѣринымъ промыслами, въ 1888 г. принятъ былъ на военную службу, которую несъ въ Красноярскомъ резервномъ баталіонѣ. Послѣ дѣйствительной службы дважды призывался по мобилизаціи: въ китайскую и японскую войны. По возвращеніи съ послѣдней былъ въ 1908 г. назначенъ на должность надзирателемъ за политическими ссыльными, которую и исполнялъ по день своей смерти.

Мельниковъ тоже изъ крестьянъ Енисейской губ., родился въ 1880 г., на военную службу принятъ въ 1902 г., во время японской войны былъ въ походѣ противъ непріятеля и назначенъ надзирателемъ за политическими ссыльными въ 1908 г.

Нешумаевъ, 23 лѣтъ, казакъ Преображенской станицы, Ачинскаго у., служилъ въ Красноярской казачьей сотнѣ, а въ началѣ 1908 г. поступилъ надзирателемъ за политическими ссыльными Туруханскаго края.

Послѣ первыхъ двухъ остались вдовы, а Нешумаевъ былъ холостъ.

Абрамъ Семеновичъ Ленковъ.

Полицейскій урядникъ рудника Кошкина Грушевскаго рудничнаго поселенія, Области Войска Донскаго. Умеръ отъ ранъ 21 Апрѣля 1908 г.

Абрамъ Семеновичъ происходилъ изъ казаковъ Области войска Донскаго, Хоперскаго округа, Акишевской станицы, хутора Паршина и прослужилъ рудничнымъ полицейскимъ урядникомъ 12 лѣтъ.

Прослужить 12 лѣтъ подъ-рядъ на одномъ мѣстѣ среди такого разнузданнаго населенія, какъ рудничные шахтеры, можетъ только человекъ съ большой силой воли и выдающейся авторитетностью. Буйные, грубые, зачерствѣлые, вѣчно полупьяные рудничные шахтеры трудно подчиняются дисциплинѣ. А когда среди нихъ появились зловредные агитаторы и распропагандировали ихъ въ корень, уча неподчиненію существующей власти въ виду дарованія какихъ то эфемерныхъ, выдуманныхъ „свободъ“, то разнузданность эта вышла за предѣлы допустимаго.

14 Апрѣля 1908 года, въ 5 часовъ по полудни, на желѣзнодорожной вѣткѣ, идущей со станціи „Грушевка“,

Юго-Восточныхъ ж. дорогъ, на рудникъ Кошкина собралась толпа гуляющихъ шахтеровъ. Здѣсь вскорѣ между ними завязалась ссора, дошедшая до драки, во время которой въ толпѣ раздались выстрѣлы изъ револьвера. Урядникъ Ленковъ, услыша эти выстрѣлы, немедленно направился туда для принятія соответствующихъ мѣръ.

Приближаясь къ толпѣ, Ленковъ сперва уговаривалъ ее разойтись спокойно, затѣмъ, видя непослушаніе, пустилъ въ ходъ угрозы, при чемъ даже три раза выстрѣлилъ на воздухъ. Но толпа, вмѣсто того, чтобы послушаться и разойтись, окружила его, а шахтеры Изоть и Илларионъ Мироновы схватили Ленкова сзади, повалили на землю, обезоружили и совмѣстно со своими товарищами: Матвѣемъ Бѣликовымъ, Иваномъ Селезевымъ, Степаномъ Ладкинымъ и друг., на глазахъ многочисленной публики, нанесли Ленкову удары камнями, при чемъ раздробили ему кости черепа.

Ленковъ былъ отправленъ на лѣченіе въ больницу, гдѣ ему произвели операцію, но тѣмъ не менѣе онъ черезъ недѣлю—21 апрѣля 1908 года—умеръ. Послѣ него остались сиротами жена и малолѣтняя дочь безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Такимъ образомъ Ленковъ своей смертю удлинилъ списокъ жертвъ, погибшихъ при исполненіи своего долга и возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей, увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и число сиротъ.

Убійцы—шахтеры, пропитанные уже зловредной пропагандой, видя въ урядникѣ Ленковѣ представителя того строя, къ нисповерженію котораго ихъ направляли лжеучители—руководители, вѣроятно и не сознавали въ своемъ дѣяніи уголовного преступленія, а скорѣе считали его подвигомъ. Тѣ-же, кто развратилъ доступное имъ ихъ политическое самосознаніе гражданина благоустроеннаго государства, благодаря которому только и можетъ существовать это государство, всегда остаются въ сторонѣ, подставляя подъ обухъ головы сбитыхъ ими съ толку этихъ легковѣрныхъ глупыхъ людей.

Иванъ Ивановичъ Кальнинъ.

Волостной писарь Венденскаго уѣзда Лифляндск. губ.
Убитъ 28 Января 1906 года.

Своей честной дѣятельностью и неусыпнымъ рвеніемъ къ исполненію своихъ обязанностей И. И. Кальнинъ нажилъ себѣ немало враговъ среди бича государствъ—революціонеровъ, но, презирая опасность, не обращалъ никакого вниманія на сыпавшіяся противъ него угрозы.

Состоя волостнымъ писаремъ въ Венденскомъ уѣздѣ въ Козенской волости, селѣ Яунпилѣ, Кальнинъ, будучи умнымъ и развитымъ человѣкомъ, всегда мечталъ о болѣе широкой сферѣ дѣятельности и весь горячо предался дѣлу розысковъ и поимки враговъ общественной безопасности.

Весь во власти своего стремленія, онъ большими ша-

гами шелъ по пути, намѣченному себѣ своей совѣстью, являясь грозой для нѣсколькихъ шаекъ и бдительно заботясь о спокойствіи ввѣреннаго ему района.

Однажды было получено имъ дерзкое, угрожающее письмо съ предупрежденіемъ о смерти, но И. И. съ презрѣніемъ отнесся къ анонимной угрозѣ и продолжалъ свою дѣятельную работу.

Негодяи снова послали письмо, требуя чтобы Кальнинъ оставилъ волостной домъ, но и на это дерзкое требованіе онъ отвѣтилъ презрѣніемъ. Была выслѣжена имъ опасная шайка. Оставалось ее изловить и Кальнинъ, совмѣстно съ полиціей, готовилъ планъ успѣшнаго нападенія, но не суждено ему было осуществить этотъ планъ. 28-го января 1906 года вечеромъ, когда онъ сидѣлъ одинъ въ своей квартирѣ при волостномъ правленіи, къ нему кто то постучался. И. И. открылъ дверь. Четверо злоумышленниковъ ворвались въ комнату и въ упоръ стали стрѣлять въ него, не щадя зарядовъ до тѣхъ поръ, пока къ ногамъ ихъ не упало безжизненное тѣло. Когда на выстрѣлы сбѣжались сосѣди, убійцы, пользуясь наступившей темнотой, скрылись, а среди лужи крови безъ дыханія лежалъ убитый герой, честный слуга Царя и рыцарь своего долга, доведшій до безвременной своей могилы дѣло, взятое имъ на себя добровольно, безъ понужденія.

Похороненъ прекрасный человѣкъ и на смѣну ему идутъ новые сильныя и могучіе герои! Велика и сильна Россія и не оскудѣютъ въ ней самоотверженные люди, избравшіе девизомъ для себя мужество, честь и беззавѣтную отвагу.

Иванъ Ивановичъ Замятинъ.

Приставъ 1 стана Лебединскаго уѣзд., Харьковской губ.

Стефанъ Ивановичъ Туча.

Иванъ Гавриловичъ Квасниковъ.

Урядники уѣздной полицейскойе стражи Алешанской и Чупаховской волости.

Убиты 8 августа 1907 года.

Когда же наконецъ русскій человѣкъ пробудится въ своемъ самосознаніи, почувствуетъ свою мощь хозяина великой Россіи и пробужденный, какъ величавый богатырь старыхъ временъ, проложитъ себѣ путь къ спокойному житью гражданина и человѣка?..

Сколько ихъ пало въ борьбѣ роковой за этотъ покой каждаго изъ насъ?

Они служили народу и принесли въ жертву намъ са-

мую большую изъ жертвъ на землѣ—это ихъ жизнь и въ мукахъ предсмертной агоніи они очистились духомъ и чистыми ихъ помянетъ Господь во царствіи своемъ.

Но ихъ такъ много... Двѣнадцать томовъ книги „Русской Скорби“—это начало печальной лѣтописи о жизни великихъ.

Стефанъ Ивановичъ Туча.

Велики они не по чинамъ и рангамъ, а велика ихъ душа, ибо не всякій изъ насъ способенъ умирать безъ содраганія, безъ ропота, безъ страха за други своя.

Посмотрите, какъ умирали они. Приводимъ выдержки изъ официальнаго документа—донесенія Лебединскаго исправника о смерти героевъ.

Какимъ бы языкомъ, какимъ бы стилемъ вы не изложили жизнь этихъ людей, она будетъ обыденна—но смерть

ихъ, ихъ подвигъ возводятъ ихъ на недосягаемую высоту величія въ смерти за Царя и родину.

«Производя розыскъ оружія у крестьянъ с. Алешни, Лебед. уѣзда, Харьков. г., имѣвшихъ таковое безъ установленнаго на то разрѣшенія, приставъ Замятинъ, между прочимъ, подѣхалъ, въ сопровожденіи двухъ урядниковъ Квасникова и Тучи, а также и Алешанскаго волостного старшины Кіашко, на почтовыхъ лошадяхъ къ избѣ Матрены Мизенко, съ цѣлью произвести обыскъ у сына ея Федота Манжуренко.

Иванъ Гавриловичъ Квасниковъ.

Входная дверь въ избу оказалась запертой на засовъ. Какъ выяснилось потомъ, пріѣздъ чиновъ полиціи былъ замѣченъ женою убійцы Татьяною и его братомъ Яковомъ Мизенко.

Послѣ предупрежденія чиновъ полиціи, о томъ, что дверь будетъ взломана, послѣднюю открыли. Чины полиціи вошли въ избу и приступили къ тщательному обыску; все было пересмотрѣно, причемъ найдено оружіе и нелегаль-

ная литература. Оставалось осмотрѣть кладовую, дверь въ которую была заперта висячимъ замкомъ.

Добровольно отпереть замокъ мать, жена и братъ Манжуренко, присутствовавшіе при обыскѣ, отказались.

Замокъ былъ разбитъ по приказанію пристава Замятина.

Въ образовавшуюся щель грянули выстрѣлы изъ кладовой, каковыми и были ранены приставъ Замятинъ и урядники Туча и Квасниковъ, находившіеся въ сѣняхъ передъ дверью въ кладовую; кромѣ того легко раненъ въ ногу братъ убійцы Яковъ Мизенко».

Когда же настанетъ конецъ длинному списку жертвъ долга передъ Царемъ и родиной? Когда и кто изъ вѣрныхъ сыновъ Россіи будетъ послѣднимъ, чье имя послужитъ заключительнымъ звеномъ длинной вереницы мучениковъ, стоявшихъ на стражѣ у Царя и державнаго русскаго племени?

Темно... Вокругъ таже кровь, что и въ 1905 году. Немного просвѣтлѣвшіе, но тѣже сумерки и среди этого мрака, скрываясь въ подпольѣ, а зачастую чуть-ли не на глазахъ обывателя и власти, нѣдра революціи продолжаютъ вершить свое дьявольски противное дѣло, жаждая крови ближняго брата человѣка.

Урядникъ Квасниковъ, раненый пулей, упалъ тутъ-же у порога сѣней; урядникъ Туча успѣлъ перебѣжать черезъ дворъ и упалъ на улицѣ.

Приставъ Замятинъ имѣлъ силы пробѣжать еще дальше къ сосѣднему двору и даже, какъ говорили очевидцы, пытался вытащить для защиты изъ ноженъ пашку.

Убійца Манжуренко выскочилъ изъ избы вслѣдъ за ранеными, стрѣляя имъ въ спины, а затѣмъ бросился съ кинжаломъ въ рукахъ къ приставу Замятину и началъ наносить ему удары даже уже мертвому.

Покончивъ съ приставомъ Замятинымъ, убійца съ большимъ хладнокровіемъ, заложивъ руки назадъ, подошелъ къ лежавшему на землѣ уряднику Тучѣ и нанесъ ему нѣсколько ударовъ кинжаломъ.

Тоже продѣлалъ убійца и съ урядникомъ Квасниковымъ, лежавшимъ во дворѣ.

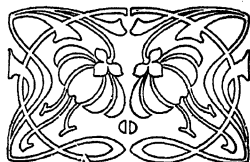
Самъ убійца скрылся, вооружившись ружьемъ, въ ближайшемъ лѣсу. Принятыми Лебединскимъ исправникомъ г. Жилло энергичными мѣрами розыскать убійцу не удалось.

Мажуренко принадлежалъ къ революціоннымъ организаціямъ.

Приставъ Иванъ Ивановичъ Замятинъ оставилъ семью, состоящую изъ жены Елены Владиміровны и дѣтей: Петра, Николая и Ольги.

Урядникъ Иванъ Гавриловичъ Квасниковъ также былъ семейнымъ человѣкомъ, оставивъ осиротѣлыми жену и дочь 17 лѣтъ.

Урядникъ Степанъ Ивановичъ Туча оставилъ жену и дочь.

Осипъ Максимовичъ Анхимъ-Ольшевичъ.

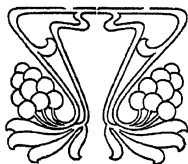
Полицейскій урядникъ Гродненскаго уѣзда. Скончался отъ ранъ, нанесенныхъ революціонерами, 25 Іюля 1906 года.

Тяжелая и опасная служба покойнаго протекала въ томъ районѣ, о которомъ намъ уже неоднократно доводилось говорить въ настоящей книжкѣ. Опасность службы усугублялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что покойный состоялъ въ должности полицейскаго урядника при кожевенномъ заводѣ въ мѣст. Кринкѣ, Гродненскаго уѣзда, гдѣ работало около 1500 рабочихъ и ремесленниковъ, главнымъ образомъ евреевъ, принадлежащихъ къ разнымъ противоправительственнымъ партіямъ, злобныхъ, мстительныхъ, въ конецъ обнаглѣвшихъ. При этихъ условіяхъ столкновение человѣка, искренно, но не за страхъ, а за совѣсть преданнаго долгу службы, съ развращенной и наглою бандой инородцевъ-революціонеровъ было неизбѣжнымъ. Всего три мѣсяца продолжалась ревностная и усердная служба Анхимъ-Ольшевича, но и этого срока было вполне достаточно для крамольниковъ, которые сразу увидѣли, что въ его лицѣ они имѣютъ не только врага, такъ сказать, по обязанности службы, но и человѣка убѣжденнаго въ правотѣ государственнаго дѣла, на защиту котораго онъ былъ здѣсь поставленъ. И, дѣйствительно, новый урядникъ съ первыхъ же шаговъ своей служебной дѣятельности при заводѣ не мирволилъ ни въ чемъ распропагандированнымъ жидамъ, сурово подавлялъ всякія попытки къ бунту и крамолѣ. Такъ, онъ лично задержалъ на мѣстѣ преступленія рабочаго Фридмана, когда тотъ бросилъ разрывной снарядъ въ еврейскую молитвенную школу въ мѣст. Кринкѣ, гдѣ про-

исходило совѣщаніе мѣстныхъ жителей, принадлежащихъ къ партіи правоваго порядка. Этотъ мужественный поступокъ въ связи съ предшествующею энергичною дѣятельностью Ольшевича окончательно озлобилъ противъ него крамольныхъ жидовъ и съ тѣхъ поръ они выжидали лишь удобнаго случая, чтобы безнаказанно свести съ нимъ счеты. Такой случай вскорѣ представился. Въ качествѣ важнаго свидѣтеля по дѣлу о разбойномъ нападеніи кринскихъ рабочихъ на домъ священника въ сел. Шудзялово, Сокольскаго уѣзда, 24-го іюля 1906 г.; Анхимъ-Ольшевичъ былъ вызванъ въ гор. Соколку къ судебному слѣдователю. Когда онъ возвращался домой, шесть молодыхъ евреевъ, поджидавшихъ его изъ засады, быстро окружили его и буквально разстрѣляли изъ браунинговъ. Смертельными оказались двѣ раны, нанесенныя Ольшевичу въ животъ и шею. Въ безсознательномъ состояніи онъ былъ доставленъ въ Уздовскій военный госпиталь, гдѣ на другой день утромъ и умеръ. Похороненъ онъ на Варшавскомъ кладбищѣ.

Такъ мученически окончилъ свою недолговѣчную жизнь этотъ доблестный и вѣрный слуга Государя и Отечества.

Покойный происходилъ изъ крестьянъ Гродненской губерніи и до поступленія на должность фабричнаго полицейскаго урядника былъ на военной службѣ въ 142 пѣхотномъ Звенигородскомъ полку, откуда вышелъ въ запасъ со званіемъ старшаго писаря. Съ 13 декабря 1905 г. по апрѣль 1906 г. служилъ еще стражникомъ въ Скидельскомъ пѣшемъ отрядѣ.

Андрей Андреевич Веперь.

Письмоводитель Венденскаго уѣзднаго начальника Лифляндск. губ.
Убитъ 26-го Декабря 1905 года.

26-го Декабря 1905 года, въ 9 час. вечера, въ имѣнїи Гогенбургенъ, гдѣ находилась канцелярїя младшаго помощника Венденскаго уѣзднаго начальника по 2-му участку, во время совершенїя таинства святого крещенїя надъ ребенкомъ урядника Шонцберга, проживавшаго въ одномъ изъ боковыхъ зданїй этого имѣнїя, шайка злоумышленниковъ окружила квартиру урядника. Двое изъ нихъ, отдѣлившись отъ прочихъ, подошли къ двери и попросили вызвать къ нимъ по дѣлу, якобы, письмоводителя Веппера.

Послѣдній узнавъ, что его спрашиваютъ, вышелъ въ переднюю и въ этотъ же моментъ упалъ, сраженный пулями негодяевъ.

Покончивъ со своей жертвой, убійцы поспѣшили скрыться, но энергія полиціи и принятыя ею немедленно мѣры къ розыску преступниковъ увѣнчались успѣхомъ и они были пойманы и понесли заслуженную кару.

Какъ человѣкъ дѣятельный и преданный своему долгу, Вепперъ считался опаснымъ въ глазахъ революціонныхъ бандитовъ, которые рѣшили, что онъ шпионъ и постановили свести его со своего преступнаго пути.

Когда тѣло А. А. пытались поднять съ полу, лужа крови обагрила руки и платье друзей покойнаго. Беременная жена покойнаго безъ памяти лежала рядомъ съ тѣломъ и надо было, прежде всего, позаботиться о ней, чтобы предупредить новую катастрофу. Когда ея горькія безудержныя рыданія вырвались изъ груди, сердца присутствовавшихъ, больно сжались и многіе даже мужчины, заплакали. У нея долженъ быть ребенокъ, которому не суждено было никогда увидѣть отца!

Это тяжелое сознаніе проникло въ умъ и сердце всѣхъ присутствовавшихъ и всѣ, наперерывъ, старались оказать несчастной женщинѣ вниманіе и отвлечь ее отъ тѣла мужа.

Похороны А. А. были торжественны. Гробъ его несли къ мѣсту послѣдняго успокоенія почетные члены обществъ поочередно, а батюшка, читавшій евангеліе, прослезился и на могилѣ, въ проникновенномъ словѣ, перечисляя всѣ заслуги покойнаго передъ Царемъ и обществомъ, не разъ утиралъ слезы.

И еще на одномъ изъ русскихъ кладбищъ прибавилась славная могила! Еще героемъ, честнымъ слугою государства меньше стало!

Но будемъ надѣяться, что крамола, пустившая такіе крѣпкіе корни въ Россіи, ослабнетъ и доблесть и мужество восторжествуютъ надъ дикою ордою злодѣевъ.

Покойный былъ недолго женатъ и черезъ 4 мѣсяца послѣ его смерти вдова родила своего перваго сына.

Семья А. А. Веппера была необеспечена, но ей выхлопотана пенсія въ суммѣ 350 руб. въ годъ.

Происходилъ Андрей Андреевичъ изъ крестьянъ Козенской волости Венденскаго уѣзда; родился 17 ноября 1863 года; окончилъ полный курсъ Венденскаго уѣзднаго училища въ 1882 году.

Въ концѣ 1884 года былъ принятъ на военную службу и зачисленъ въ 15-й резервный пѣхотный кадровый баталіонъ въ г. Ригѣ, гдѣ прослужилъ 3 года и былъ уволенъ въ запасъ арміи фельдфебелемъ 31 Декабря 1888 года. Послѣ увольненія въ запасъ арміи, А. А. поступилъ писмоводителемъ къ младшему помощнику Венденскаго уѣзднаго начальника по 2-му участку, гдѣ и находился по день убійства его революціонерами.

Антонъ Матвѣевичъ Войцелюнасъ.

Городовой г. Вильно. Убитъ 20 іюня 1905 года.

Въ первой половинѣ злополучнаго 1905-го года, когда глухой гулъ революціоннаго клокотанья, неустанно подогрѣваемого еврейской либерально - будирующей прессой, началъ по мѣстамъ прорываться наружу, то тутъ, то тамъ, все чаще и чаще стали обозначаться жертвы разрастающейся крамолы. Отъ руки подпольныхъ и злостныхъ убійць падали и высокія сановныя лица и простые городовые.

Иногда коварныхъ убійць схватывали, но обыкновенно они исчезали безслѣдно и въ большинствѣ случаевъ это были если не евреи, то жидовскіе наймиты, ихъ креатура, за спинами которыхъ стояли подстрекатели жидаы.

Городовой Антонъ Матвѣевичъ Войцелюнасъ, погибшій 20 іюня 1905 года въ г. Вильно, по сообщенію мѣстнаго полиціимейстера, былъ убитъ именно евреями. Обстоятельства этого убійства таковы: днемъ 20 іюня 1905 г. изъ дома Розенсона по Новгородской улицѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Стоявшій на ближайшемъ посту городской Васильевскій далъ тревожныя свистки.

Видя себя открытыми и опасаясь быть арестованными, бывшіе въ домѣ молодые жидаы бросились изъ дома бѣжать по направленію къ Александровскому бульвару. Догонявшій ихъ городской Васильевскій продолжалъ давать свистки.

Другой городской Войцелюнасъ, бывшій на своемъ посту на углу Угличской улицы, слышавъ свистки и увидѣвъ приближающихся бѣгомъ къ его мѣсту еврейчиковъ, первому изъ нихъ преградилъ путь въ намѣреніи:

задержать его. Но въ этотъ моментъ однимъ изъ бѣжавшихъ евреевъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ—и пораженный пулей въ самое сердце городской Войцелюнасъ повалился на землю, какъ снопъ. На поднятую тревогу подбѣжалъ еще городской Пришмонтъ, началъ преслѣдовать преступника и уже было нагналъ его на Кіевскомъ базарѣ, но злодѣй, повернувшись, произвелъ выстрѣлъ въ упоръ въ городского Пришмонта и ранилъ его въ животъ, а когда сторожъ Васильевскій пытался его задержать, то выстрѣломъ ранилъ въ руку и этого послѣдняго. Такимъ образомъ отъ злодѣйской руки еврея пострадали три вѣрныхъ служителя своего долга—и одинъ изъ нихъ, Антонъ Войцелюнасъ, поплатился жизнью.

Убійца же успѣлъ безслѣдно скрыться въ своихъ еврейскихъ кварталахъ.

На мѣсто происшествія явилась высшая администрація и судебныя власти. По горячимъ слѣдамъ агенты полиціи пустились разыскивать убійцу. По подозрѣнію въ совершенномъ преступленіи было задержано много лицъ, но преступника, тѣмъ не менѣе, сткрыть не удалось, такъ какъ сплоченная и солидарная во всякихъ злоумышленіяхъ еврейская масса укрыла убійцу и его соучастниковъ.

Похороны трагически погибшаго на своемъ посту вѣрнаго слуги Царя и Отечества Антона Войцелюнаса, по распоряженію Виленскаго губернатора графа Палена, были приняты на счетъ казны и отличались особенной торжественностью.

Гробъ покойнаго до могилы провожала масса народа во главѣ съ высшими властями и съ оркестромъ военной музыки. Самимъ губернаторомъ графомъ Паленомъ была произнесена надъ могилою безвременно почившаго героя долга, прочувствованная рѣчь, съ призывомъ остающихся живыхъ борцовъ и слугъ отечества къ твердой рѣшимости не отступать отъ исполненія долга службы. На гробъ покойнаго было возложено много вѣнковъ.

Биографическія свѣдѣнія объ этомъ преждевременно сошедшемъ въ могилу отъ руки крамольника слугѣ Царя и отечества имѣются весьма краткія. Антонъ Матвѣевичъ

Войцелюнасъ, запасный рядовой 14 Гренадерскаго Грузинскаго полка, происходилъ изъ крестьянъ Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи.

Семьей обзавестись Войцелюнасъ еще не успѣлъ; вѣроисповѣданія былъ римско-католическаго. На службу въ г. Вильну городовымъ поступилъ съ 3 декабря 1907 года и оставался на этой службѣ, аккуратно и добросовѣстно неся таковую по день своей кончины отъ [пули крамольника— жиди.

Вассаріонъ Ивановичъ Антоновъ.

Приставъ г. Ростова на Дону, есауль. Умеръ 18-го марта 1903 г. отъ ранъ, полученныхъ 2-го марта того же года.

Въ то время, когда толпа демонстрантовъ-краснофлажниковъ бѣсновалась на Большой Садовой улицѣ, около Большого проспекта, Виссаріонъ Ивановичъ старался всѣми силами разсѣять сборище и прекратить безчинства. Онъ ласково просилъ бездѣльниковъ и въ отвѣтъ получалъ громкій хохоть и площадную ругань; онъ грозилъ имъ и тутъ изъ толпы раздалось нахальное предупрежденіе.

— Уходи, не то стрѣлять будемъ!

В. И. развелъ руками. Что тутъ подѣлаешь со стадомъ ословъ, забравшихъ себѣ въ голову перескочить черезъ океанъ!

Онъ еще разъ сталъ усовѣще вать, но все напрасно: его не только не слушали—ему же грозили.

Приходилось прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ, но изъ толпы раздался выстрѣлъ и Антоновъ, раненный въ голову, пошатнулся, но не упалъ, продолжая исполнять свои обязанности.

Толпу разогнали и, обезсиленный отъ потери крови, В. И. упалъ на землю.

Помѣщенный въ городскую больницу, В. И. чувствовалъ страшныя страданія. Ему было 58 лѣтъ и организмъ

его не выдержалъ, несмотря на то, что болѣе двухъ недѣль боролся со смертью. Последняя побѣдила и 18-го марта честного служака, слуги Царя и отечества, не стало.

В. И. болѣе половины жизни своей прослужилъ въ Ростовской полиціи и оставилъ по себѣ самую свѣтлую память.

Степанъ Афанасьевъ Шафоростовъ.

Казакъ станицы Лабинской. Убитъ 1 июня 1908 г.

Мутныя волны крамолы и анархїи въ 1905—6 годахъ докатывались до самыхъ мирныхъ и глухихъ угловъ Россїи. Если въ эти углы, почему либо, не проникали „сознательные товарищи“ изъ распропагандированныхъ рабочихъ, отставныхъ солдатъ, золоторотцевъ и прочаго сброда, то нелегальщина въ видѣ грубо-невѣжественныхъ брошюръ, книженокъ, прокламацій и т. п., попадала туда и дѣлала свое разрушительное дѣло.

Такъ случилось, между прочимъ, и въ станицѣ Лабинской, Кубанской области. Среди населенія ея, всегда отли-

чавшагося трудолюбіемъ, спокойствіемъ и вѣрнопопданни-
ческимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, въ концѣ 1905.
г. стало наблюдаться броженіе: раздавались безсвязныя рѣчи
и угрозы по адресу мѣстныхъ властей, ходили самыя не-
лѣпыя слухи, сильно развилось пьянство и тунеядство, на-
чалось дебоширство и драки.

— Словно, какъ бы нечистая сила всѣхъ попутала!—
жаловались старики казаки, гордившіеся славными преда-
ніями и военною доблестью Кубанскаго казачества.—Под-
ростки озорничаютъ, отбились отъ-рукъ, а тѣ, что постар-
ше, просиживаютъ дни и ночи въ кабакахъ...

Наконецъ, однажды пьяная ватага безъ всякаго повода
направилась прямо изъ кабака въ станичное управленіе—
„избивать начальство“, какъ орали коноводы. Настроеніе
толпы было явно угрожающимъ и никакія успокоенія со сто-
роны на нее не дѣйствовали. Со скверными ругательства-
ми, потрясая кулаками въ воздухъ, толпа прошла по глав-
ной улицѣ станицы и приблизилась на разстояніе не боль-
ше десяти шаговъ къ станичному управленію.

Положеніе тѣхъ, что находились въ управленіи, съ
минуты на минуту становилось все болѣе критическимъ. У
входа, къ счастью, дежурилъ въ это время молодой, храб-
рый казакъ, Степанъ Шафоростовъ, который всегда чуж-
дался компаніи пьянствующихъ и дебоширничавшихъ од-
ностаничниковъ.

— Не подходи ближе!—закричалъ онъ громовымъ го-
лосомъ на напиравшую толпу.—Стрѣлять буду!

И съ этими словами взялъ винтовку на прицѣль.

— Ахъ, ты, такой-сякой!—послышался изъ первыхъ
рядовъ пьяный голосъ Григорія Мелихова, товарища Ша-
форостова по школѣ и юношеству.—И въ меня стрѣлять
посмѣешь?

— И въ тебя,—послѣдовалъ спокойный отвѣтъ,—еже-
ли ты, замѣсто того, чтобы удержать этихъ пьяницъ, будешь
подбивать ихъ здѣсь разбойничать.

Но Мелиховъ, разгоряченный виномъ не придалъ зна-
ченія словамъ своего товарища и съ крикомъ: „нечего
смотрѣть на него, братцы, за мной!“ ринулся впередъ. Въ

ту же минуту грянулъ выстрѣлъ и Мелиховъ, сраженный пулей, палъ. Толпа мигомъ отрезвѣла и разсѣялась. Жизнь станичнаго атамана и членовъ станичнаго управления была спасена Шафоростовымъ, но самъ онъ съ той поры былъ обреченъ на смерть. Озлобленіе противъ него со стороны тѣхъ неблагонадежныхъ элементовъ населенія станицы, которымъ всякій честный и мужественный исполнитель долга былъ, такъ сказать, бѣльмою на глазу, все усиливалось и усиливалось. Шафоростовъ преданъ былъ даже суду за убійство Мелихова, хотя ясно было, что если бы въ ту критическую минуту онъ не прибѣгнулъ къ крайней мѣрѣ, то толпа разнесла бы въ дребезги и станичное управленіе, и всѣхъ, кто въ немъ находился.

На время производства слѣдствія Шафоростовъ былъ удаленъ отъ должности дежурнаго при станичномъ управленіи, но какъ только былъ назначенъ новый атаманъ станицы, который освѣдомленъ былъ о нравственныхъ и служебныхъ качествахъ Шафоростова, то послѣдній былъ опять принятъ на службу.

Это обстоятельство, конечно, еще болѣе увеличило раздраженіе противъ Шафоростова со стороны его враговъ. Тѣ, не стѣсняясь, говорили всюду, что „ему не жить на бѣломъ свѣтѣ“. Шафоростовъ зналъ объ этомъ, но по-прежнему сторонился всякихъ бражничающихъ компаній, не шелъ на примиреніе съ буйными и пьяницами, а, наоборотъ, всячески, всѣми доступными ему средствами боролся съ этимъ развивающимся зломъ станицы:

— По долгу службы и совѣсти я такъ и долженъ поступать, пока на службѣ,—обычно говорилъ онъ тѣмъ, которые предостерегали его относительно грозящей ему участи.

Угроза эта осуществилась, наконецъ, 1 июня 1908 г., въ 11 часовъ ночи, когда Шафоростовъ зашелъ изъ станичнаго управления въ домъ урядника Дехтерева за своей женой, которая тамъ находилась въ гостяхъ.

Предательская пуля, направленная въ него черезъ окно съ улицы, убила его наповаль. Онъ умеръ молодымъ, всего 29 лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя вдову безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Андрей Иванович Рыжкинъ.

Петръ Ивановичъ Федотовъ.

Янупъ Фейскановъ.

Стражники уѣздно-полицейской стражи Корсунскаго уѣзда, Симбирской губ. Убиты въ мартъ и апрѣль 1907 г.

Андрей Ивановичъ Рыжкинъ, Петръ Ивановичъ Федотовъ и Янупъ Фейскановъ поистинѣ герои-мученики, сознательно и безкорыстно исполнившіе свой долгъ передъ Царемъ и народомъ.

Въ годину лихолѣтя, въ годину развала устоевъ нашего спокойнаго житія, исторія насчитываетъ много самоотверженныхъ борцовъ за наше благо, за благоденствіе родины.

Стражники уѣздно-полицейской стражи Рыжкинъ, Федотовъ и Фейскановъ по своему служебному положенію и образованію не стояли высоко на лѣстницѣ общественнаго

положенія но зато обладали душой и разумомъ, которымъ могли бы позавидовать многіе изъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей.

Федотовъ, Рыжкинъ и Фейскановъ вполне заслуживаютъ памяти въ народѣ и ихъ имена могутъ служить примѣромъ тѣмъ, кто привыкъ „разсуждать“ тамъ, гдѣ необходима для отечества самоотверженная жертва.

Рыжкинъ, Федотовъ и Фейскановъ не ждали когда имъ прикажутъ. Жажда вѣрнаго служенія Царю и родинѣ у нихъ была слишкомъ горяча, чтобы молча взирать на развалъ и разнузданность окружающей среды.

По обыкновенію мучители нашего покоя ютились по деревнямъ и селамъ вдали отъ наблюденій администраціи и въ тихихъ омутахъ творили свое злое дѣло гибели и разрушенія.

Въ Корсунскомъ уѣздѣ такимъ омутомъ была деревня Ростислаевка, Гаринской волости, гдѣ орудовала потихоньку революционерка Сѣрова, успѣвшая свить въ Ростислаевкѣ прочное революціонное гнѣздо.

Рыжкинъ и Федотовъ сами вызвались и упростили начальство дозволить имъ посчитаться съ Сѣровой.

Они были командированы и погибли.

Рыжкинъ съ Федотовымъ явились въ деревню подъ видомъ помощниковъ прикащика винной лавки и остановились у сидѣльца винной лавки.

Въ 10-ть часовъ вечера они вышли осмотрѣть селеніе. Трупы обоеихъ утромъ 14 марта найдены около дороги за гумнами съ огнестрѣльными ранами. Какъ убиты они—неизвѣстно.

Стражникъ Янупъ Фейскановъ нашель свою славную смерть въ селѣ Анненковѣ. 23 апрѣля 1907 года во время аграрныхъ беспорядковъ ему нанесены тяжкіе побои и раненія, послѣ чего онъ слегъ и умеръ 25 апрѣля 1907 года въ Корсунской больницѣ.

Юльянъ Юрьевичъ Герасимовъ.

Городовой г. Вильны. Убитъ 23 января 1906 года.

Страшная жертва! Никакихъ видимыхъ мотивовъ и вызывающихъ обстоятельствъ къ совершенію убійства этого кроткаго безобиднаго человѣка не оказывается и не было.

Единственный мотивъ, единственная причина этого убійства изъ-за угла могла быть только одна въ глазахъ крамольнаго революціонера, что онъ хотя маленькій все же блюститель порядка въ городѣ, обязанный носить полицейскій мундиръ—и въ этомъ вся его вина предъ тайнымъ злодѣемъ. А такихъ скрытыхъ враговъ всякаго полицейскаго чина, всякаго охранителя законности и порядка въ г. Вильнѣ должно было быть въ то время очень много. Городъ почти наполовину наполненъ вѣчно и всюду вызывающими массовое броженіе живыми революціонными фибрами—жидами, большая часть которыхъ какъ бы органически не можетъ равнодушно видѣть полицейскаго мундира, вѣроятно въ силу сознанія преступности своихъ скрытыхъ дѣяній. На мысль объ участіи такого именно элемента въ убійствѣ безвиннаго городского Герасимова наводитъ то обстоятельство, что преступникъ безслѣдно исчезъ, оставаясь, конечно, тутъ же въ городѣ; а этотъ фактъ характеризуетъ именно еврейскую манеру укрывать своихъ преступниковъ.

Въ 12 часовъ ночи 23 января 1906 г. по Знаменской улицѣ г. Вильны шелъ по своему посту, въ мѣстности „Звѣринець“, кутаясь отъ пронизывающаго ночного холода, ни на секунду не помышляющій объ опасности и близкой смерти городской Юльянъ Юрьевичъ Герасимовъ. Вдругъ изъ темнаго угла выскакиваетъ нѣсколько

злоумышленниковъ и выстрѣлами изъ револьвера убиваютъ на поваль стража, шедшаго къ мѣсту своей службы. Пуля попала въ високъ, пронизала голову, смерть была мгновенная. Пользуясь темнотой, убійцы, совершивъ свое злое дѣло, скрылись и надо думать гдѣ нибудь не особенно далеко, въ сосѣднихъ домахъ, служащихъ и для нихъ вѣрнымъ убѣжищемъ.

Убійцы остались безнаказанными въ средѣ общества для совершения новыхъ злодѣяній; а въ могилу сошла отъ крамольной руки новая жертва долга службы—полезный для гражданъ человекъ, добросовѣстно исполнявшій возложенныя на него обязанности.

Почившій еще въ цвѣтущемъ возрастѣ (27 лѣтъ) Ю. Ю. Герасимовъ происходилъ изъ мѣщанъ г. Вильны, образованія большого не получилъ, имущества и недвижимости никакой не имѣлъ; былъ женатъ и имѣлъ 2 лѣтнюю дочь. Вѣроисповѣданія былъ римско-католическаго. Служилъ въ 3 эскадронѣ 1-го запаснаго кавалерійскаго полка. До поступленія на службу въ полицію занимался подневными работами. Въ виленскую городскую полицію опредѣлился въ концѣ 1905 года—и такъ мало пришлось ему служить: 23 января 1906 г. злодѣйская пуля уложила его въ гробъ! По свидѣтельству мѣстнаго пристава, покойный былъ характера кроткаго, тихаго; службу несъ съ полнымъ прилежаніемъ. Это послѣднее обстоятельство и дѣлаетъ понятнымъ, его убійство крамолюю.

Послѣ покойнаго осталась безъ всякихъ средствъ его жена Моника Казимировна съ малолѣтней дочерью Станиславой. Кто дастъ имъ теперь кормильца, отнятаго злодѣями?!

Много гибнетъ такихъ честныхъ слугъ Царя и отечества отъ руки подпольныхъ убійцъ, нападающихъ изъ-за угла и неожиданно поражающихъ на смерть мирно идущаго или стоящаго на своемъ посту полицейскаго въ формѣ.

Владиміръ Петровичъ Томусякъ.

Приставъ, гор. Борисоглѣбска.

Скончался отъ раны, полученной 11 сентября 1906 г.

Тамбовская губернія въ революціонные 1905—6 г.г., благодаря дѣятельной пропагандѣ „освободителей“ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ и селахъ, представляла собою одинъ изъ наиболѣе опасныхъ очаговъ революціоннаго движенія. Гнусная крамола здѣсь распустилась махровымъ цвѣтомъ къ великой радости, конечно, тѣхъ негодяевъ, которые давно положили въ сердца своемъ погубить Россію, постепенно развращая анархическою проповѣдью и учащуюся молодежь, и наше крестьянство, и рабочее сословіе, и доблестную армію.

Въ Тамбовской губерніи этимъ подлымъ выходцамъ революціоннаго подполья посчастливилось настолько сбить

съ толку крестьянскую массу, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ началось бунтовщическое движеніе, напоминавшее смутныя времена извѣстнаго разбойника и душегуба, Емельки Пугачева, казненнаго въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой. Уже объявился какой-то самозванецъ, титуловавшій себя „генераломъ“ и разъѣзжавшій по селамъ и деревнямъ Тамбовской губ. съ требованіемъ „присоединяться къ нему всѣмъ, кто хочетъ вольности“.

Къ счастью о подвигахъ этого самозванца (оказавшагося впоследствии бѣглымъ каторжникомъ) своевременно дано было знать губернскимъ властямъ и среди нихъ нашелся твердый, мужественный человекъ, Луженовскій (совѣтникъ тамбовскаго губернскаго правленія), который при содѣйствіи небольшого отряда стражниковъ и казаковъ захватилъ „генерала“ на границѣ Тамбовской и Саратовской губ. и передалъ его въ распоряженіе судебныхъ властей. Впоследствии, какъ извѣстно, несчастный Луженовскій заплатилъ за свою самоотверженную борьбу съ крамольниками жизнью. Нашлась истеричная и развращенная дѣвченка, нѣкая Спиридонова, которая, по приговору мѣстнаго революціоннаго отряда, нанесла нѣсколько огнестрѣльныхъ ранъ Луженовскому, когда тотъ ѣздилъ для окончательной ликвидаціи революціоннаго движенія въ Романово-Борисоглѣбскъ. Отъ полученныхъ ранъ Луженовскій въ страшныхъ мученіяхъ скончался, а подлая жидовско-революціонная печать еще долгое время измышляла всякую чушь, лишь бы выставить „Марусю Спиридонову“ въ качествѣ „невинной жертвы, пострадавшей за великое дѣло народной свободы“.

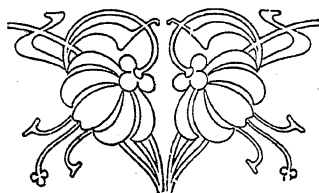
Уже изъ этихъ отрывочныхъ воспоминаній читатель составитъ себѣ представленіе, въ какихъ невыразимо-тяжелыхъ условіяхъ протекала въ то время въ Тамбовской губ. служебная дѣятельность всѣхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя, памятуя о присягѣ и благоденствіи родины, выступили на борьбу съ крамолой. Покойный В. П. Томусякъ былъ однимъ изъ такихъ героевъ долга. Отличаясь вообще усердіемъ, примѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и яснымъ сознаніемъ служебнаго долга, покой-

ный эти же качества проявилъ и въ борьбѣ съ темными силами революціоннаго подполья гор. Борисоглѣбска, куда назначенъ былъ приставомъ. Онъ зналъ о грозящей ему участи, по примѣру многихъ-многихъ честныхъ сыновъ Россіи, которые кровью своею отстояли ее отъ нашествія темныхъ силъ, а также и по неоднократнымъ анонимнымъ угрозамъ, которыя посылались ему мѣстнымъ революціоннымъ подпольемъ. Но на всѣ эти угрозы покойный отвѣчалъ лишь удвоеннымъ рвеніемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. И вотъ 2 сентября 1906 года, темною ночью, когда П. В. Томусякъ, въ сопровожденіи одного городского, возвращался съ дежурства, трое неизвѣстныхъ съ обычною подлою и предательскою „тактикою“, напали на него сзади. Раздался цѣлый залпъ револьверныхъ выстрѣловъ и П. В. Томусякъ, обливаясь кровью, упалъ. Преступники, воспользовавшись темнотою и суматохою, скрылись. Раненаго перенесли въ ближайшій домъ. По началу рана, полученная имъ, признана была неопасной и послѣ двухнедѣльнаго лѣченія больной, какъ будто, поправился. Но вскорѣ послѣ перевода его на должность пристава г. Моршанска рана снова открылась и здоровье оказалось настолько подорваннымъ, что явилась необходимость выйти въ отставку. Начальство, снисходя къ его необезпеченному матеріальному положенію и цѣня служебныя заслуги, дало ему отпускъ. П. В. Томусякъ отправился въ Харьковъ и слегъ здѣсь въ больницу, гдѣ вскорѣ умеръ.

Печальная, но, увы, обычная для того проклятаго времени повѣсть, воскрешающая въ памяти сотни и тысячи погубленныхъ жизней лучшихъ слугъ Царевыхъ и море пролитыхъ слезъ ихъ осиротѣвшихъ семей.

Біографическія данныя о покойномъ могутъ быть сказаны въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ родился 15 іюля 1874 года въ гор. Проскуровѣ, Каменецъ-Подольской губ. По окончаніи курса въ городскомъ училищѣ, поступилъ сперва на желѣзнодорожную службу, а затѣмъ перешелъ въ полицію. Былъ кандидатомъ на полицейскія должности въ Харьковѣ и здѣсь за энергичную и умѣлую дѣятельность получилъ особую благодарность отъ мѣстнаго губер-

натора, а при покойномъ Тамбовскомъ губернаторѣ, фонъ-деръ-Лауницѣ, который тоже погибъ отъ пули жида-революціонера, перевелся въ Тамбовскую губернію, гдѣ послѣдовательно занималъ должности: полицейскаго надзирателя въ пос. Грязи, пристава 5-го ст. Козловскаго уѣзда и, наконецъ, пристава гор. Борисоглѣбска, гдѣ и былъ сраженъ предательскимъ ударомъ.

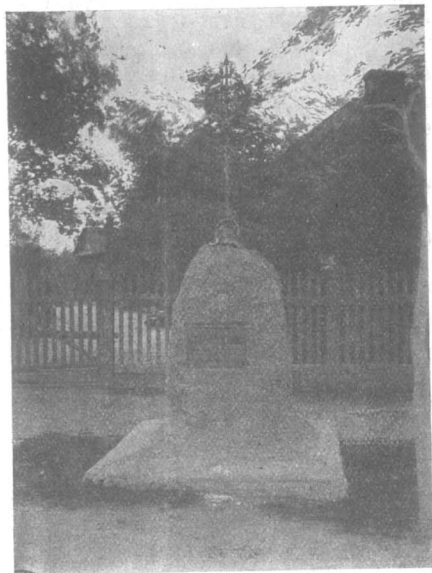

Игнатій Алексѣевичъ Троценко.

Стражникъ города Вѣлы. Скончался отъ ранъ, полученныхъ 3-го сентября 1907 г.

Въ ночь на первое сентября 1907-го года Игнатій Алексѣевичъ Троценко, старшій стражникъ г. Вѣлы, Сѣдлецкой губ., шелъ на желѣзнодорожную станцію. Поровнявшись съ домомъ Виховича, расположеннымъ на шоссеиной дорогѣ, Троценко услыхалъ за собою шумъ шаговъ и, повернувшись, увидѣлъ, что за нимъ шли двое неизвѣстныхъ. Были сумерки и узнать ихъ сразу было трудно, но когда они поровнялись съ Игнатіемъ Алексѣевичемъ, то онъ узналъ двухъ вѣльскихъ мѣщанъ-жидоевъ, находившихся у него подъ подозрѣніемъ. Они неоднократно сидѣли въ тюрьмѣ

за разныя злоумышленія, изъ которыхъ многія имъ удалось осуществить и за грабежи. Последнее ихъ пребываніе въ тюрьмѣ было связано съ поимкой ихъ на мѣстѣ преступленія благодаря И. А. Троценко. Они давно грозились убить его, такъ-какъ онъ, по ихъ словамъ, не давалъ имъ дышать.

Вообще дѣятельность И. А. Троценко, его неусыпная бдительность создали ему славное имя среди начальства и товарищей, а его доброе сердце и нѣжная забота о семьѣ, кстати сказать, очень многочисленной, дѣлали его образцовымъ работникомъ.

Когда злоумышленники поровнялись съ нимъ, честный служака остановился и спокойно спросилъ:

— Чего вамъ надо?

Вмѣсто отвѣта раздался выстрѣлъ, потомъ другой и преступники бросились бѣжать. Скоро они скрылись въ наступившей темнотѣ, а несчастный стражникъ, сраженный пулями, остался лежать, какъ упалъ и только громко стоналъ.

Прибѣжали люди. Смертельно раненаго подняли и бережно перенесли въ домъ, гдѣ жена и дѣти, перепуганные на смерть, окружили его, стараясь облегчить муки страдальца. Отъ боли онъ по временамъ терялъ сознание.

Прибывшій немедленно врачъ констатировалъ тяжелое положеніе праваго легкаго, черезъ которое пуля, пущенная въ плечо, прошла навывлетъ; вторая ранила правую щеку, гдѣ и засѣла и извлечь ее было невозможно, не причиня лишнихъ мукъ страдальцу. Муки его были почти непереносимы, а 3-го сентября его перевезли въ Варшавскій Уяздовскій военный госпиталь, но дорога вызвала новыя страданія и того же 3-го числа, около 12 часовъ ночи, И. А. скончался.

Послѣ покойнаго осталась огромная семья: жена и девять душъ дѣтей, непристроенныхъ еще ни къ какому дѣлу.

Имъ выдано было единовременное пособіе въ суммѣ пятидесяти рублей и назначена пенсія въ размѣрѣ 240 руб. въ годъ.

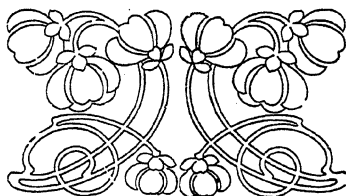
Родился И. А. Троценко 9-го декабря 1859 года. Происходилъ онъ изъ крестьянъ деревни Комперовки, Таращанскаго уѣзда Кіевской губерніи. На военную службу принятъ въ 1880-мъ году. По окончаніи срока службы, въ 1887-мъ году зачисленъ въ земскую стражу по Гарволинскому уѣзду, откуда въ 1907 году переведенъ старшимъ участковымъ стражникомъ въ Бѣльскую уѣздную команду, служа въ которой и получилъ мученическую смерть.

На мѣстѣ убійства И. А. воздвигнуть памятникъ, на которомъ начертана слѣдующая надпись:

„Вѣрному слугѣ Царя и Отечества, старшему стражнику Игнатію Троценко—жена, начальствующіе, сослуживцы и русское общество.

Въ судьбѣ семьи покойнаго обществомъ принято боль-

шое участіе, но трагическая смерть кормильца семьи тяжело отразилась какъ на женѣ, такъ и на дѣтяхъ. И никогда не забудутъ они ужаснаго дня, когда принесли его, умирающаго, домой и надолго въ душѣ ихъ будутъ звучать его предсмертные стоны, полные жалобы и упрека судьбѣ, сразившей его за честность и вѣрность долгу Царской присяги. Но сознание, что ихъ дорогой мученикъ погибъ доблестно, какъ подобаетъ герою, утѣшитъ ихъ и смягчитъ боль невознаградимой потери.

Александръ Николаевичъ Лупаковъ.

Жандармскій подполковникъ. Убитъ въ Пятигорскѣ 21 Августа 1912 г

Жандармскій подполковникъ Александръ Николаевичъ Лупаковъ въ 8^{1/2} часовъ вечера, 21-го Августа 1912 года, въ городъ Пятигорскѣ выстрѣломъ изъ револьвера былъ раненъ въ полость живота на глазахъ своей семьи.

Пораненіе оказалось очень тяжелымъ: пробита печень, повреждена брюшина и пуля застряла въ сальникѣ, откуда хотя немедленно извлечена, но появились сильныя боли, которыя продолжались 1^{1/2} сутокъ, причиняя страшныя мученія А. Н. Лупакову.

Сильный и здоровый организмъ А. Н. Лупакова велъ упорную борьбу со смертью, а самъ А. Н. стойко и безъ ропота переносилъ ужасныя страданія, но рана оказалась настолько серьезной, что даже его сильный и здоровый организмъ не могъ спасти его отъ смерти. 23-го Августа 1912 года, въ 12^{1/2} часовъ дня, въ полномъ сознаніи, въ страшныхъ мученіяхъ, на 53 году, скончался еще одинъ изъ многихъ—вѣрный слуга нашего самодержавнаго Царя и родины Александръ Николаевичъ Лупаковъ.

Александръ Николаевичъ Лупаковъ, дворянинъ Терской области, родился 24-го октября 1859 года.

По окончаніи курса наукъ въ Межевомъ училищѣ при Владикавказской военной прогимназіи, 1-го Сентября 1878 года вступилъ въ службу во 2-ое военное Константиновское училище, гдѣ за хорошіе успѣхи по наукѣ былъ произведенъ въ старшіе портупей—юнкера.

8-го Августа 1880 г., по окончаніи полного курса наукъ Константиновскаго училища, А. Н. Лупаковъ былъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи и назначенъ былъ въ 5 резервную артиллерійскую бригаду, расположенную въ г. Таганрогѣ, гдѣ прослужилъ 24 года до 4 го Іюля 1904 г.

А. Н. Лупаковъ снискалъ въ бригадѣ любовь и уваженіе товарищей и начальства. Кто не зналъ въ бригадѣ „дядюшку Лупакова?“

Почти наканунѣ полученія батареи, 45 лѣтъ, А. Н. Лупаковъ, будучи старымъ капитаномъ, движимый патриотическимъ чувствомъ, пожелалъ вступить въ борьбу съ обнаглѣвшимъ внутреннимъ врагомъ, для чего 4-го Іюля 1904 года перешелъ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ съ аттестаціей выдающагося офицера, съ назначеніемъ адъютантомъ Нижегородскаго губерн. жандармскаго управленія, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своего начальника, отъ котораго заслуженно получилъ блестящую аттестацію.

Но не долго А. Н. Лупаковъ служилъ въ Нижнемъ Новгородѣ, его тянуло на Кавказъ—центръ революціи и согласно выраженнаго имъ желанія, онъ въ концѣ января 1905 года былъ переведенъ на такую же должность въ Терское областное жандармское управленіе, гдѣ тоже снискалъ довѣріе и расположеніе своего начальника, опѣнившего въ немъ неустаннаго и добросовѣстнаго труженика.

Во время разразившейся революціи начальникъ А. Н. Лупакова былъ боленъ, поэтому фактическимъ начальникомъ Терскаго областного жандармскаго управленія былъ А. Н. Лупаковъ, который повелъ ожесточенную, энергичную борьбу съ революціонной бандой за свой рискъ и страхъ. Такимъ образомъ А. Н. Лупакову въ самое горячее

время ликвидации революціоннаго движенія пришлось совмѣщать въ своемъ лицѣ и начальника управленія и адъютанта, за что онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 2 степени, а 26 февраля 1906 года былъ произведенъ въ подполковники.

Въ силу сложившихся обстоятельствъ А. Н. Лупаковъ почти весь 1906 годъ, бурно протекшій во Владикавказѣ, былъ фактическимъ начальникомъ управленія.

За означенный годъ, годъ смуть и безпорядковъ, А. Н. Лупаковъ взялъ съ виновными лицами въ ходу 2 подпольныя типографіи и двѣ готовыя къ дѣйствию бомбы, предназначенныя къ предварительно подготовленному покушенію на жизнь временнаго генераль губернатора генераль-лейтенанта Колюбакина.

13-го Іюня 1908 г., ночью, когда разразился бунтъ въ артиллерійскомъ лагерѣ подъ городомъ Владикавказомъ (27 артилл. батарей), А. Н. Лупаковъ проникъ въ лагерь. Быстро оцѣнивъ положеніе дѣла, онъ послѣшилъ обо всемъ доложить вр. генераль-губернатору генераль лейтенанту Колюбакину и настоялъ на немедленномъ движеніи пѣхоты на соединеніе съ оставшимися вѣрными долгу присяги батареями, вслѣдствіе чего бунтъ былъ въ ту-же ночь подавленъ и, такимъ образомъ, были предотвращены неизгладимыя послѣдствія бунта. За это А. Н. Лупаковъ въ 1907 году былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-ой степени.

Въ 1907 году закончилась дѣятельность А. Н. Лупакова въ г. Владикавказѣ личною благодарностью г. намѣстника Кавказа графа Воронцова-Дашкова и благодарностью въ приказѣ по Терской области, а высшее жандармское начальство избрало А. Н. Лупакова, какъ выдающагося офицера, на очень серьезный и отвѣтственный постъ въ Пятигорскѣ, назначивъ его помощникомъ начальника Терскаго областного жандармскаго управленія въ г. Пятигорскѣ, куда онъ прибылъ только въ началѣ сентября 1907 года.

До прибытія въ Пятигорскъ А. Н. Лупакова въ первой половинѣ 1907 года жизнь на минеральныхъ кавказскихъ водахъ омрачилась рядомъ террористическихъ ак-

товъ: убійство въ Пятигорскѣ генерала Карангозова, убійство пристава гор. Кисловодска капитана Высоцкаго и т. д.

А. Н. Лупаковъ со свойственной ему энергіей принялся громить засѣвшихъ здѣсь террористовъ, революціонеровъ, анархистовъ путемъ ликвидаций, ихъ кружковъ привлеченіемъ къ законной отвѣтственности въ судебномъ и административномъ порядкѣ, направивъ такимъ образомъ въ 1908 г. жизнь района его наблюденія въ спокойное русло, ненарушаемое въ политическомъ отношеніи до послѣднихъ дней пребыванія А. Н. Лупакова въ г. Пятигорскѣ.

Надо принять во вниманіе, что въ районъ вѣдѣнія А. Н. Лупакова входила вся группа кавказскихъ курортовъ — Пятигорскъ, Эссентуки, Кисловодскъ и Желѣзноводскъ. Группу посѣщало ежегодно значительное число сановниковъ и общественныхъ дѣятелей, требовавшихъ установленія самой тщательной охраны въ предупрежденіе террористическихъ актовъ. О нѣкоторыхъ готовящихся террористическихъ покушеніяхъ имѣлись опредѣленныя свѣдѣнія. И вотъ, благодаря удивительно тщательно разработаннымъ А. Н. Лупаковымъ мѣрамъ охраны и мѣрамъ его наблюденія, ни на кого изъ такихъ лицъ не было произведено никакого посягательства. И мѣры охраны были настолько продуманы, что, являясь дѣйствительными, они въ тоже время не бросались въ глаза и не служили бременемъ для охраняемаго лица.

Вообще А. Н. былъ врагъ всякой рекламы и рисовки. Его скромность, простота обращенія и доступность привлекали сердца всѣхъ, кто съ нимъ хотя бы разъ-два имѣлъ соприкосновеніе.

Подчиненные ему жандармскіе унтеръ офицеры, которымъ очень много приходилось въ разгаръ революціи работать съ своимъ любимымъ начальникомъ, зная хорошо, что А. Н. Лупаковъ назначается на очень серьезный и отвѣтственный постъ въ г. Пятигорскѣ, гдѣ жизнь его постоянно будетъ подвергаться опасности, и зная хорошо, что А. Н. при обыскахъ и арестахъ всегда шелъ впереди, (даже однажды самолично задержалъ въ притонѣ вооруженнаго грузина-рецидивиста экспроприатора), при проща-

ніи съ А. Н. Лупаковымъ, благословили его образомъ Спасителя.

Полезная дѣятельность А. Н. Лупакова была вполне оцѣнена его ближайшимъ начальствомъ, о чемъ можно судить по періодически поступавшимъ о немъ аттестаціямъ его ближайшаго начальника и онъ былъ наканунѣ предназначеннаго ему высшимъ его начальствомъ повышенія по службѣ съ назначеніемъ на болѣе отвѣтственную должность, но судьба сулила иное.

Такая энергичная и полезная дѣятельность жандармскаго офицера не могла быть незамѣченной врагами государства, которыя противъ такихъ офицеровъ, какъ покойный А. Н. Лупаковъ, принимаютъ разныя мѣры для того чтобы избавиться отъ такого вѣрнаго слуги Царя и родины, а именно подбрасываютъ угрожающія письма, приговариваютъ къ смерти, или избираютъ вѣрное средство—клевету, но если окажется, что эти средства не воздѣйствовали, то приводятъ приговоръ къ смерти въ исполненіе. Однажды въ октябрѣ мѣсяцѣ 1907 года уже готовилось покушеніе на жизнь А. Н. Лупакова, но оно было предотвращено, благодаря своевременному аресту нѣкоторыхъ заподозрѣнныхъ политически неблагонадежныхъ лицъ.

Жена А. Н. Лупакова неоднократно уговаривала его уѣхать изъ Пятигорска, но А. Н. считалъ для себя 'позоромъ бѣжать отъ врага въ то время, когда получилъ уже угрозу и узналъ о приговорѣ къ смерти, а потому остался служить тамъ, куда назначило его начальство.

Какъ бы предчувствуя близость того момента, когда враги государства исполнятъ свой приговоръ, А. Н. Лупаковъ 13 Августа 1912 года пожелалъ сняться вмѣстѣ со всей своей семьей, а 21 августа въ 8^{1/2} ч. вечера на глазахъ своего семейства—жены, дочери, сына—артиллерійскаго офицера, кончившаго курсъ академіи генеральнаго штаба и жены послѣдняго, въ ожиданіи прибытія трамвая на Царской улицѣ г. Пятигорска былъ раненъ выстрѣломъ изъ револьвера.

Поджидая прибытіе трамвая А. Н. Лупаковъ сѣлъ на скамью, а его семья стояла около него. Злоумышленникъ, под-

кравшись со стороны бульвара, почти въ упоръ сзади сидящаго Лупакова произвелъ выстрѣль.

А. Н. Лупаковъ, не предполагая, что выстрѣль былъ произведенъ въ него, желая броситься на помощь, быстро вскочилъ, повернулся лицомъ въ сторону бульвара и успѣвъ только произнести: „Что тамъ?“—былъ вторымъ выстрѣломъ раненъ въ животъ. А. Н. Лупаковъ, не обращая вниманіе на полученную рану, вынулъ изъ кармана револьверъ и произвелъ въ убѣгавшаго злодѣя одинъ выстрѣль, а его сынъ офицеръ произвелъ три выстрѣла, но, повидимому, своими выстрѣлами они не причинили вреда злодѣю.

Послѣ этого А. Н. Лупаковъ самъ позвалъ извозчика, сѣлъ на пролетку и приказалъ везти себя въ хирургическую лечебницу доктора Ржаксинскаго. Дорогой, разговаривая съ оставшейся съ нимъ женой и какъ бы предчувствуя близкій конецъ, онъ сказалъ: „вотъ это настоящее горе“.

Въ лечебницѣ профессоръ Разумовскій и докторъ Ржаксинскій сдѣлали операцію, извлекли пулю изъ сальника. Пораненіе оказалось очень серьезнымъ, а потому нельзя было ожидать благополучнаго исхода. 23 августа въ 12^{1/2} ч. дня А. Н. Лупаковъ въ мученіяхъ, въ полномъ сознаніи, скончался.

Какъ только получились свѣдѣнія о совершившемся злодѣянніи, со всѣхъ сторонъ стали получаться сочувственныя телеграммы отъ высокопоставленныхъ лицъ, родственниковъ, знакомыхъ, сослуживцевъ.

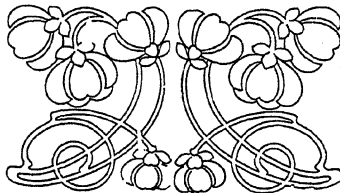
Вдова покойнаго А. Н. Лупакова буквально была засыпана телеграммами. Въ числѣ этого множества соболѣзнованій были телеграммы отъ министра внутреннихъ дѣлъ Макарова, его товарища Золотарева, командира корпуса жандармовъ Толмачева, намѣстника Кавказа гр. Воронцова-Дашкова, губернатора Михѣева, директора департамента полиціи Бѣлецкаго, вице-директора Виссаріонова, Ширванскаго Его Величества полка, Кисловодскаго городского управления и мн. др. Во всѣхъ телеграммахъ выражалась скорбь о „доблестномъ исполнителѣ долга“ и „выдающимся

труженикъ“ и обѣщанія осиротѣвшей семьѣ облегчить ея положеніе. Отъ департамента полиціи и намѣстника Кавказа вдовѣ покойнаго переведены денежныя пособія.

Похороны А. Н. Лупакова обставлены были торжественно: всѣ улицы, по которымъ шла погребальная процессія, были запружены народомъ; все духовенство приняло участіе въ похоронахъ, а викарный епископъ Пятигорскій Давидъ, встрѣтивъ тѣло покойнаго въ соборѣ, сказалъ прочувствованное слово по поводу безвременной кончины вѣрнаго слуги Царя и родины. Отозвался о немъ, какъ о достойномъ чловѣкѣ во всѣхъ отношеніяхъ, пользовавшемся всеобщимъ уваженіемъ и любовью; чловѣкѣ отзывчивомъ на всякое горе, готовомъ прійти на помощь всѣмъ словами и дѣломъ. Среди возложенныхъ на гробъ покойнаго А. Н. Лупакова вѣнковъ выдѣлялся роскошный вѣнокъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ и департамента полиціи.

Заботами высокопоставленныхъ лицъ и высшаго начальства младшій сынъ покойнаго переведенъ изъ Сумскаго кадетскаго корпуса на стипендію графа Шувалова во 2 С.-Петербургскій кадетскій корпусъ; дочь опредѣлена за счетъ Алексѣевскаго главнаго Комитета въ Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный Институтъ), а женѣ—вдовѣ дана хорошая пенсія.

И вотъ оправдались слова: „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадетъ.“

Егоръ Михайловичъ Рѣдинъ,
Филиппъ Петровичъ Рунаковъ,
Артемъ Алексѣевичъ Волковъ,
Иванъ Александровичъ Бирюковъ,
Степанъ Викторовичъ Григорьевъ и
Алексѣй Леонтьевичъ Павловъ.

Чины полиціи, убитые въ Тамбовской губерніи.

Вотъ предънами внушительная группа террористическихъ жертвъ въ одной лишь Тамбовской губерніи— группа изъ шести челоѣкъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, жизнь свою положившихъ за святую родину свою. И это еще только самая незначительная часть изъ павшихъ по Тамбовской губерніи за благо отчизны, на вѣрной службѣ за Царя и народъ.

Въ 1905—7 г.г. Тамбовская губернія была одною изъ самыхъ неспокойныхъ распропагандированныхъ. Крестьяне въ это время особенно волновались, всюду чувствовалась внутренняя смута, какой то общій хаосъ

и враждебная настроенность. Въ этой губерніи были особенно часты убійства, грабежи и „герценштейновскія иллюминаціи“ въ видѣ зарева пылающихъ усадебъ, деревень, скирдъ хлѣба и крестьянскаго добра.

Нехорошее было время и нехорошіе плоды его и отголоски растянулись на нѣсколько лѣтъ впередъ.

Обозленные душою нѣкоторые тамбовскіе мужички пахари и мастеровые (особенно изъ молодыхъ), распропагандированные наѣзжими революціонерами, надолго сохранили въ себѣ внушенную имъ пейсатыми агентами революціи месть къ своему же русскому брату—и время отъ времени, подъ влияніемъ этого гипноза, истребляли другъ друга, разрушали и уничтожали взаимно свое добро. А главари инородческо—жидовской революціи только радовались этому, улыбаясь себѣ подъ носъ той легкости, съ которой имъ удалось возбудить смуту въ неопытномъ русскомъ народѣ.

Защитники порядка, русской чести, русскаго добра, подъ напоромъ темныхъ силъ тутъ и тамъ валились сотнями. Вотъ эта маленькая горсть изъ нихъ предъ нами. Разсмотримъ хотя кратко, въ какихъ страданіяхъ достался имъ мученической вѣнецъ „за други и за близкія своя“.

Въ селѣ Хорашавкѣ Кирсановскаго уѣзда, Тамб. г. мѣстный урядникъ 20 Іюня 1906 г. получилъ свѣдѣнія о томъ, что въ избѣ одного изъ крестьянъ деревни скрываются революціонеры—„интеллегенты“, „взять съ собою трехъ стражниковъ и, въ сопровожденіи старшины, къ ночи прибыть къ этой избѣ для производства обыска.

На время производства обыска въ домѣ двое изъ стражниковъ, Кунаковъ и Рѣдинъ, были поставлены урядникомъ караулить въ сѣняхъ дома. Прятавшіеся въ избѣ революціонеры вдругъ выскочили, распахнули внезапно дверь въ сѣни—и посыпались градомъ револьверные выстрѣлы на бывшихъ въ сѣняхъ.

Стражники Рѣдинъ и Кунаковъ были убиты наповаль. Остальные трое участниковъ обыска отъ неожиданности растерялись и убѣжали созывать народъ. Этимъ моментомъ воспользовались убійцы и скрылись.

Слѣдь ихъ былъ утерянъ и они остались нерозысканными. Конечно, трудно найти пріѣзжихъ никому неизвѣстныхъ лицъ, которыя, по совершеніи своего преступнаго дѣла въ одномъ мѣстѣ, мчатся повѣздомъ жел. дороги въ инья мѣста.

Оба сраженныхъ пулями злодѣевъ стражника, павшихъ жертвою долга, были въ цвѣтущемъ возрастѣ, оба родились въ 1875 году и были земляки между собою, какъ уроженцы Кирсановскаго уѣзда. Полученныя о нихъ біографическія свѣдѣнія очень скудны. Егоръ Михайловичъ Рѣдинъ служилъ въ Варшавской крѣпостной артиллеріи, а съ 1903 года поступилъ на службу въ полицію.

О Филиппѣ Петровичѣ Кунаковѣ извѣстно только, что онъ отбывалъ воинскую повинность въ 66 пѣхотномъ Бутырскомъ полку и въ стражники поступилъ въ 1904 году. Послѣ смерти перваго остались жена и двое дѣтей, послѣ втораго—жена и сынъ. Отъ обоихъ же ихъ вмѣстѣ осталось въ русской народной памяти ихъ безстрашное служеніе долгу.

Краткія столь же свѣдѣнія имѣются о другой жертвѣ злополучнаго 1906 года, (когда выборгское воззваніе 142-хъ народныхъ измѣнниковъ, а не дѣйствительныхъ избранниковъ I-ой Думы, съ 13-ю евреями во главѣ, приглашало народъ къ открытому бунту)—стражникъ Кирсановской полиціи, Тамб. г., Артемъ Алексѣевичъ Кобловъ, который погибъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Утромъ 16 декабря 1906 года въ селѣ Ремзѣ, Вяжлинской волости, въ казенную винную лавку ворвались двое грабителей и потребовали отъ продавщицы, угрожая револьверами, кассовую выручку, которую она и принуждена была выдать. Въ это время третій негодяй, бывший на стражѣ, прошелъ съ задняго крыльца въ кухню, гдѣ сидѣлъ приставленный для охраны винной лавки стражникъ Кобловъ и неожиданно направивъ револьверъ приказалъ ему: „руки вверхъ!“ Стражникъ не растерялся и бросился къ винтовкѣ, стоявшей неподалеку. Злодѣй тотчасъ же въ упоръ произвелъ въ него шесть выстрѣловъ изъ револьвера—и сраженный пулями Кобловъ чрезъ нѣсколько минутъ скончался. Пре-

ступники, по совершении злодѣянія, выбѣжали изъ лавки, но скрыться имъ не удалось: за ними началась погоня и вскорѣ они были схвачены.

Погибшему слугѣ Цареву было только 36 лѣтъ отъ роду; онъ происходилъ изъ крестьянъ села Козьмодемьянскаго, Софѣинской волости; на военной службѣ былъ въ 66 пѣхотномъ Бутырскомъ полку; съ 1903 года поступилъ въ полицію. Послѣ покойнаго остались жена и трое малолѣтнихъ дѣтей.

Озлобленность и месть революціонеровъ противъ защитниковъ порядка, Царя и родины не утихала съ годами. Объ этомъ свидѣлствуютъ массы жертвъ террора, павшихъ отъ руки подлыхъ убійцъ изъ-за угла далеко позднѣе, чѣмъ производилась ихъ патріотическая и благотворная дѣятельность. Изъ цѣлой плеяды такихъ жертвъ вотъ три живыхъ примѣра по Тамбовской губерніи, попавшихъ случайно въ печальную хронику некрологовъ „Книги Скорби“.

Иванъ Александровичъ *Бирюковъ* весьма почтеннаго возраста, участникъ еще турецкой войны 77 г., староста села Лукина, Кирсановскаго уѣзда, скончавшійся 13 Ноября 1907 года отъ ранъ, нанесенныхъ выстрѣлами чрезъ окно, въ разгарѣ смуты 1905—1906 г.г., былъ однимъ изъ многихъ смѣлыхъ людей, стоявшихъ на сторонѣ закона и порядка. За его открытое и мужественное осужденіе погромщиковъ и забастовщиковъ, а также за услуги, оказанныя имъ полиціи во время безпорядковъ, его ненавидѣла „сознательная“ молодежь села Лукина. Это село было въ то время однимъ изъ наиболѣе распущенныхъ селъ Кирсановскаго уѣзда, въ которомъ хулиганствующая молодежь, напшигованная всякой революціонной чепухой, устраивала частые дебоши, озорничала и вела себя крайне дерзко. Старикъ Бирюкову, за его отеческія наставленія, нѣкоторые изъ числа этой „сознательной“ (читай-ошалѣлой) молодежи неоднократно угрожали убійствомъ, а мѣсяца за два до убійства эта угроза чуть не перешла было въ дѣйствительность, когда въ Бирюкова, шедшаго ночью по селу, изъ засады было произведено четыре выстрѣла, къ счастью,

неудачныхъ: Бирюковъ остался живъ, и невредимъ но не надолго. Несмотря на предосторожности, принятыя родными старика и мѣстной полиціей, злодѣи продолжали неусыпно подкарауливать намѣченную жертву, ища удобнаго момента. Вечеромъ 11 ноября, при незакрытыхъ ставняхъ въ окнахъ, Бирюковъ сѣлъ за столъ ужинать. Злодѣи воспользовались этой оплошностью. За окномъ изъ темноты раздался выстрѣлъ—и пронзенный въ спину пулею черезъ окно старикъ, смертельно раненый, свалился, а черезъ два дня, этотъ честный человекъ, желавшій только добра своимъ односельчанамъ, отдалъ Богу душу.. На этотъ разъ какъ будто добро было побѣждено зломъ, но торжество зла никогда не можетъ быть продолжительнымъ. Если не люди покараютъ появившихся среди нихъ злодѣйствующихъ лицъ, то Самъ Богъ рано или поздно воздастъ должное возмездіе убійцѣ правдиваго брата своего.

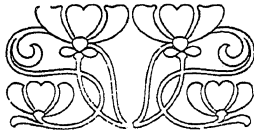
Вторая жертва мести тамбовскихъ революціонеровъ— Степанъ Викторовичъ *Григорьевъ* былъ старостою села Новоникольскаго, Козловскаго уѣзда. Родился онъ въ 1859 году, въ военной службѣ быть ему не пришлось и, какъ истовый крестьянинъ и сельскій хозяинъ, онъ занимался и существовалъ хлѣбопашествомъ, твердо помня завѣты отцовъ жить въ мирѣ со всѣми, довольствуясь добытымъ честнымъ трудомъ кускомъ хлѣба. Поэтому онъ не примыкалъ и не могъ, по своимъ честнымъ убѣжденіямъ, примкнуть во время беспорядковъ въ 1906 году въ ихъ селѣ и окрестностяхъ къ оголтѣлой шайкѣ распропагандированныхъ громилъ и раззорителей. Даже старался сдерживать ихъ своими увѣщаніями и, видя безуспѣшность таковыхъ, помогалъ полиціи своими указаніями находить главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ шайки громилъ. Этому они не могли простить ему не разъ угрожали убить его и вотъ почти чрезъ два года привели свою угрозу въ исполненіе. 16 февраля 1908 г., отряженный шайкою слѣдить за нимъ, одинъ изъ сельчанъ подкараулилъ его въ полѣ и четырьмя револьверными выстрѣлами уложилъ на мѣстѣ этого поборника правды и порядка. Послѣ покойнаго остались жена и двое сыновей.

Дерзкіе революціонеры не только постарались разлить всюду смуту въ народѣ, сбить его съ праваго пути и обратить мирныхъ и добрыхъ труженниковъ въ разбойниковъ и грабителей, но присвоили даже себѣ власть судить и рѣшать вопросы о людской жизни или смерти. Ихъ тайные „комитеты“, состоящіе въ большинствѣ изъ жидовъ и ихъ раболѣпныхъ прихвостней, выносятъ смертные приговоры вѣрнымъ сынамъ русскаго народа.

Алексѣй Леонтьевичъ *Павловъ*, крестьянинъ села Павловки, Кирсановскаго уѣзда, былъ убитъ 19 мая 1908 года и за бортомъ платья убитаго была найдена записка, гласившая: „убить за шпіонство по приговору Тамбовскаго комитета независимыхъ революціонеровъ“. Изъ краткой біографіи этой жертвы мстительнаго революціоннаго отребья извѣстно лишь, что послѣ окончанія военной службы въ Преображенскомъ полку Павловъ жилъ дома и занимался торговлей. Будучи прекраснымъ семьяниномъ и твердымъ монархистомъ по убѣжденіямъ, онъ, кромѣ того, какъ бывшій доблестный военный служака, отличался рѣдкой смѣлостью и настойчивостью. Во время бывшихъ у нихъ въ селѣ беспорядковъ онъ открыто держался въ сторонѣ отъ бунтовщиковъ и зная, какъ очевидецъ, ихъ главныхъ заправиль, онъ дѣйствительно считалъ своимъ долгомъ давать о нихъ свѣдѣнія полиціи, за что и заплатилъ своей жизнью.

Вечеромъ 19 мая 1908 года пятеро неизвѣстныхъ грабителей ворвались въ мѣстную винную лавку, которая помѣщалась какъ разъ въ домѣ Павлова, и принялись грабить ея кассу. На поднятую въ лавкѣ тревогу Павловъ вышелъ изъ своего дома на улицу узнать въ чемъ дѣло. Тутъ одинъ изъ сторожившихъ грабителей быстро подошелъ къ нему и пятью выстрѣлами изъ браунинга убилъ его наповаль. Оставивъ на убитомъ записку о приговорѣ Павлова къ смерти „революціоннымъ комитетомъ“, убійцы почти сейчасъ же скрылись и, какъ было обычно въ то время по глухимъ селамъ и деревнямъ, навсегда безслѣдно. Имена и лица злодѣевъ, а равно и распоряжающагося ими „комитета“, остались неизвѣстными, но имя Алексѣя Леонтьевича

веча Павлова, ставшаго жертвой ихъ злобы только за то, что онъ былъ со смѣлой и открытой русской душой, запишется на исторической страницѣ нашего смутнаго времени въ рядахъ борцовъ за правое русское дѣло. Послѣ погибшаго на 36-мъ году своей жизни Павлова остались жена и пятеро дѣтей. Многочленная семья лишилась своего кормильца. И сколько на св. Руси такихъ обездоленныхъ разбитыхъ семействъ осталось, благодаря злодѣйствамъ революціонеровъ, безъ отца, безъ кормильца, безъ главы, на полуголодное существованіе!

Иванъ Николаевичъ Ерошенко.

Старшій стражникъ 4 го Бѣлостокскаго коннаго отряда, Гродненской губ.
Убитъ 7 апрѣля 1909 г.

Бѣлостокъ—небольшой уѣздный городъ Гродненской губ., но довольно оживленный, благодаря развитію фабрично-заводской промышленности, а, главное, благодаря еврейской массѣ населенія, которая является здѣсь преобладающею. Извѣстно, какую дѣятельную роль въ кровавой смутѣ 1905—6 гг. принимало еврейство вообще,—а особенно тамъ,

гдѣ оно численно преобладало и потому чувствовало свою силу (какъ, на примѣръ, въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ). Обычная іудейская наглость здѣсь положительно не знала границъ, царила дикая вакханалія издѣвательства надъ вѣрою православною, надъ нашими церковными обрядами, надъ всѣмъ, что дорого и свято сердцу русскаго чело-вѣка. И на ряду съ этимъ шла самая гнусная, подлая про-паганда среди рабочей массы. Въ конецъ обнаглѣвшіе жидаы либо натравливали распропагандированныхъ ими смутьяновъ на представителей государственной власти, либо сами—конечно изъ-за угла и скопомъ—производили нападенія на чиновниковъ и полицейскихъ.

Здѣсь нѣтъ нужды подробно перечислять всѣ тѣ проявленія жидовской ненависти, которыя, въ концѣ концовъ, привели русское населеніе къ дружному отпору и внушительнымъ мѣрамъ воздѣйствія на обнаглѣвшихъ іудеевъ. Вся эта печальная эпопея еще слишкомъ свѣжа въ нашей памяти, до сихъ поръ даетъ себя чувствовать болѣзненными отзвуками въ памяти и сердцѣ...

Старшій стражникъ Бѣлостокскаго коннаго отряда, Иванъ Ерошенко, которому посвящены эти краткія воспо-минанія, былъ одною изъ безчисленныхъ жертвъ іудейской злобы и ненависти. Въ самый разгаръ кровавой смуты, въ тѣ дни, когда обнаглѣвшіе бѣлостокскіе жидаы ходили съ револьверами по улицамъ города, который считали оконча-тельно завоеваннымъ ими, этотъ честный и мужественный чело-вѣкъ сумѣлъ сплотить своихъ подчиненныхъ въ общую полицейскую семью, внушить имъ чувство долга и ихъ обя-занности передъ Царемъ и родиною.

Полицейская служба въ тѣ дни была невѣроятно тя-желюю. Не говоря уже о постоянной опасности, которая угрожала чуть ли не изъ-за каждаго угла, чины поли-ціи—начиная съ высшихъ и кончая простыми городовыми и стражниками—должны были днемъ и ночью быть па чеку, участвовать въ розыскахъ и поймѣ неблагонадеж-ныхъ элементовъ, зорко слѣдить за поведеніемъ сплошь революціонно настроеннаго мѣстнаго іудейскаго населенія, да еще и оберегать послѣднее отъ суровой расправы со сто

роны русскаго населенія, въ конецъ раздраженнаго безмѣрною іудейскою наглостью.

Ерошенко трудился безъ роздыха, подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ, но и озлобляя еще болѣе противъ себя бѣлостокскихъ іудеевъ. И вотъ, 7-го апрѣля 1909 г.— въ то сравнительно спокойное время, когда всѣмъ казалось, что кровавое марево революціи кануло безвозвратно въ прошлое,—злопамятное и мстительное іудейство свело счеты со своимъ врагомъ.

Преступная рука выстрѣломъ изъ-за угла сразила честнаго солдата. Ерошенко палъ, какъ жертва служебнаго долга, оставивъ осиротѣвшую семью, состоящую изъ жены и ребенка. По улицамъ Бѣлостока медленно двигалось погребальное шествіе, гробъ съ прахомъ мученически скончавшагося Ерошенки утопалъ въ цвѣтахъ, раздавались заунывные звуки военнаго оркестра: „Коль славенъ“, слышались рыданія родныхъ. На средства послѣднихъ на могилѣ покойнаго поставленъ памятникъ съ краткою надписью: „Палъ отъ руки крамольника 7 апрѣля 1909 г. при исполненіи служебныхъ обязанностей“.

Покойный родился 31 января 1869 г. и происходилъ изъ крестьянъ Черниговской губ. По отбытіи срока дѣйствительной службы въ 11-мъ драгунскомъ Харьковскомъ полку, за примѣрное поведеніе былъ назначенъ въ полковую учебную команду. За отличное окончаніе курса послѣдней награжденъ серебряными часами съ портретомъ Государя Императора, а также серебряною медалью на Станиславской лентѣ, съ надписью „за усердную службу“. Затѣмъ поступилъ въ конные стражники Бѣлостокскаго отряда, гдѣ вскорѣ его выдающіяся служебныя качества были оцѣнены начальствомъ, произведшимъ его въ старшіе стражники.

Артемій Адамовичъ Демяшкевичъ.

Городовой г. Орши, Могилевской губ. Убитъ 13-го декабря 1906 года

Артемій Демяшкевичъ родился въ 1872-мъ году 13-го апрѣля. Родиной его было село Дубовое, Мошковской волости, Оршанскаго уѣзда. Онъ происходилъ изъ всеми уважаемой крестьянской семьи, учился въ мѣстной школѣ, гдѣ выказывалъ недюжинные успѣхи. Съ малыхъ лѣтъ задался онъ цѣлью носить мундиръ. Сначала его, какъ ребенка, плѣняла одежда, непохожая на ту, которую носили все окружающіе его люди, потомъ сознательное стремленіе подростка и юноши послужить Царю и родинѣ побудило его бросить хлѣбопашество и, по отбытіи воинской повинности, поступить на должность тюремнаго надзирателя при Оршанской тюрьмѣ, гдѣ онъ оставался около 3-хъ лѣтъ. Съ 1898 года Артемій Демяшкевичъ поступаетъ на службу городского въ Оршанскую полицейскую команду. Службу свою онъ несъ усердно и никто изъ начальства не имѣлъ повода сдѣлать ему упрекъ въ нерадивости или отсутствіи энергіи. Иногда ночи напролетъ не спалъ онъ, выслѣживая врага общественнаго спокойствія и часто заслуживалъ самое искреннее одобреніе и удивленіе за свою неутомимость.

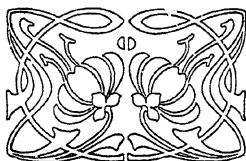
Рожденный 13-го числа, онъ умеръ тоже 13-го. Это число было для него роковымъ на 35-мъ году его жизни.

13 го декабря 1906 года Артемій Демяшкевичъ былъ командированъ на городскую скотобойню для наблюденія за порядкомъ. Здѣсь его выслѣживали двое неизвѣстныхъ. Подкравшись сзади къ городскому, они въ упоръ выстрѣлили въ него, а потомъ, видя что онъ еще живъ, такъ-какъ

раны, нанесенныя выстрѣлами, были не смертельны, стали кинжалами колоть его куда попало. Когда онъ былъ мертвъ и сбѣжался народъ, убійцы скрылись. Смерть несчастнаго мученика послѣдовала отъ сильнаго кровоизліянія, причиненнаго 18-ю ранами отъ револьверовъ и кинжаловъ.

Несмотря на самыя тщательныя поиски, убійцы розысканы не были.

Послѣ покойнаго осталась необезпеченная семья: жена и трое малютокъ, заботу о которыхъ взяло на себя правительство, обезпечившее имъ пенсію.

Иванъ Наумовичъ Савичъ.

Продавецъ казенной винной лавки въ дер. Рокитно, Сѣдлецкой губ.
Убитъ 3 іюня 1907 года.

Какъ извѣстно, дѣлатели русской революціи, на ряду съ убійствами должностныхъ лицъ, чаще всего совершавшимися изъ-за угла, широко практиковали также въ революціонное лихолѣтіе т. н. экспроприаціи, или, говоря по просту, организованныя разбойныя нападенія и грабежи не только правительственныхъ и общественныхъ учреждений, но и частныхъ лицъ. Однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ революціонерами въ Западномъ краѣ способовъ такихъ „экспроприацій“ были нападенія на казенныя винныя лавки и на сборщиковъ выручки въ нихъ, периодически совершавшихъ объѣзды своихъ районовъ. Такимъ образомъ, даже и этимъ скромнымъ труженикамъ, заброшеннымъ въ глухіе деревенскіе углы, вѣчно угрожала смерть отъ руки гнусныхъ убійцъ революціоннаго подполья.

Кровавый и длинный списокъ этихъ жертвъ суждено было пополнить и 60-лѣтнему старику, Ивану Савичу, дождавшемуся на склонѣ тяжелой, трудовой жизни, въ вознагражденіе за усердную и безпорочную службу въ жандармеріи, должности продавца казенной винной лавки въ небольшой деревушкѣ Рокитно, Сѣдлецкой губ. Здѣсь же, при лавкѣ, помѣщалась въ крохотной квартиркѣ и вся семья Савича, жена и дѣти. Въ роковой день 3 іюня 1907 года, раннимъ утромъ, дочь Савича вышла изъ казенной винной лавки черезъ черный ходъ въ сарай, находившійся во дворѣ. Едва она вошла въ сарай, какъ пятеро молодыхъ граби-

телей, вооруженныхъ маузерами и револьверами, нагрянули на лавку. Трое изъ нихъ остались „на часахъ“ по угламъ дома и у входныхъ дверей, а остальные направились черезъ сѣни въ кухню, а затѣмъ въ комнату, гдѣ въ то время находились жена и дѣти Савича. Несчастливая, перецуганная на смерть женщина подняла крикъ, призывая на помощь своего мужа, который еще находился въ слѣдующей комнатѣ въ постели. Но не успѣлъ онъ вскочить на ноги, какъ разбойники буквально изрѣшили тѣло его пулями. Въ лужахъ крови онъ валялся тутъ же возлѣ кровати.

— Ключи отъ кассы,—прикрикнули разбойники на обезумѣвшую отъ ужаса и горя женщину, на глазахъ которой произошло убійство ея кормильца.

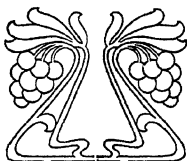
Но она нашла еще въ себѣ мужества настолько, чтобы не подчиниться требованію изверговъ. Быстрымъ движеніемъ она выскользнула изъ комнаты, вбѣжала на балконъ второго этажа и оттуда продолжала громко взывать о помощи. Помощь, однако, не являлась, а грабители, стоявшіе снаружи, стали стрѣлять въ нее изъ револьверовъ. Спасаясь отъ одной опасности, она вынуждена была вернуться на явную гибель въ квартиру. Разбойники, впрочемъ, уже не обращали на нее вниманія. Они розыскали ключи, открыли ими кассу, забрали оттуда казенныя деньги и жалованье продавца, сорвали со стѣны его ружье и кинжалъ и, запасшись на дорогу нѣсколькими бутылками водки, поспѣшно ретировались.

Когда послѣдній изъ убійць переступалъ порогъ, ему почудилось, что старикъ подаетъ признаки жизни. Онъ хладнокровно вернулся и тремя ударами кинжала въ бокъ, грудь и лицо несчастной жертвы обезпечилъ себѣ ея вѣчное молчаніе.

Сколько дикой, звѣрской злобы во всей этой мрачной драмѣ и какъ она въ то же время характерна, типична для распропагандированныхъ негодяевъ, которые называли себя „борцами за свободу“...

Павшій жертвою этихъ изверговъ Савичъ происходилъ изъ крестьянъ Волынской губерніи, по отбытіи воинской повинности служилъ въ теченіе многихъ лѣтъ жандармскимъ

унтеръ-офицеромъ. Послѣ смерти его вдова получила отъ казны единовременное пособіе въ размѣрѣ 1500 р. На могилѣ страдальца въ дер. Рокитно поставленъ скромный крестъ съ надписью: „Упокой, Господи, душу раба Твоего Іоанна, убитаго 3 іюня 1907 г.“

Карлъ Давыдовичъ Полисъ.

Полицейскій урядникъ Венденскаго уѣзда, Лифляндской губ.
Убитъ 17 іюля 1905 года.

Отличаясь неусыпной дѣятельностью и мужествомъ, — этими необходимыми качествами хорошаго служаки, Карлъ Давыдовичъ Полисъ вооружилъ противъ себя многихъ революціонеровъ, желавшихъ, поэтому, его смерти.

И враги не дремали. Они подстерегали случай, чтобы убить опаснаго для нихъ человѣка и 17-го іюля 1905 года этотъ случай имъ представился.

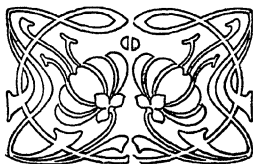
Полисъ, по неотложнымъ дѣламъ службы, долженъ былъ поѣхать въ Венденъ изъ имѣнія Ново-Раненбургъ. Въ 16 верстахъ отъ Вендена, въ лѣсу, на крутомъ подъемѣ,

на него было сдѣлано изъ засады нападеніе и произведенъ выстрѣлъ дробью, которой пробило ему правую сторону груди и правую же руку у плеча. Раны были смертельны. Убійца скрылся и остался неразысканнымъ, тѣло же убитаго Полиса нашли лежащимъ у дороги, остывшимъ въ лужѣ запекшейся крови, напитавшей вокругъ землю.

Карль Давыдовичъ происходилъ изъ крестьянъ Дробушской волости, лютеранскаго вѣроисповѣданія, былъ холостъ, воспитаніе получилъ въ Венденскомъ городскомъ училищѣ. Въ 1899 году былъ принятъ на военную службу и уволенъ въ запасъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка 1-го января 1905 года.

На должность урядника былъ принятъ 20 марта 1905 г. и состоялъ на ней до дня смерти.

Въ короткое время службы по полиціи Полисъ зарекомендовалъ себя съ лучшей стороны. Онъ былъ исполнительный служака, хорошій товарищъ и прекрасный человекъ.

Павелъ Николаевичъ Соловьевъ.

Помощникъ полицейскаго пристава гор. Пскова.

Убитъ 15 сентября 1906 г.

По своей бессмысленной жестокости убийство П. Н. Соловьева, человѣка совсѣмъ юнаго (ему исполнилось въ декабрь 1905 года 19 лѣтъ), всего два мѣсяца назадъ допущеннаго къ временному исполненію должности помощника пристава и рѣшительно ничѣмъ, кромѣ добросовѣстнаго, по силѣ разумѣнія, исполненія возложенныхъ на него обязанностей, неоправдывавшаго злобы или мести со стороны революціонеровъ,—положительно выдѣляется изъ ряда подобныхъ же убійствъ въ это кошмарное время. Вотъ ужъ, по истинѣ, безвинная жертва проклятаго кроваваго угара, въ которомъ едва не задохнулось наше отечество...

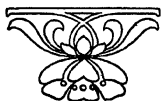
За что?.. Нѣмой и—увы!—шаблонный вопросъ встаетъ самъ собою при ближайшемъ ознакомленіи съ подробно-

стями убійства П. Н. Соловьева. Былъ праздничный день. На мѣстномъ бульварѣ происходило какое-то благотворительное гуляніе. Соловьевъ былъ назначенъ въ нарядъ. Поздно вечеромъ, когда толпа горожанъ расходилась по домамъ, Соловьевъ—усталый и измученный—тоже направился домой на отдыхъ. Но не успѣлъ онъ дойти до конца бульвара, какъ вдругъ, безо всякаго съ его стороны повода, группа неизвѣстныхъ въ нѣсколько человѣкъ, окружила его и буквально разстрѣляла изъ револьверовъ... Ни стопа, ни одной жалобы не сорвалось съ устъ несчастнаго страдальца... Онъ зашатался, конвульсивнымъ движеніемъ рукъ схватился за грудь, за шею и упалъ мертвымъ... Когда его перенесли въ ближайшую аптеку, всякая помощь была уже излишнею...

Кто они, эти безжалостные звѣри въ образѣ человѣческомъ? Зачѣмъ имъ понадобилась эта жертва? Къ сожалѣнію, какъ и во многихъ случаяхъ того времени, всѣ подобные вопросы до сихъ поръ остаются безъ отвѣта. „Преступники неизвѣстно куда скрылись“—гласить сухой и мертвый полицейскій протоколъ...

А въ заключеніе столь же кратко упоминается: „покойный содержалъ на свое скудное жалованье многочисленную семью, состоявшую изъ престарѣлаго отца и малолѣтнихъ братьевъ. Отличался ровнымъ, незлобивымъ характеромъ и беззавѣтной преданностью долгу службы“.

Послѣдняя фраза, можетъ, пожалуй послужить наиболѣе достойной и исчерпывающей эпитафіей на его безвременной могилѣ.

Иванъ Юрьевичъ Лукша.

Городовой г. Вильно. Убитъ 12-го Іюля 1909 года.

Новое доказательство изобилія преступно-революціоннаго элемента въ г. Вильно. Жертва за жертвой служебнаго долга въ борьбѣ съ этими элементами слѣдуютъ своей чередой.

Около 2 часовъ ночи на 13 іюня 1909 года, обходившій свой участокъ околоточный надзиратель Крупскій съ городовымъ Пришмонтомъ и двумя ночными сторожами, замѣтилъ по набережной улицѣ около рѣки Вилии двухъ неизвѣстныхъ подозрительныхъ субъектовъ, укрывшихся за откосомъ берега рѣки. При приближеніи обхода къ мѣсту ихъ прикрытія, неизвѣстные, видя что они замѣчены, пустились на-утекъ, а на окрикъ погнавшагося за ними обхода произвели нѣсколько выстрѣловъ, при чемъ тяжело ранили городского Пришмонта въ грудь, а околоточному надзирателю Крупскому пулей сорвало наплечный погонъ.

Несмотря на открытую опасность, околоточный Крупскій, произведя по убѣгавшимъ выстрѣлъ, самъ бросился на нихъ и одного задержалъ. Отдавъ его для доставленія въ участокъ ночнымъ сторожамъ, онъ опять бросился вдогонку за вторымъ, но тотъ успѣлъ вскочить въ открытое помещеніе во дворѣ зданій костела св. Іакова и, укрываясь за косякомъ дверей, сталъ стрѣлять изъ револьвера въ приближавшагося къ нему околоточнаго надзирателя Крупскаго.

Выстрѣлы были услышаны городовымъ сосѣдняго поста Иваномъ Лукша, который прибѣжалъ къ мѣсту происшествія и понявъ, въ чемъ дѣло, сталъ у стѣны того же

помѣщенія, гдѣ былъ скрывшійся преступникъ, выстрѣлили два раза въ дверь и моментально бросился туда, чтобы обезоружить злодѣя. Но этотъ послѣдній въ упоръ произвелъ два выстрѣла и сразилъ наповаль неустрашимаго героя. Когда же прибылъ патруль и окружилъ помѣщеніе, то злодѣй, не видя никакого для себя исхода, самъ застрѣлился. Попалъ въ руки правосудія лишь второй, задержанный смѣлымъ околоточнымъ, преступникъ.

Погибшая безвременная жертва геройской храбрости и долга городской Иванъ Юрьевичъ Лукша, родившійся 8 мая 1870 года, происходилъ изъ крестьянъ Лугомвицкой волости, Опмянскаго уѣзда, Виленской губерніи; вѣроисповѣданія былъ римско-католическаго. Служилъ на дѣйствительной военной службѣ въ 4-ой батареѣ 8-ой артиллерійской бригады бомбардиромъ-наводчикомъ.

По выходѣ изъ военной службѣ въ запасъ занимался нѣкоторое время поденными работами. На службу въ Виленскую городскую полицію поступилъ младшимъ городовымъ 21-го апрѣля 1909 года и по день своей геройской смерти несъ эту службу съ полнымъ прилежаніемъ. Нрава былъ тихаго и велъ жизнь вполне примѣрную, хотя былъ малограмотный и въ матеріальномъ отношеніи вовсе не обеспеченный, за неимѣніемъ какого-либо имущества. Послѣ геройской смерти этого доблестнаго служаки остались безъ всякихъ средствъ къ жизни его жена Казимира Матвѣевна Лукша, 30 л., и два сына: Александръ 8 л. и Францъ 4-хъ лѣтъ.

Фотографическаго снимка его или семьи не оказалось.

Покончившій съ собой выстрѣломъ въ зданіяхъ костела злодѣй-убійца городского Лукши оказался принадлежащимъ къ партіи „бандитовъ“; былъ ранѣе Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни, но за несовершеннолѣтіемъ казнь ему замѣнена тюремнымъ заключеніемъ, а по отбытіи срока наказанія былъ освобожденъ.

Второй преступникъ, задержанный лично околоточнымъ Крупскимъ, былъ Виленскимъ военно-окружнымъ судомъ по сему дѣлу приговоренъ къ смертной казни чрезъ по-

вѣщеніе; но эта казнь ему была тоже замѣнена каторжными работами на 8 лѣтъ.

Сомнительно только, чтобы неисправимый преступникъ, по отбытіи имъ 8 лѣтняго наказанія, освобожденный и возвращенный въ общество, сталъ его полезнымъ и мирнымъ членомъ. Примѣръ малополезности такой кары здѣсь на лицо: рецидивистъ-убійца Лукши городского.

Нельзя не пожалѣть также того, что въ полученныхъ свѣдѣніяхъ по сему дѣлу не отмѣчены не только имена, но даже національность судившихся преступниковъ-убійць.

Евгеній Николаевичъ Баронъ.

Урядникъ Черниговск. губ. Убитъ 25 мая 1909 года.

Вотъ еще одна семья осиротѣла! Еще жертва ненасытнаго террора или внутренней междуусобицы въ нашей дорогой, залитой невинной кровью странѣ! Шестъ чело-вѣкъ: вдова и пятеро малолѣтнихъ дѣтей безъ куска хлѣба, безъ какихъ бы то ни было средствъ къ существованію!

Таинственное исчезновеніе Е. Н. Барона изъ списка живыхъ и до сихъ поръ остается какою то тайной. Констан-тированъ только фактъ, что Е. Н. Баронъ убитъ не сразу, а нѣсколькими выстрѣлами изъ маузера, что его поза сви-дѣтельствовала объ его сильныхъ страданіяхъ до момента наступленія смерти.

Найдено тѣло покойнаго при вѣздѣ въ с. Ново-Пав-ловку, Дмитріевской волости, лежащимъ на краю дороги

безъ признаковъ жизни, но при какихъ именно обстоятельствахъ убить покойный, установить точно не представлялось возможнымъ. У него не было личныхъ враговъ; но вѣроятно были враги такъ называемые „идейные,“ способные поднять руку на каждого, кто носить полицейскій мундиръ.

Двѣ дѣвочки, крестьянки села Борисовки, видѣли, какъ Е. Н. Баронъ читалъ какую то бумагу, остановивъ у въѣзда въ с. Павловку свою бричку, а подлѣ стояли двое неизвѣстныхъ, очевидно остановленныхъ для провѣрки ихъ личности. Вѣроятно во время чтенія имъ документовъ послѣдовали выстрѣлы и Е. Н. Баронъ свалился съ брички, а испуганные выстрѣлами лошади убѣжали.

Е. Н. Баронъ происходилъ изъ почетныхъ потомствъ гражданъ г. Рузы Московской губерніи. На должность урядника онъ поступилъ 2-го апрѣля 1908 года и сразу завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться.

Покойный былъ прекрасный семьянинъ, нѣжно любилъ своихъ дѣтей и старался всѣ свои недолгіе досуги проводить въ кругу семьи.

Если бы злодѣи, убивающіе отцовъ и кормильцевъ семьи, хоть на мгновеніе думали о томъ, какъ тяжелы ихъ преступленія, быть можетъ въ моментъ звѣрской казни ихъ жестокія сердца дрогнули бы и они отпустили бы свою жертву! Но едва ли! Революція породила столько наглыхъ, лишенныхъ совѣсти и сердца чудовищъ, что взывать къ ихъ человѣческимъ чувствамъ это то-же, что стремиться изъ комка грязи добыть брилліантъ. Кровь!—вотъ единственная цѣль ихъ наглыхъ, очень часто бессмысленныхъ нападеній и убійствъ.

А цѣлыя полчища вдовъ и сиротъ, лишенныхъ своихъ кормильцевъ и отцовъ! Развѣ ихъ слезы и стоны не падутъ на головы злодѣевъ тяжелою карою! Господь справедливъ и, рано или поздно, онъ отомститъ за невинныхъ!

Емельянъ Сергѣевичъ Волосина.

Агентъ сыскаго отдѣленія Кіевской городской полиціи.
Убитъ 20 августа 1912 г.

Опять свѣжая могила вѣрнаго слуги отечества! Опять орудіемъ смерти явился браунингъ въ злодѣйскихъ рукахъ распропагандированнаго вора убійцы!

Недолго служилъ ревностный исполнитель своихъ обязанностей Емельянъ Сергѣевичъ Волосина и погибъ въ самомъ расцвѣтѣ своей жизни: 27 лѣтъ. Онъ былъ родомъ изъ крестьянъ Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, мѣстечка Драбово. Отбылъ военную службу, по окончаніи которой уволенъ въ запасъ арміи въ концѣ 1910 года. Въ слѣдующемъ 1911 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ опредѣлился на службу городовымъ Екатеринославской городской полиціи въ Екатеринославѣ; но съ 1 января 1912 года перешелъ въ г. Кіевъ агентомъ въ мѣстное сыскаго отдѣленіе.

Усердно и добросовѣстно относясь къ своей новой обязанности, Емельянъ Сергѣевичъ Волосина умѣло раз

вѣдываль и находилъ гдѣ скрываются преступные и вредные для общества элементы.

Въ поискахъ такого сорта, постоянно и бдительно присматриваясь къ встрѣчающимся подозрительнымъ типамъ и фізіономіямъ по извѣстнымъ фотографіямъ преступниковъ, Емельянъ Волосина случайно, днемъ 20 августа 1912 года, въ Кіевѣ на Черепановой горѣ, въ районѣ территоріи бывшей тогда одной выставки, наткнулся на группу изъ трехъ лицъ: молодого человѣка и двухъ извѣстнаго поведенія дѣвиць. Волосина, узнавъ въ молодомъ человѣкѣ давно разыскиваемого экспроприатора Василя Мазенко, предложилъ ему слѣдовать за нимъ въ сыскное отдѣленіе.

Воръ Мазенко, сидѣвшій на землѣ въ сообществѣ дѣвиць, поднялся съ земли, сталъ за одну изъ проститутокъ и, мгновенно выхвативъ изъ своего кармана бывшій при немъ револьверъ системы „Браунингъ“, произвелъ одинъ за другимъ два выстрѣла въ агента. Одна пуля смертельно ранила Емельяна Волосину въ правый бокъ. Волосина, едва держась на ногахъ, тѣмъ не менѣе успѣлъ выхватить свой револьверъ и направить его на прячущагося за дѣвицу злодѣя; но стоящая впереди Мазенко проститутка схватила и оттолкнула ослабѣвшую руку Волосина съ револьверомъ въ сторону. Выстрѣлъ раздался, но мимо. Волосина, потерявъ отъ смертельной раны силы, не могъ уже стоять и упалъ, истекая кровью. Преступникъ Мазенко воспользовался этимъ моментомъ, пустился бѣжать и скрылся. Выстрѣлы слышали бывшіе невдалекѣ рабочіе, поспѣшили на нихъ и нашли раненаго агента, котораго вскорѣ и увезла карета скорой помощи въ Александровскую больницу; но врачебная помощь уже была излишня: въ ночь на 22-ое августа Емельянъ Волосина въ страшныхъ мученіяхъ отъ причиненной злодѣемъ раны скончался.

Долго скрывался убійца этого вѣрнаго общественнаго слуги, но чрезъ двѣ недѣли, 3 сентября, его удалось задержать. Воръ и убійца Мазенко и при этомъ новомъ его задержаніи пытался сдѣлать выстрѣлы изъ своего „браунинга“, но былъ ловко и быстро обезоруженъ и схваченъ.

Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Онъ понесетъ, конечно, заслуженную кару, но обществу отъ этого легче станетъ очень немного, развѣ только то, что оно будетъ освобождено на нѣкоторое время отъ этого преступника или кара его послужитъ нѣкоторой острасткой для другихъ, ему подобныхъ, (что, однако, подѣ большимъ сомнѣніемъ при нынѣшнихъ все болѣе и болѣе размягчающихся судахъ и ослабѣвающей твердости въ должномъ примѣненіи соотвѣтствующаго закона); а тѣмъ не менѣе утрата полезнаго человѣка, надежнаго слуги общества, Царя и родины невозвратима. Преступникъ еще останется, по всей вѣроятности, жить и впоследствии можетъ натворить еще много новыхъ преступленій и принести зло обществу, но почившій отъ руки не-исправимаго злодѣя работникъ уже не встанетъ вновь въ ряды борцовъ за законное право безопасности жизни среди общества, каковое должно быть непремѣнно очищено отъ вредныхъ элементовъ. Единственное остается утѣшеніе въ понесенной утратѣ вѣрнаго служителя долга, что примѣръ его честнаго, полезнаго и праваго дѣла породитъ десятки новыхъ такихъ же мужественныхъ дѣльцовъ и неуклонно стойкихъ работниковъ на общее благо.

Примѣры мучениковъ въ древней христіанской церкви за святую вѣру были заразительны, они плодили сотни и тысячи новыхъ исповѣдниковъ; нынѣшніе страдальцы долга и общественной службы также подвизаютъ духъ многихъ современниковъ на всякій подвигъ ради его славы и блага ближнихъ. Да сіяетъ звѣзда славы надъ мужественными героями!

Осипъ Чигашковъ.

Жандармскій унтеръ-офицеръ Московско-Рижскаго управленія ж. д.
Убитъ 26-го Апрѣля 1906 года.

24-го Апрѣля 1906 года жандармскій унтеръ-офицеръ Осипъ Петровичъ Чигашковъ, 34 лѣтъ отъ роду, возвращался изъ полицейскаго управленія, послѣ сдачи паспортовъ, на станцію Шлокъ. На него напалъ одинъ изъ партіи революціонеровъ, подстерегавшій его и убилъ наповаль изъ револьвера.

Не успѣлъ Чигашковъ даже вскрикнуть, какъ тѣло его свалилось безжизненной массой на придорожную траву, убійца же скрылся вмѣстѣ съ поджидавшими его товарищами.

Дѣятельность покойнаго Осипа Чигашкова, бывшаго грозой враговъ государства, рыщущихъ всюду, чтобы сѣять смуту, была такъ энергична, что онъ считался однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ революціи. Смерть его осиротила его

семью: жену Марію и двухъ малолѣтокъ-дочерей: Пелагею 8 лѣтъ и Ольгу 4-хъ.

Убивъ Чигашкова, злодѣй разбилъ не только семейное счастье его близкихъ: жены и дѣтей, онъ еще лишилъ государство полезнаго, хорошаго слуги; къ послѣднему, главнымъ образомъ, онъ конечно и стремился. Грустно думать, что населеніе иногда скрываетъ поневолѣ такихъ негодяевъ, боясь ихъ звѣрской мести и поэтому имъ удается безнаказанно скрываться. Глубоко пустило свои корни въ нашемъ государствѣ сорное сѣмя революціи и много надо энергіи, труда и терпѣнія, чтобы выполоть, выжечь и уничтожить его.

Брониславъ Михайловичъ Рыбникъ.

Младшій конный стражникъ 4-го Бѣлостокскаго отряда, Гродненской губ. Убитъ 6 апрѣля 1909 года.

Унылою и скорбною чередою проходятъ передъ глазами, словно живые, эти безвѣстные герои служебнаго долга, которые гибли сотнями подъ предательскими ударами крамольниковъ и въ революціонное лихолѣтіе, и значительно позже, въ качествѣ жертвъ ихъ мстительности и злобы... Вотъ еще одинъ изъ такихъ безвѣстныхъ героевъ—Брониславъ Рыбникъ, о которомъ его ближайшее начальство и сослуживцы высказываются кратко, но трогательно: „отличался усердіемъ къ дѣлу и исполнительностью, пользовался любовью и уваженіемъ товарищей“, а потому „палъ жертвою служебнаго долга отъ руки убійць—крамольниковъ“. Также кратко, но выразительна картина его убійства.]

6-го апрѣля 1909 года начальникомъ Бѣлостокскаго сыскаго отдѣленія былъ задержанъ одинъ изъ пяти участниковъ разбойнаго нападенія на контору фабрики Цитрона въ селеніи Супраслѣ, Бѣлостокскаго уѣзда гдѣ ими была ограблена касса и убитъ фабричный мастеръ Ланге. Задержанный бандитъ препровождался въ Бѣлостокское уѣздное полицейское управленіе для установленія его виновности. Раньше того онъ при караулѣ отправленъ былъ въ село Супрасля, гдѣ совершено было преступленіе, но

такъ какъ тамъ не оказалось тѣхъ лицъ, которыя могли бы уличить его въ разбойномъ нападеніи, то его и препроводили обратно въ бѣлостокскую полицію. Теперь преступника конвоировалъ одинъ лишь конный стражникъ Рыбникъ. Когда они вступили уже въ Бѣлостокъ и проходили узкими улочками предмѣстья, на Рыбника изъ-за угла напали три бандита, вооруженныхъ браунингами. Очевидно, они были заранѣе предувѣдомлены своими же со товарищами и поджидали появленія Рыбника изъ надежной засады. Посыпались выстрѣлы и Рыбникъ, обливаясь кровью, свалился съ лошади. Арестованный злодѣй, вмѣстѣ съ соучастниками, благополучно скрылись въ городъ. Лежавшаго въ лужѣ крови безъ признаковъ жизни стражника отправили въ Бѣлостокскую окружную лѣчебницу, но не раньше, чѣмъ скрылись его убійцы. Въ то время, какъ его разстрѣливали, никто изъ жителей не пришелъ ему на помощь. Между прочимъ, это тоже характерная особенность революціонныхъ гнѣздъ, гдѣ „работали“ исключительно инородцы.

Въ лѣчебницѣ, при осмотрѣ врачами раненаго, оказалось, что у несчастнаго прострѣлена на вылетъ верхняя часть головы и двумя пулями раздроблено колѣно. Рыбникъ не приходилъ въ сознаніе ни на одну минуту и очень скоро скончался. Начальствомъ и товарищами покойнаго ему были устроены торжественныя похороны, тѣло несчастнаго страдальца предано землѣ на мѣстномъ римско-католическомъ кладбищѣ, при прощальномъ салютѣ 4-го коннаго полицейскаго отряда. На средства послѣдняго на его безвременной могилѣ поставленъ крестъ съ лаконической и—увы—слишкомъ часто встрѣчающейся надписью: „Убитъ крамольниками. Отъ товарищей и сослуживцевъ герою долга и доброму другу.“

Послѣ покойнаго остались: жена и двое малолѣтнихъ дѣтей. Происходилъ покойный изъ крестьянъ Гродненской губерніи и до поступленія въ полицейскіе стражники былъ на военной службѣ въ 3 резервномъ артилерійскомъ паркѣ, гдѣ за служебное отличіе произведенъ въ старшіе фейерверкеры. Умеръ онъ на 35 году жизни.

Сильвестръ Фотіевъ Губа.

Городовой г. Анапы Кубанской обл. Убитъ 30 Сентября 1907 года.

Сильвестръ Губа, старшій городской, нестроевой, старшаго разряда, станицы Петровской, былъ командированъ въ сады, отстоящіе отъ Анапы въ 7 верстахъ, для врученія окладныхъ листовъ по государственному и другимъ налогамъ. Это было 30-го Сентября 1907 года. Среди зеленыхъ садовъ, въ тѣнистыхъ аллеяхъ было живо и свѣжо. Губа шелъ, слыша исполнить возложенное на него порученіе. Вдругъ изъ-за деревьевъ выскочило двое неизвѣстныхъ и открыли стрѣльбу по городовому.

С. Губа, сталъ отсрѣливаться, но вдругъ упалъ, теряя сознание.

Негодяи дали еще нѣсколько выстрѣловъ по упавшему и скрылись, и найти ихъ не представлялось возможности среди густой, какъ въ лѣсу зелени садовъ. Покойный Сильвертъ Губа родился 2-го января 1867 года; отбывалъ воинскую повинность и съ 29-го іюля 1906 года былъ зачисленъ младшимъ городовымъ и, какъ опытный, безукоризненный служака, былъ переведенъ на высшій окладъ съ 19-го Сентября 1906 года.

Тѣло убитаго похоронено на городскомъ кладбищѣ въ г. Анапѣ, куда его провозжали всѣ чины полиціи, во главѣ съ полиціймейстеромъ Уруповымъ. На могилѣ безвременно погибшаго поставленъ памятникъ.

Леонтій Алексѣевичъ Смирнскій.

Полицейскій урядникъ Новочупаловскаго участка, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Убитъ 27 января 1912 года.

Вотъ почти уже десятилѣтіе истекаетъ съ тѣхъ поръ, какъ начало замѣтно проявляться революціонное броженіе среди подонковъ общества, достигшее своего апогея въ 1905—7 г.г., однако и по сіе время еще нѣтъ окончательнаго успокоенія: то изъ одного, то изъ другого мѣста доносятся отзвуки недавней смуты, волненій, убійствъ и грабежей на революціонной подкладкѣ. Въ тѣ злополучные годы революціонныя банды усиленно грабили кассировъ, артельщиковъ, банки, винныя лавки, цѣлыя поѣзда и пароходы,— и нынѣ, хотя значительно рѣже, но все еще кое-гдѣ проявляются разбойно революціонныя вспышки.‡

Изображенный здѣсь честный исполнитель своего долга

сельскій урядникъ Леонтій Алексѣвичъ Смирнскій палъ жертвою за охрану имущества отъ цѣлой шайки разбойниковъ-грабителей.

27 Января 1912 года, въ самомъ населенномъ мѣстѣ Новогупаловскаго села, среди бѣла дня четверо отъявленныхъ головорѣзовъ врываются въ казенную винную лавку и грабятъ ея кассу. Подоспѣвшій на шумъ урядникъ Л. А. Смирнскій презирая всякую опасность и страхъ ради мужественнаго исполненія своего долга, бросается въ догонку за грабителями. Но это не простые грабители, не обычные ночные тати и воры—это охвостье революціонныхъ шаякъ, они попрежнему грабятъ цѣлой ватагой съ налету денежные кассы, они вооружены револьверами. И вотъ—убѣгая отъ мѣста своего преступленія, они совершаютъ другое, болѣе тяжкое—выстрѣломъ изъ револьвера злодѣи убиваютъ наповаль догоняющаго ихъ храбраго урядника Смирнскаго. Пала новая честная жертва въ борьбѣ съ крамольными подонками!

Погибшій геройской смертью—урядникъ Леонтій Алексѣвичъ не къ такой службѣ предназначался. По своему происхожденію, онъ былъ сынъ діакона, села Игнатьевки, Екатеринославскаго уѣзда. Но по обычному матеріальному недостатку и бѣдности сельскихъ діаконѣвъ, отецъ его не въ силахъ былъ дать своему сыну надлежащее образованіе. Наставивъ его, во время домашняго воспитанія, въ добрыхъ правилахъ вѣры, благочестія и любви къ отечеству, онъ долженъ былъ отдать его въ Ростовское городское училище,—и тѣмъ закончилось образованіе юнаго Леонтія Алексѣвича.

По достиженіи призывнаго возраста Л. А. Смирнскій былъ принятъ на военную службу и находился во время ея далеко отъ роднаго крова—въ Забайкальскомъ жандармскомъ полицейскомъ управленіи жел. дороги. По окончаніи службы вышелъ въ запасъ 14 Іюня 1907 года со званіемъ унтеръ-офицера. По возвращеніи изъ Забайкалья Леонтій Алексѣвичъ, пробывъ нѣкоторое время на родинѣ, 6-го апрѣля 1911 г. былъ назначенъ урядникомъ села Новогупаловки, Александровскаго уѣзда.

Менѣе чѣмъ черезъ десять мѣсяцевъ несенія этой нелегкой службы сельскаго урядника, на 38-мъ году своей жизни, Леонтій Алексѣевичъ палъ отъ злодѣйской пули революціонеровъ-грабителей.

Этотъ фактъ его кратковременной службы въ полицейской должности самъ по себѣ служилъ очевиднымъ доказательствомъ того, насколько обозленно—враждебно настроены по отношенію ко всякому полицейскому мундиру тронутые революціонной пропагандой и сбитые съ добраго пути слабые и безпринципные отбросы общества, превратившіеся въ концѣ концовъ въ простыхъ хулигановъ и грабителей. Развѣ могъ чѣмъ-нибудь инымъ вызвать къ себѣ ненависть этотъ урядникъ Смирнскій, по свидѣтельству его начальства, съ тихимъ и спокойнымъ характеромъ, за который онъ былъ любимъ и уважаемъ своими односельчанами,—кромѣ какъ только тѣмъ, что онъ носилъ полицейскую форму?

Революціонная шайка не можетъ спокойно видѣть облеченнаго въ эту форму, она трепещетъ передъ ней, какъ Каинъ, сознавая свою преступность, и въ тоже время направляетъ въ ея сторону свое ядовитое жало, съ цѣлію расчистить себѣ поле для своихъ злодѣяній на свободѣ. Но были, есть и будутъ сотни и тысячи вѣрныхъ слугъ Царя и Отечества, которые безъ страха, подобно почившему герою Смирнскому, всегда будутъ смѣло становиться своею пятою на главу этой гидры, пока ея не раздавятъ окончательно.

Добрая вѣчная память этимъ борцамъ, беззавѣтно жертвующимъ даже своей жизнью за благо народное, за Царя православнаго.

Ефимъ Михайловичъ Чистокъ.

Городовой г. Кіева. Убитъ 18-го Августа 1907 года.

Жизнь человѣческая въ глазахъ враговъ государства—революціонеровъ—такая малоцѣнная и бесполезная вещь, что ее уничтожаютъ мгновенно, не задумываясь, не колеблясь. Экспроприаторы, братья по оружію революціонеровъ, поступаютъ точно также. Точно муху, уничтожаютъ они нужнаго, полезнаго члена общества.

Такъ погибъ и Ефимъ Михайловичъ Чистокъ, городовой г. Кіева. Это произошло днемъ 18-го Августа 1907 года, на посту. Мимо Чистока бѣжало два человѣка, какъ оказалось, преступника, совершившихъ экспроприацію и спѣшившихъ скрыться.

Чистокъ, вѣрный долгу присяги, хотѣлъ задержать ихъ именемъ закона, но они произвели въ городского выстрѣлы, которыми убили его, а сами поспѣшили скрыться. И когда тѣло убитаго было окружено сбѣжавшейся на выстрѣлы толпой, то никто не могъ понять, какимъ образомъ такое чудовищное преступленіе было совершено среди бѣлаго дня и никому не удалось не только задержать, но даже увидать лица убійць.

Покойный Чистокъ происходилъ изъ крестьянъ деревни Мостищъ, Бышевской волости, Кіевской губерніи, того же уѣзда. Убитъ 32 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталась вдова, которой было выдано пособіе и выхлопотана пенсія въ виду заслугъ ея геройски убитаго мужа, отличавшагося всегда на службѣ рвеніемъ и честной исполнительностью.

Начальство и товарищи убитаго, по подпискѣ между собою, соорудили на безвременной могилѣ Е. М. каменный памятникъ съ прекрасной надписью, которая трогаетъ сердца читающихъ ее, даже не знакомыхъ съ исторіей трагически погибшаго городского.

Василій Титовичъ Титовъ.

Старшій стражникъ Соколовской уѣздной команды, Съдлецкой губ.
Убитъ 7 августа 1905 года.

Этотъ бравый и честный солдатъ, по примѣру многихъ-многихъ безвѣстныхъ героевъ, павшихъ жертвами злобы и мщенія крамольниковъ, зналъ, какая ждетъ его участь за вѣрную службу Царю и родинѣ въ кровавые дни революціоннаго лихолѣтія, на окраинѣ, почти сплошь населенной ненавидящими Россію и все русское инородцами. Маленькій польско-еврейскій городокъ Соколовъ не отставалъ отъ своихъ сосѣдей по части забастовокъ, крамольной пропаганды, бунтовщическихъ выступленій и, вообще, всевозможныхъ беспорядковъ революціоннаго характера. Въ подавленіи этихъ беспорядковъ принималъ всегда участіе, въ числѣ другихъ своихъ товарищей, и Василій Титовъ. Но онъ выдѣлялся среди нихъ своимъ атлетическимъ тѣлосложеніемъ, его крупная фигура настоящаго русскаго богатыря ярче запечатлѣвалась въ мстительной памяти неблагонадежныхъ элементовъ мѣстнаго населенія, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Особенно ненавидѣли Титова мѣстные евреи,—вѣрнѣе, еврейская молодежь, которая всегда самымъ энергичнымъ образомъ подстрекала рабочихъ къ забастовкамъ и враждебнымъ демонстраціямъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1905 г. Титову удалось найти одного изъ главныхъ подстрекателей, нѣкоего Тененбаума. Онъ его арестовалъ, но судъ, впослѣдствіи разбиравшій дѣло о мѣстныхъ забастовкахъ, не нашелъ достаточныхъ уликъ и оправдалъ Тененбаума вмѣстѣ съ группою другихъ еврейчиковъ и рабочихъ, участвовавшихъ въ забастовкахъ и беспорядкахъ.

7-го августа, въ 11 часовъ вечера, Титозъ проходилъ

по городу. Отъ его внимательнаго глаза не ускользнуло одно тревожное обстоятельство, которое свидѣтельствовало о враждебныхъ и мстительныхъ планахъ соколовскаго еврейства противъ него. Когда онъ появился въ той части горсдка, которая наиболѣе густо населена евреями, евреи поспѣшно стали запирать лавки и тушить огни въ своихъ квартирахъ. Улица въ нѣсколько минутъ приняла унылый, мертвый видъ. Осторожность и благоразуміе подсказывали какъ можно скорѣе возвращаться назадъ, но доблесть и гордость солдата запротестовали въ душѣ браваго стражника. „Какъ? Мнѣ, русскому солдату, позорно бѣжать передъ кучкою жалкихъ трусовъ-жидочковъ? Не бываетъ этому.“ И онъ увѣренно и твердою поступью продолжалъ свой путь. Возлѣ синагоги онъ замѣтилъ собравшуюся группу молодыхъ еврейчиковъ. Когда онъ поровнялся съ нею, одинъ изъ группы выдѣлился и нахально заглянулъ въ лицо Титову. Это былъ — Давидъ Тененбаумъ, арестованный нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Титовымъ и оправданный судомъ. Не успѣлъ бравый стражникъ сдѣлать двухъ шаговъ впередъ, какъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Предательская пуля, попавъ ему въ спину, между лопатками, вышла съ правой стороны шеи, съ поврежденіемъ позвоночнаго столба. Трое сутокъ несчастный промучился въ жесточайшихъ страданіяхъ и скончался 10 августа, въ три часа ночи. Пока онъ находился еще въ сознаніи, судебныя власти добились отъ него признанія подъ присягою, что убійца его — вышеупомянутый Тененбаумъ, отомстившій за арестованіе его Титовымъ въ февралѣ. Тѣмъ не менѣе, судъ вторично, по недостаточности уликъ, оправдалъ Тененбаума и его товарищей. Соколовская же команда лишилась одного изъ самыхъ дѣльныхъ и безстрашныхъ стражниковъ...

Послѣ Титова осталась вдова съ дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ жизни. Ей было выдано единовременное пособіе въ размѣрѣ 150 рубл. и назначена пенсія по 150 руб. въ годъ.

Покойный происходилъ изъ крестьянъ Могилевской губ. и до поступленія въ стражники служилъ въ Варшавскомъ жандармскомъ управленіи желѣзныхъ дорогъ.

Семень Яковлевичъ Поротиковъ.

Младшій городской гор. Ростовъ н/Д. Умеръ отъ ранъ въ сентябрь 1904 года.

Послѣ подавленія революціоннаго возстанія, на своемъ посту въ г. Ростовѣ на Дону мученически пострадалъ и умеръ младшій городской третьяго участка Семень Яковлевичъ Поротиковъ.

Стоя на посту на Большой Садовой улицѣ, вблизи городской Николаевской больницы, онъ услыхалъ выстрѣлы.

Встревоженный С. Я. бросился по направленію, откуда они были слышны. Стрѣляли очевидно экспроприаторы, преслѣдую добычу, которая отъ нихъ ускользнула. Вѣрный своему долгу, городской схватилъ стрѣлявшаго за руку, но тотъ быстрымъ движеніемъ другой руки направилъ на

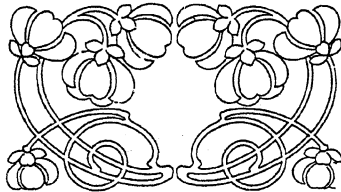
Поротикова браунягъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ него, самъ бросился бѣжать.

Тяжело раненый въ голову, около правой брови, Поротиковъ упалъ. Когда явилась помощь, было поздно: преступникъ скрылся, а въ лужѣ крови плавалъ храбрый городской.

Его немедленно перенесли въ больницу. Страданія его были ужасны. Голова опухла и сильный жаръ смѣнился ознобомъ. Наступило безсознательное состояніе, но, до наступленія его, онъ причастился Св. Тайнъ, даже почувствовалъ облегченіе, потомъ горячка охватила его всего, внутренній жаръ началъ его палить и герой на 12-й день скончался.

Любимый начальствомъ и товарищами, Поротиковъ былъ ревностнымъ исполнителемъ своего дѣла вездѣ успѣвалъ и всюду старался оказаться полезнымъ.

Смерть его опечалила всѣхъ, знавшихъ его. Похоронили С. Я. съ воинскими почестями, какъ героя, а память о немъ сохранилась среди окружающихъ и нескоро забудутъ они добраго и честнаго служаку!

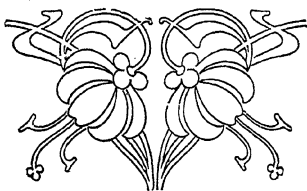
Илья Давидовичъ Саванели.

Помощникъ полицейскаго офицера гор. Карса. Убитъ 1-го марта
1905 года.

Очень скудны, къ сожалѣнью, свѣдѣнiя объ этомъ мученикѣ, которыми мы располагаемъ. Онъ палъ жертвою въ самомъ началѣ проклятой смуты, когда поднявшая голову крамола объявила борьбу съ властью не на жизнь, а на смерть, когда отъ ея предательскихъ ударовъ сотнями, тысячами гибли скромные герои служебнаго долга и когда не успѣвали не только записывать подробности революціонныхъ злодѣяній, но и, кажется, хоронить жертвы крамольниковъ...

Долголѣтняя служба покойнаго въ разныхъ полицейскихъ должностяхъ, знанiе туземныхъ нарѣчiй и мѣстныхъ условiй быта, ревностное отношенiе къ своимъ обязанностямъ—всѣ эти качества покойнаго дѣлали его, повидимому, въ глазахъ сплошь революціонно настроеннаго туземнаго населенiя особенно опаснымъ противникомъ. Злодѣямъ необходимо было устранить Саванели съ ихъ преступнаго пути въ первую голову. И революціонный смертный приговоръ надъ нимъ былъ приведенъ въ дѣйствиe 1 марта 1905 г. въ 10 часовъ утра, когда онъ по дѣламъ службы, проходилъ по Александровской улицѣ гор. Карса. Нѣсколько предательскихъ выстрѣловъ въ спину мгновенно оборвали нить жизни этого честнаго и мужественнаго слуги Царя и родины. Тѣло покойнаго, прострѣленное пулями, было взято его родственниками въ гор. Ахалкалаки, на родину, и здѣсь погребено—скромно, безъ всякихъ почестей...

Какъ видно изъ послужного списка Саванели онъ происходилъ изъ грузинскихъ потомственныхъ дворянъ. Тѣмъ больше чести, что въ году кровавой смуты, когда многіе изъ его соплеменниковъ примкнули къ революціонному движенію, онъ продолжалъ честно и добросовѣстно нести свои тяжелыя обязанности, не поколебался выступить на борьбу за начала русской государственности и порядка даже противъ своихъ собратьевъ. Въ теченіе девятнадцати лѣтъ онъ служилъ по полиціи, занимая послѣдовательно должности сверхштатнаго канцелярскаго служителя, переводчика при полицейскомъ управленіи и, наконецъ, помощника полицейскаго офицера. Погибъ онъ мученическою смертію на 45-мъ году жизни.

Иванъ Тимофѣевичъ Вѣтровъ.

Полицейскій конный стражникъ Орловской полиціи.

Убитъ 28 февраля 1908 г.

Въ Орловской губернской тюрьмѣ, 28 февраля 1908 года, по почину бывшихъ тамъ уголовно-политическихъ преступниковъ, произошелъ бунтъ арестантовъ, во время котораго были ранены два стражника Орловскаго резерва.—Иванъ Тимофѣевъ Вѣтровъ и Андрей Поздняковъ. Первый изъ нихъ, какъ получившій тяжелья пораненія, черезъ шесть дней скончался, а второй чрезъ нѣкоторое время выздоровѣлъ.

Обстоятельства этого прискорбнаго событія представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ огромномъ числѣ (700 чел.) содержавшихся въ то время въ Орловской тюрьмѣ арестантовъ было 70 человекъ изъ уголовно-политическихъ, принадлежавшихъ къ революціонно-боевой дружинѣ, которая совершала свои грабежи, „экспроприаціи“ и разбой какъ городѣ Брянскѣ, такъ и въ его уѣздѣ. Пятеро изъ этихъ злодѣевъ, наиболѣе тяжкихъ, приговорены были къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Чтобы избѣжать такой позорной казни, они вознамѣрились какимъ-либо способомъ ранѣе казни лишить себя жизни и съ этой цѣлью при помощи неизвѣстнаго лица достали себѣ ядъ; но замыселъ ихъ былъ своевременно обнаруженъ и его послѣдствія предотвращены. Тюремный надзоръ, состоявшій въ то время изъ 32 человекъ надзирателей, былъ усиленъ еще нѣсколькими стражниками, которые были поставлены внутри и снаружи зданія.

28 Февраля 1908 г. въ 4 часа дня явилась необходимость освѣжить воздухъ въ арестанскихъ камерахъ и по

этому случаю заключенных выпустили на прогулку принявъ соотвѣтствующія мѣры къ усиленію за ними надзора разстановкою въ разныхъ мѣстахъ особыхъ стражниковъ. Стражникъ Андрей Поздняковъ въ это время находился на посту внутри корридора, а Иванъ Вѣтровъ на дворѣ, противъ окна, выходящаго изъ корридора. Въ виду этихъ подготовленій къ выпуску на прогулку, пятеро изъ арестантовъ-дружинниковъ, подъ руководствомъ извѣстнаго грабителя, бывшаго дворянина Заленскаго, рѣшили воспользоваться этимъ моментомъ для побѣга. Они сговорились сдѣлать при выпускѣ неожиданное и дружное нападеніе на надзирателей и, пользуясь суматохой, открыть себѣ путь къ побѣгу. Съ этой цѣлью изъ разорванныхъ простынь и рубашекъ они понадѣлали себѣ жгуты съ завернутыми внутри кирпичами. Когда четыре надзирателя отворили камеры и стали выпускать арестантовъ, заговорщики стремительно и яростно бросились на нихъ, нанося оглушительные удары кирпичами въ жгутахъ, и, не давая имъ опомниться, обезоружили ихъ. Въ этотъ же моментъ тяжело раненъ въ голову стражникъ Поздняковъ, у котораго бунтовщики отняли винтовку.

Начальникъ тюрьмы Чижевъ, извѣщенный объ этомъ бунтѣ арестантовъ, тотчасъ же вызвалъ по телефону дежурную роту 141-го пѣхотнаго Можайскаго полка и 20 человекъ стражниковъ и собравъ оставшихся стражниковъ, рѣшилъ съ опасностью для собственной жизни дать отпоръ бунтовщикамъ и, не допустить ихъ побѣга. Одновременно съ этимъ къ зданію тюрьмы прибыли извѣщенные о происшествіи тюремный инспекторъ фонъ-Кубе, руководившій охраной и обороной, и офицеръ стражи Ивановъ.

При началѣ бунта стоявшій на посту внѣ стѣнъ зданія стражникъ Иванъ Вѣтровъ, какъ только услышалъ необычный шумъ и выстрѣлы внутри зданія, бросился къ окну корридора, но зачинщикъ бунта арестантъ Заленскій выстрѣломъ изъ винтовки ранилъ его въ лѣвую сторону груди на вылетъ. Подбѣжавшій начальникъ тюрьмы, съ трудомъ удерживая раненаго, отвелъ его въ сторону, а потомъ отправилъ въ военный лазаретъ. Между тѣмъ бун-

товщики вырвались наружу зданія; пятеро изъ нихъ, отстрѣливаясь направо и налево, проложили себѣ путь къ штабелямъ дровъ и изъ-за нихъ, какъ изъ-за баррикады, начали дружно стрѣлять въ надзирателей и стражниковъ. Коноводъ бунта Заленскій, видя неизбежно печальный конецъ своей безумной затѣи, попытался винтовкой сломать замокъ у двери башни и въ ней найти себѣ защиту, но это ему не удалось и онъ погнулъ лишь дуло винтовки. Не видя никакого исхода изъ своего отчаяннаго положенія, Заленскій выстрѣлилъ въ начальника тюрьмы Чижова, но пуля, вслѣдствіе искривленія дула винтовки, пошла въ сторону и начальникъ тюрьмы остался невредимъ. Чижовъ въ свою очередь выстрѣлилъ и ранилъ арестанта Заленскаго, который потомъ, подъ дружными выстрѣлами стражниковъ, палъ вмѣстѣ съ остальными своими соучастниками, забаррикадировавшимися и стрѣлявшими изъ-за дровъ. Перестрѣлка въ общемъ продолжалась не менѣе 40 минутъ.

Изъ раненыхъ стражниковъ Поздняковъ, полежавъ въ лазаретѣ поправился, а Ивана Вѣтрова никакими средствами поставить на ноги не удалось, такъ какъ пуля прошла на вылетъ въ околосердечной области, и вѣрный исполнитель своего долга 6 марта скончался на 32-мъ году жизни.

Изъ біографическихъ данныхъ Ивана Вѣтрова извѣстно только, что по выслугѣ срока военной службы въ драгунскомъ Чугуевскомъ полку въ 1906 году онъ вышелъ съ званіемъ старшаго унтеръ-офицера и служилъ первоначально городовымъ въ г. Кіевѣ. Въ этой должности онъ и пробылъ полтора года, уволившись по домашнимъ обстоятельствамъ, потомъ жилъ нѣкоторое время въ деревнѣ. 18 марта 1907 года поступилъ стражникомъ въ Орловскій резервъ и пробылъ по день своей трагической смерти. Иванъ Вѣтровъ отличался примѣрнымъ поведеніемъ, необыкновенной энергіей, честностью и аккуратностью въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Среди своихъ товарищей онъ пользовался большимъ уваженіемъ и горячей любовью.

Прахъ почившаго слуги отечества, послѣ отпѣванія въ мѣстномъ соборѣ, былъ торжественно, съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ и военной музыки, перенесенъ въ родное село Вѣтрова—Зміево, гдѣ покойный крестился, и здѣсь предано землѣ на мѣстномъ кладбищѣ съ подобающими почестями. Въ проводахъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія преждевременно погибшаго Вѣтрова принимали участіе представители администраціи и стражники. На могилу его возложено было нѣсколько вѣнковъ.

Вѣтровъ былъ холостъ, послѣ его смерти осталась его престарѣлая мать Евгенія Осипова Вѣтрова, 76 лѣтъ, и четыре сестры. Покойный отдавалъ половину своего жалованья старушкѣ матери, что служило ей большимъ подспорьемъ въ веденіи ихъ убогаго домашняго хозяйства. Нынѣ вдовѣ-матери покойнаго Ивана Вѣтрова, лишившейся своего единственнаго кормильца, назначена Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи закона 18 марта 1909 года, пенсія въ размѣрѣ 60 рублей въ годъ.

Афанасій Расточило.

Городовой г. Новомосковска, Екатеринославской губ.
Убитъ 8-го февраля 1903 года.

Стоя на своемъ посту у казенной винной лавки, Афанасій Расточило увидалъ, что у магазина Пашкова, уже закрытаго по случаю поздняго времени, т. к. было около полуночи, кто-то бродить. Ему показалось это подозрительнымъ и онъ спросилъ въ темноту: кто тамъ? Ему никто не отвѣчалъ, но воцарилась тишина и безлюдье тамъ, гдѣ шатались какіе-то люди.

Было холодно; страшная вьюга недавно разыгравшаяся, улеглась и подулъ сѣверный вѣтеръ.

Городовой ходилъ въ районъ своего поста и пытался согрѣться, но его одежда плохо защищала отъ стужи и онъ терпѣливо ожидалъ смѣны. Ему и въ голову не пришло согрѣться рюмкой, другой вина, такъ какъ это явилось бы нарушеніемъ его долга, а Афанасій Расточило

всегда былъ честенъ и со страшной щепетильностью относился къ своимъ обязанностямъ. Ночь медленно ползла, казалось конца ей не будетъ. Такъ всегда бываетъ, когда человекъ утомленъ или озябъ.

Подлѣ магазина Пашкова снова закопошилось что-то и на снѣгу вырисовались темные силуэты.

— Уходите, а то стрѣлять буду! предупредилъ Расточило, угадывая недоброе.

Городовому не дали даже сдѣлать выстрѣла. Сзади къ нему подкрался какой-то негодяй, и оглушилъ его, ударя чѣмъ-то тяжелымъ по головѣ, когда же онъ упалъ, его доби́ли, почти не произведя шума, а сами, боясь быть пойманными, бросили намѣреніе ограбить намѣченный ими магазинъ и скрылись.

Когда Афанасія Расточило нашли лежащимъ на снѣгу, онъ былъ мертвъ. Слѣды убійцы смѣшались съ массой слѣдовъ на снѣгу и найти ихъ не было возможно, потому что, очевидно, у нихъ были въ запасѣ лошади и повозка, скрытыя вблизи, на которыхъ они бѣжали.

Такъ и осталось неизслѣдованнымъ еще одно кровавое преступленіе, но Богъ справедливъ и негодяи, рано или поздно, понесутъ заслуженную кару.

Матвѣй Ѳомичъ Таврель.

Околodочный надзиратель Гродненской полиціи.

Францъ Осиповичъ Новикъ и Никифоръ Николаевичъ Селезневъ.

Городовые гор. Гродно. Всѣ трое убиты 11 января 1907 года.

Три цвѣтущихъ жизни сразу потребовало это кошмарное происшествіе, о которомъ и донынѣ жители Гродны

говорять съ душевнымъ содроганіемъ. Дѣло, по даннымъ судебного слѣдствія и по свѣдѣніямъ мѣстнаго полицейскаго управленія, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

11 января 1907 года, въ 11 час. утра, тюремный надзиратель Коханскій проходилъ по Мастерскому переулку, находящемуся въ той части города, которая наиболѣе густо населена евреями. Послѣдніе, несмотря на завѣренія мѣстной администраціи о наступившемъ, будто бы, успокоеніи, все еще проявляли крамольную дѣятельность и держали себя въ отношеніи представителей власти дерзко, вызывающе. „Избранному племени“ не такъ то легко было примириться съ мыслью, что безумная и хаотическая смута, въ которой его представители принимали такое дѣятельное участіе, миновала безвозвратно. А потому они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы раздуть потухавшій костеръ революціи и по прежнему, отъ времени до времени и, какъ водится, охотнѣе всего чужими руками дѣйствовали въ этомъ направленіи.

Среди гродненскихъ жидовъ-революціонеровъ у Коханскаго, повидимому, были особенно озлобленные враги, которые ждали удобнаго момента, чтобы безнаказанно свести съ нимъ счеты. Настоящій моментъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ этимъ подлымъ намѣреніямъ. Коханскій проходилъ одинъ по той части города, населеніе которой всегда оказало бы помощь и дало бы убѣжище „своимъ“. Едва Коханскій поровнялся съ мастерской ящиковъ нѣкого Шерешевского, какъ со двора этого дома выбѣжали на улицу два молодыхъ еврея. Одинъ изъ негодаевъ на ходу выстрѣлилъ въ Коханскаго и ранилъ его въ животъ. Затѣмъ оба пустились бѣжать безъ оглядки по направленію къ Купеческой улицѣ. Несмотря на рану, Коханскій нашель въ себѣ еще силы тоже выстрѣлить въ убѣгавшихъ преступниковъ, а затѣмъ, шатаясь, поплелся въ тюрьму. Звуки выстрѣловъ, между тѣмъ, услышалъ стоявшій на посту, на сосѣдней Купеческой улицѣ, городской Сухоцкій. Не будучи въ состояніи опредѣлить, что и гдѣ происходитъ онъ наудачу бросился въ Мастерской переулкъ и тутъ столкнулся съ выходящими изъ дома Абрамскаго околоч-

нымъ надзирателемъ Таврелемъ, старшимъ городовымъ Лозовскимъ и еще однимъ—Селезневымъ, тоже прибѣжавшимъ изъ сосѣдней улицы на звуки выстрѣловъ. Таврель и Лозовскій успѣли замѣтить, что преступникъ, стрѣлявшій въ тюремнаго надзирателя Коханскаго, скрылся во дворѣ дома Бульковштейнъ, а его товарищъ успѣлъ улепетнуть въ боковую улицу. Послѣ краткаго совѣщанія всѣ чины полиціи направились въ домъ Бульковштейнъ. Сама домовладѣлица, Цирля Бульковштейнъ, занимала квартиру въ нижнемъ этажѣ. Лишь только городской Селезневъ открылъ дверь этой квартиры, какъ изъ полутемнаго корридорчика грянулъ выстрѣлъ, которымъ былъ убитъ наповалъ околоточный надзиратель Таврель. Другой городской Лозовскій отвѣчалъ на выстрѣлъ преступника изъ револьвера и успѣлъ замѣтить, что преступникъ схватился сперва за голову, а затѣмъ опрометью перебѣжалъ изъ квартиры домовладѣлицы въ квартиру портного Штеймана, напротивъ. Теперь приходилось брать эту квартиру приступомъ. Вскорѣ сюда явились: жандармскій ротмистръ Науменко, помощникъ пристава Воропаевъ, жандармскій вахмистръ и еще одинъ городской. Всѣ направились въ квартиру Штеймана. Въ то время, какъ часть остановилась въ передней, чтобы сторожить выходъ, другіе прошли вглубь квартиры, до послѣдней комнаты, гдѣ скрывался за печкою преступникъ. Вошедшихъ онъ встрѣтилъ залпомъ выстрѣловъ. Городской Селезневъ, находившійся впереди, упалъ замертво на полъ. Необходимо было ретироваться, ибо въ противномъ случаѣ преступникъ, пользуясь преимуществомъ своего положенія, легко перестрѣлялъ бы всѣхъ. Подъ градомъ неумолкавшихъ выстрѣловъ, весь нарядъ полиціи оставилъ квартиру. О происшествіи дано было знать губернатору. По распоряженію послѣдняго, тотчасъ явившагося къ мѣсту происшествія, изъ сосѣднихъ квартиръ и домовъ были удалены жильцы. Былъ выребованъ усиленный нарядъ полиціи и казаковъ, которые открыли стрѣльбу по квартирѣ, гдѣ засѣлъ злоумышленникъ. Спустя нѣкоторое время, когда онъ пересталъ отстрѣливаться, полиція проникла въ квартиру и здѣсь обнаружила уже трупъ

преступника. Возлѣ него валялись на полу его собственный браунингъ и револьверъ убитаго имъ городского Селезнева, а также пустая обойма. На столѣ лежалъ лоскутъ сукна, выкроеннаго изъ брюкъ, на которомъ было написано по-еврейски: „Я стрѣлялъ въ Коханскаго. Оружіе замерзши. Я пишу свѣчкой. Пуля застряла въ дулѣ и не вышла. Хочу все написать, но я раненъ“. Затѣмъ на поясѣ брюкъ значилась надпись карандашемъ: «Я былъ раненъ въ правую руку. Я убилъ городского и взялъ у него»... Дальше запись становилась совсѣмъ неразборчивою.

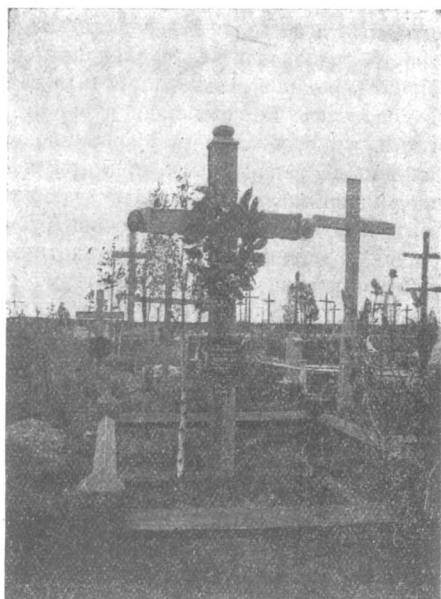
Въ то время, какъ происходило вышеописанное въ Мастерскомъ переулкѣ, за другимъ преступникомъ, соучастникомъ убитаго, снаряжена была погоня. Его удалось задержать городовому Францу Новичу возлѣ центральной гостинницы, на Парадной площади. Зная мстительный нравъ мѣстныхъ евреевъ, городской Новичъ не рѣшился одинъ отвести задержаннаго, а пригласилъ проходившихъ по улицѣ жандармскаго унтеръ-офицера Отаповича и рядоваго 2-й роты мѣстнаго крѣпостнаго батальона Пестрикова совмѣстно конвоировать преступника. Предчувствіе не обмануло Новика. Когда конвоировавшіе проходили по Соборной улицѣ, на нихъ сзади напала толпа молодыхъ евреевъ, давшая по нимъ залпъ. Всѣ сопровождавшіе были ранены, а преступникъ, воспользовавшись этимъ и замѣшательствомъ публики, успѣлъ скрыться. Раненые были отвезены въ лазаретъ, гдѣ городской Новичъ вскорѣ, не приходя въ сознаніе, скончался.

Эта кошмарная драма, въ которой такъ ярко вырисовывается гнусное, предательское поведеніе революціонеровъ-жидковъ и всей жидовской массы, населяющей Гродно, происходила среди бѣла дня, въ большомъ губернскомъ городѣ, на глазахъ чуть-ли не всего мѣстнаго населенія. Удивляться ли послѣ этого, что христіанское населеніе, видѣвшее до какихъ предѣловъ простирается жидовская наглость и гнусность, глумленіе надъ всѣмъ дорогимъ и священнымъ для русскаго человѣка, кое гдѣ выходило изъ границъ терпѣнія и чинило надъ евреями самосудъ?..

Біографическія свѣдѣнія объ этихъ трехъ несчастныхъ

жертвахъ очень кратки. Таврель родился 20 октября 1862 г. въ с. Шембелевцы, Сувалкской губ., и по отбытіи воинской повинности былъ принятъ на полицейскую службу сперва городовымъ, а затѣмъ въ воздаяніе его усердію и добросовѣстности произведенъ въ околоточные надзиратели. Городовой Новикъ родился 18 декабря 1879 года и происходилъ изъ крестьянъ Гродненской губерніи. Состоя на военной службѣ, участвовалъ въ русско-японской войнѣ. Послѣ увольненія въ запасъ былъ принятъ на службу по полиціи. Городовой Селезневъ родился 6 августа 1881 года и происходилъ изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, тоже отбывалъ воинскую повинность въ 102 пѣхотномъ Вятскомъ полку, а затѣмъ былъ назначенъ городовымъ гор. Гродно, на каковой должности прослужилъ всего четыре мѣсяца. Послѣ Тавреля осталась вдова съ четырьмя дѣтьми. Новикъ и Селезневъ были холостыми.

Иванъ Мартыновичъ Хибовскій.

Земскій стражникъ г. Бѣлы, Сѣдлецкой губ. Убитъ 9-го іюля 1907 года.

9-го іюля 1907 года, около 10 час. вечера, И. М. Хибовскій шелъ по Гробановской улицѣ города Бѣлы. Во мракѣ не видно было лицъ проходившихъ мимо и шедшихъ въ ту же сторону людей.

За Хибовскимъ слѣдовалъ какой то субъектъ, шагъ за шагомъ не отставая отъ него. Иногда онъ шелъ почти рядомъ и стражникъ не подозрѣвалъ, что то шла его смерть. Когда вокругъ шедшаго Хибовскаго не видно было никого,—ни вблизи, ни на разстояніи,—неизвѣстный вдругъ, сзади, какъ это чаще всего дѣлаютъ эти негодяи, выстрѣлилъ ему въ голову и убилъ на повалъ. Пока на выстрѣль

сбѣжались, убійца исчезъ, но, очевидно, онъ былъ не одинъ, потому что всѣ шедшіе недавно по улицѣ люди вдругъ тоже исчезли. Надо полагать, это были все товарищи стрѣлявшаго.

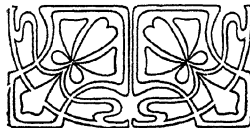
Несчастливая молодая вдова убитаго едва не сошла съ ума, когда къ ней пришли сказать о смерти мужа, такой неожиданной и такой ужасной.

Хибовскій былъ уроженцемъ той же губерніи, въ которой былъ убитъ. Такимъ образомъ родная земля покрыла его послѣднее ложе, земля, на которой онъ родился, жилъ, работалъ и храбро несъ тяжелую и опасную службу.

Выйдя въ запасъ изъ 39-го драгунскаго Нарвскаго полка, онъ поступилъ на службу въ полицейскую стражу Зугдидскаго уѣзда Кутаисской губерніи, гдѣ удостоился пожалованья приказомъ, по управленію Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ отъ 25-го Сентября 1905 года, серебряной медали „За храбрость“ для ношенія на груди на Георгіевской лентѣ. Затѣмъ Хибовскій служилъ городовымъ въ варшавской полиціи, откуда перешелъ въ Бѣльскую, Сѣдлецкой губерніи, команду земской стражи.

Вдовѣ покойнаго Іозефъ были выданы пособія и назначена пенсія по 72 рубля въ годъ.

Похороненъ былъ Хибовскій какъ герой; почти все населеніе шло за его гробомъ.

Матвѣй Матвѣевичъ Пуцисъ.

Городовой г. Вильны. Убитъ 17 іюня 1906 года.

Еще жертва іудейскаго террора въ злополучномъ городѣ Вильнѣ, густо населенномъ евреями,—и на этотъ разъ одинъ изъ преступниковъ, Израиль Майзель, былъ схваченъ и по приговору Виленскаго военно окружнаго суда казненъ. Обстоятельства еврейско-террористическаго акта и убійства городского такovy: 17 іюня 1906 г. виленскимъ полиціймейстеромъ было получено свѣдѣніе о готовящемся того же числа нападеніи членовъ преступной разбойно-террористической организаціи на содержателя кондитерской въ домѣ № 20, по Нѣмецкой улицѣ, Левина за то, что онъ не исполнилъ требованіе экспроприаторовъ-грабителей о выдачѣ имъ 300 рублей. Для поимки грабителей и терроризирующихъ горожанъ вымогателей была сдѣлана засада около дома № 20 изъ нѣсколькихъ чиновъ полиціи мѣстнаго и сосѣднихъ участковъ. Въ составъ скрытыхъ городскихъ входилъ и городской 1-го участка Матвѣй Пуцисъ.

Въ тотъ же день вечеромъ около 10 часовъ, предъ закрытіемъ торговли, нѣсколько человекъ евреевъ, вооруженныхъ револьверами, явились въ кондитерскую Левина для приведенія въ исполненіе своихъ угрозъ; но замѣтивъ и догадавшись о сдѣланной для ихъ поимки засадѣ, бросились обратно къ выходамъ, стрѣляя на пути въ попавшихся имъ навстрѣчу нѣкоторыхъ городскихъ. Пользуясь темнотою, неожиданностью и выгодой своего положенія, они безошибочно цѣлили въ одѣтыхъ въ полицейскую форму людей. Ихъ многочисленными выстрѣлами были ранены

три человекъ: околоточный надзиратель Лапшинъ въ плечо, городской Усевичъ или Юхевичъ въ шею и городской Пуцисъ тремя пулями смертельно въ грудь. Послѣдній черезъ нѣсколько часовъ, по доставленіи въ Виленскій госпиталь св. Іакова, скончался.

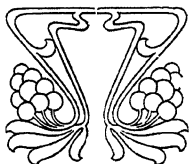
Изъ стрѣлявшихъ преступниковъ—террористовъ при этомъ задержанъ былъ только одинъ, назвавшійся Израиломъ Майзелемъ; остальные успѣли скрыться и найдены не были, такъ какъ схваченный еврей не пожелалъ ихъ выдать, несмотря на полученный смертный приговоръ воеводскаго суда.

Трагически погибшій при исполненіи своего служебнаго долга городской Матвѣй Матвѣевичъ Пуцисъ происходилъ изъ крестьянъ Оранской волости, Трокскаго уѣзда, Виленской губерніи. Послѣ отбыванія воинской повинности, по выходѣ въ запасъ съ званіемъ ефрейтора 10-го пѣхотнаго Уфимскаго полка, поступилъ на службу Виленской городской полицейской команды съ 20 января 1906 г., а 17 іюня того же года погибъ отъ пуль злодѣевъ. Вѣроисповѣданія почившій былъ римско-католическаго, не женатый. Къ своимъ обязанностямъ службы относился безукоризненно.

Послѣ смерти городского Пуциса остались, находившіеся на его иждивеніи, престарѣлый отецъ 71-го года, мать 62-хъ лѣтъ и братъ Иванъ 40 лѣтъ, беспомощный калѣка. Такимъ образомъ разбойники террористы, убивъ кормильца семьи—косвенно подѣлили жизнь еще трехъ человекъ.

Этотъ фактъ убійства городского Пуциса, пораненій Лапшина и Юхевича, террористическаго вымогательства и нападенія на кондитора и его кассу цѣлой шайки заговорщиковъ евреевъ въ г. Вильнѣ открываютъ глаза всѣмъ русскимъ людямъ, что главными коноводами экспроприаторскихъ шаекъ, главными авторами подкидныхъ писемъ съ вымогательствомъ денегъ и угрозами и главными исполнителями террористическихъ убійствъ, по крайней мѣрѣ въ западномъ, населенномъ евреями краѣ, являлись въ огромномъ большинствѣ случаевъ еврей, хотя пользуясь пра-

вомъ повсемѣстнаго передвиженія, они столь же часто оказывались организаторами преступленій и во многихъ другихъ мѣстностяхъ русской имперіи. Имъ преимущественно нужна была русская революція, они преимущественно грабили деньги для себя и для фабрикаціи бомбъ, ими устроены едва ли не всѣ террористическіе акты и убійства, а попадаютъ они въ руки суда и расправы рѣдко. Изъ цѣлой шайки виленскихъ террористовъ, обнаруженныхъ въ данномъ случаѣ, попался одинъ только еврей Майзель. Отсюда понятно, почему революціонные убійства и грабежи такъ медленно ослабѣваютъ: ихъ главы и коноводы на свободѣ.

Каленикъ Іовлевичъ Обламецъ.

Полицейскій урядникъ Новохоперскаго уѣзда, Троицкой волости, Воронежской губ. Убитъ 27-го Ноября 1907 года.

За свою недолгую но полезную плодотворную дѣятельность на поприщѣ служенія интересамъ родины К. І. Обламецъ заслужилъ имя честнаго служаки и хорошаго товарища.

Происходя изъ крестьянъ села Чутова, Полтавской губерніи, того же уѣзда, Каленикъ Іовлевичъ состоялъ въ должности урядника Новохоперскаго уѣзда съ 15-го октября 1907 года и 27-го Ноября того же года былъ убитъ.

По распоряженію начальства, а также по собственному побужденію, онъ взялъ на себя задачу выслѣдить грабительскую шайку разбойника Грачева, скрывавшуюся въ Новохоперскомъ уѣздѣ.

Въ трактирномъ заведеніи села Троицкаго онъ попалъ на слѣдъ негодяевъ и, сѣвъ за столъ, сталъ слѣдить за вошедшей въ трактиръ компаніей, которая сразу замѣтила его и хотѣла улизнуть, но Обламецъ велѣлъ ихъ задержать и разбойники рѣшились на крайнія мѣры. Они открыли

стрѣльбу изъ револьверовъ и убили на мѣстѣ энергичнаго урядника, а затѣмъ, пользуясь суматохой, бѣжали и скрылись въ ближайшемъ оврагѣ, откуда пробрались въ лѣсъ.

Обламецъ былъ убитъ 27 лѣтъ, въ разцвѣтѣ жизни и дѣятельности. Смерть его глубоко опечалила его начальство, возлагавшее на него большія надежды и товарищей, искренно любившихъ его.

Относительно его семейнаго положенія къ сожалѣнiю не можемъ ничего сказать, такъ какъ свѣдѣнiй на этотъ счетъ у насъ не имѣется, но отзывы о покойномъ всѣхъ знавшихъ его самые хорошіе и свѣтлые для памяти погибшаго такъ рано дѣятельнаго слуги Царева,

Степанъ Спиридоновичъ Андреевъ.

Полицейскій стражникъ Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи.
Убитъ 21 февраля 1909 года.

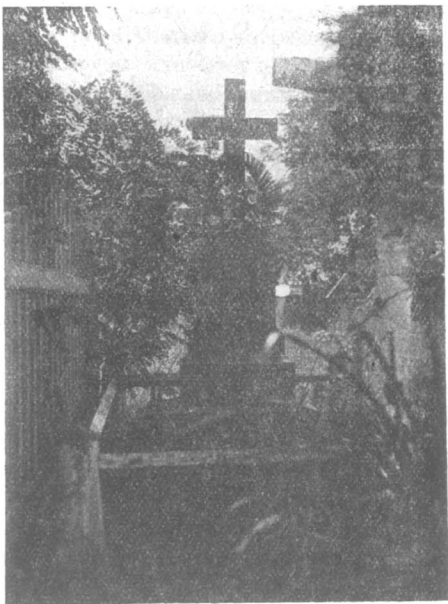
Не легка служба въ кадрахъ охранителей общественнаго порядка и безопасности въ годы смуты и революціонныхъ выпадовъ, не вдругъ утихающихъ и въ послѣдующіе за смутю годы. Только три дня прослужилъ на своемъ новомъ посту стражника Степанъ Спиридоновичъ Андреевъ. Приѣхавъ 18 февраля 1909 г. изъ г. Саратова въ Аткарскій уѣздъ стражникомъ при экономіи Широченко, Андреевъ на третій день, 21 того же Февраля, долженъ былъ сопровождать ѣхавшихъ съ винокуреннаго завода г-на Широченко двухъ акцизныхъ чиновниковъ—Ручьева и Веригина. Спрятавшіеся на ихъ пути въ кустахъ неизвѣстные злоумышленники поджидали съ приготовленными ружьями свою жертву. Едва экипажъ съ сѣдоками показался и видѣнъ сталъ сопровождавшій ихъ въ полицейской формѣ стражникъ, какъ грянули выстрѣлы и пронзенный пулею стражникъ за-мертво упалъ. Злоумышленники безслѣдно исчезли, они достигли своей гнусной цѣли и скрылись; мѣшавшій злымъ ихъ дѣяніямъ полицейскій мундиръ устраненъ хотя временно.

Павшій жертвою служебнаго долга Степанъ Спиридоновичъ Андреевъ родился 26 декабря 1865 года. Происходилъ изъ казачьихъ дѣтей области Войска Донскаго, Хоперскаго уѣзда, Проваторовской станицы, хутора Лобачевскаго, гдѣ и воспитывался съ малыхъ лѣтъ. Въ 1884 году онъ присягнулъ на вѣрность Царю и отечеству, а 19 марта 1887 года былъ командированъ на службу въ 1-й Донской казачій полкъ строевымъ коннымъ. Здѣсь онъ выу-

чился грамотѣ и прошелъ курсъ учебной команды и оружейно-мастерской. 15 марта 1890 года былъ произведенъ въ младшіе урядники. По выслугѣ срока службы прибылъ 4 марта 1891 года на льготу на Донъ, началъ заниматься здѣсь земледѣліемъ и обзавелся семьей. Онъ былъ хорошимъ семьяниномъ, пользовался уваженіемъ и любовью въ своемъ обществѣ. Въ 1907 году отправился и поступилъ на службу стражникомъ въ г. Саратовъ, а черезъ два года, съ 18 февр. 1909 г., перешелъ стражникомъ въ уѣздъ г. Аткарска и 21-го того же февраля былъ уже предательски убитъ выстрѣлами подстерегавшихъ его крамольниковъ по дорогѣ отъ экономіи Широченко.

Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ смерти казака-стражника Андреева, погибшаго при исполненіи своихъ обязанностей, не получено. Фотографіи не имѣется. Остается для памяти потомкамъ лишь его честно исполненный долгъ.

Игнатій Игнатьевичъ Лавничукъ-Леванчукъ.

Земскій стражникъ Соколовскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Скончался отъ ранъ 21-го Мая 1906 года.

Далеко, въ глубь Гродненской губерніи, въ убогую хату, гдѣ жила одинокая старуха Іоанна Лавничукъ-Леванчукъ, пришла горькая вѣсть о смерти единственнаго сына, кормильца и радости матери. Тяжело поразило это извѣстіе родное сердце! Давши сыну жизнь, она не могла оградить его отъ смерти, не могла спасти сына отъ тяжкихъ ранъ, нанесенныхъ преступною рукою!

Но еще горше сердцу матери было узнать, какую муку испытало ея дитя, умирая среди чужихъ, одинокимъ, истерзаннымъ пулями злодѣя!

Молодымъ, полнымъ силъ и надежды умеръ Игнатій Лавничукъ! Много еще впереди сулила ему долгая, дѣятельная жизнь, но Богу угодно было увѣнчать его вѣнцомъ мученика,—на все Его Святая Воля!

Ночью, 20-го Мая, когда этотъ неусыпно-дѣятельный стражникъ проѣзжалъ мимо Эльжбетовскаго свекло-сахарнаго завода, въ 2-хъ верстахъ отъ города Соколова, на него напали неизвѣстные злоумышленники. Они залпомъ изъ револьверовъ ошеломили и заставили Лавничука упасть на землю, гдѣ, истекая кровью, лежалъ онъ въ ожиданіи помощи въ то время, какъ его убійцы скрылись.

Испытывая тяжелыя страданія, несчастный лишился сознанія отъ боли и точно въ бреду бормоталъ:

— Мама! дай пить!... Какъ же ты теперь будешь родная!...

Онъ чувствовалъ смерть и она уже рѣяла надъ его изголовьемъ,—неумолимая, беспощадная!

Умирающаго перевезли въ сѣдлецкую больницу Пресвятой Дѣвы Маріи, гдѣ, не приходя въ сознаніе, онъ скончался 21-го Мая.

Какая то грустная улыбка разлилась по его мертвому лицу, точно недоумѣніе: за что меня убили? вѣдь я только исполнялъ свой долгъ!

Похоронили Игнатія Лавничука на мѣстномъ кладбищѣ на казенный счетъ. Похороны были торжественны и на могилѣ сооруженъ прекрасный памятникъ, снимокъ съ котораго здѣсь помѣщенъ.

По Высочайшему повелѣнію, осиротѣвшей старушкѣ, убитой своимъ несчастіемъ, назначена ежегодная пенсія въ размѣрѣ 120 рублей

На памятникѣ, воздвигнутомъ на могилѣ стражника, сдѣлана надпись:

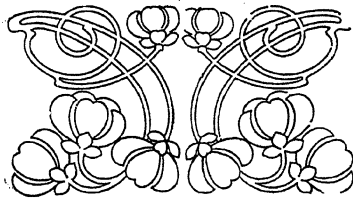
„Младшій стражникъ Соколовской уѣздной команды Игнатій Игнатьевичъ Лавничукъ. Скончался 21 мая 1906 года на 33 году жизни.

„Миръ праху твоему!“

Было предположеніе, что Лавничукъ убитъ потому, что являлся главнымъ и безстрашнымъ свидѣтелемъ въ

дѣлѣ объ убійствѣ старшаго стражника той же команды Василя Титова.

Память по себѣ покойный оставилъ самую свѣтлую, не омраченную ни однимъ трусливымъ или безчестнымъ поступкомъ. Начальство и товарищи искренно оплакивали его безвременную кончину.

Макаръ Никифоровичъ Якушевичъ.

Урядникъ Горьцкаго уѣзда, Могилевской губ. Убитъ 8 сентября 1903г.

Кровавой революціонной смутѣ, какъ извѣстно, предшествовалъ безконечный рядъ забастовокъ и всяческихъ „освободительныхъ“ волненій на фабрикахъ и заводахъ. Неблагонадежные элементы еще задолго до 1905 года проникали во множествѣ на фабрики и заводы, въ самые глухіе углы и въ крупнѣйшіе города, мучили невѣжествен-

ныхъ рабочихъ всякими „пропагандами“, подготовляли заблаговременно революціонную армію или, вѣрнѣе, пушечное мясо, а сами въ опасные моменты, въ большинствѣ случаевъ, скрывались. Много-много загубленныхъ жизней и судебъ этихъ несчастныхъ, распропагандированныхъ смутьянами рабочихъ, крестьянъ и т. д. лежитъ на совѣсти подлыхъ революціонеровъ, если вообще допустить, что у нихъ совѣсть имѣется..

Покойный Якушевичъ палъ жертвою именно въ мѣстахъ такихъ забастовочно-освободительскихъ беспорядковъ на кафельно-изразцовыхъ заводахъ въ заштатномъ городкѣ Копыси и деревнѣ Смѣтанкѣ, Горецкаго уѣзда, Могилевской губ. 8 сентября 1903 года, по порученію своего начальства, онъ находился на заводѣ въ дер. Смѣтанкѣ, гдѣ долженъ былъ слѣдить за поведеніемъ рабочихъ, которые замѣтно волновались. Вечеромъ, когда онъ сидѣлъ на скамейкѣ передъ своей квартирой и разговаривалъ съ завѣдующимъ крахмальнымъ отдѣленіемъ, изъ-за окна раздался ружейный выстрѣлъ, которымъ онъ былъ убитъ наповаль. Какъ послѣ выяснено было дознаніемъ, Якушевича убили мѣстные рабочіе, Шерстневъ и Садовскій, изъ ружья заряженнаго картечью, по уговору съ остальными рабочими, съ цѣлью дать урокъ полиціи, чтобы она не преслѣдовала рабочихъ.

Погибъ покойный на 52-мъ году жизни, былъ женатъ но бездѣтенъ. За продолжительную безпорочную службу по полиціи въ разныхъ должностяхъ имѣлъ серебряную медаль. Онъ былъ уважаемъ начальствомъ за преданность долгу службы и любимъ товарищами и населеніемъ за душевные качества.

Отто Мартыновичъ Блукъ.

Городовой г. Митавы. Убитъ 26-го Апрѣля 1906 года.

Почти каждый городской въ Россіи знаетъ, что его постъ—это постъ, обстрѣливаемый непріателями со всѣхъ сторонъ, но, вѣрный своему долгу, ни одинъ еще изъ нихъ не считался съ этимъ фактомъ настолько, чтобы постоянно думать о мѣрахъ самообороны.

Не думаль, вѣроятно, и О. М. Блукъ о томъ, что его юная семья—жена и малютка дочь—постоянно находятся въ опасности осиротѣть и лишиться своего защитника и кормильца.

Иногда его тревожили сомнѣнія и онъ шелъ домой,

гдѣ улыбка жены и ласки малютки Лидіи его ободряли и возвращали ему его энергію и мужество.

Блукъ происходилъ изъ крестьянъ Эрволенской волости, Тальсенскаго уѣзда, Курляндской губ. На службу онъ поступилъ 27-го іюня 1902-го года и сдѣлался фанатикомъ своего долга. Онъ не допускалъ даже въ мысляхъ, что можно дѣлать сознательно какія нибудь упущенія и вольности по службѣ и начальство особенно цѣнило въ немъ это. Ему поручались самыя рискованныя дѣла, гдѣ часто жизнь его ставилась на карту и онъ всегда оправдывалъ довѣріе начальства и съ честью выходилъ изъ труднаго положенія.

Такъ, въ дни революціоннаго движенія, 26-го Апрѣля 1906 года, Блукъ былъ командированъ вмѣстѣ съ городовымъ Казиміромъ Пшеврцкимъ въ пивной залъ, находящійся на Большой улицѣ № 73, для провѣрки паспортовъ той публики, которая тамъ находилась, главнымъ образомъ не опознанной полиціей. Были получены свѣдѣнія, что въ названномъ домѣ притаилась шайка революціонеровъ, которые среди пьяной и полупьяной публики вербуютъ себѣ адептовъ.

Блукъ засталъ въ залѣ неизвѣстныхъ ему людей и, подойдя къ нимъ, потребовалъ паспорта.

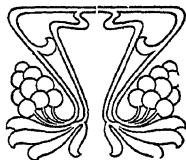
Двое изъ шайки улыбаясь заявили, что сдѣлаютъ это немедленно и стали шарить въ карманахъ. О. М. стоялъ ожидая и вдругъ раздался одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ негодяями въ упоръ и несчастный упалъ, убитый наповаль. Тяжело раненъ былъ и его товарищъ Юревичъ, скончавшійся потомъ отъ ранъ.

При этой перестрѣлкѣ былъ раненъ совершенно непричастный къ дѣлу человекъ, подошедшій къ группѣ изъ любопытства въ началѣ разговора покойнаго Блука съ революціонерами.

Убійцы, пытались бѣжать, но ихъ задержали и оказалось, что это извѣстные во всей Курляндіи революціонеры: Грандовскій и Адамовичъ, давно уже преслѣдуемые закономъ. Въ настоящее время оба они уже казнены.

Смерть славнаго городского произвела на его начальство, на всѣхъ родныхъ и знакомыхъ тяжелое впечатлѣніе. Жена съ малюткой дочерью неожиданно и такъ трагически осиротѣли. Потеря мужа потрясла всю душу горячо любившей молодой женщины, всю надежду на благополучіе и радости жизни.

Умеръ Блукъ, а память о немъ живетъ въ сердцахъ знавшихъ и любившихъ его и окружена свѣтлымъ ореоломъ.

Степанъ Андреевичъ Болиживотъ.

Околоточный надзиратель г. Александровска, Екатеринославской губернии. Убитъ 17 августа 1911 года.

Благодатная Екатеринославская губернія, изобилующая промышленными городами и мѣстечками, была въ массѣ своего населенія сильно распропагандирована въ революціонномъ направленіи во время минувшихъ смутныхъ лѣтъ. Множество фабрикъ и заводовъ—чугунно-литейныхъ, рельсопрокатныхъ и другихъ съ многотысячнымъ рабочимъ населеніемъ—представляло благопріятную почву для развитія въ вѣчно недовольной рабочей средѣ революціонныхъ идей.

Этому особенно много способствовало присутствіе все-свѣтныхъ мнимыхъ „освободителей“ жидовъ, неизбежно всюду облѣпляющихъ промышленные центры и трудящійся людъ. Эксплуатируя прямыми и косвенными путями этотъ людъ, они въ тоже время, подъ сладкіе освободительные

напѣвы, стараются внушить русскимъ простакамъ, что главное зло ихъ стѣсненій—это власти и главнымъ образомъ полиція. Такимъ путемъ революціонные элементы неустанно прививаютъ простому народу враждебное отношеніе ко всякому полицейскому мундиру отъ высшихъ чиновъ до городского включительно. И вотъ эти честные и въ большинствѣ случаевъ безстрашные охранители общественного порядка и безопасности, вѣрные слуги Царя и родины, являются обычно мишенью для пуль, выпускаемыхъ изъ-за угла рукою натасканнаго въ революціонномъ духѣ простака. Получивъ въ руки револьверъ, этотъ простакъ съ набитой всякой революціонной чепухой головою, не признающей никакого порядка, власти, собственности, превращается въ простого разбойника и грабителя; изъ нѣсколькихъ такихъ озвѣрѣлыхъ людей составляются шайки.

Въ борьбѣ съ ними честные стражи нашей жизни и имущества такъ часто теперь падаютъ жертвой своего долга!

Изображенный здѣсь на фотографіи околоточный надзиратель I части промышленнаго города Александровска, Екатеринославской губерніи, Степанъ Андреевичъ Болиживоть, при попыткѣ задержать злоумышленниковъ, 17 августа 1911 года, былъ убитъ выстрѣлами изъ револьвера напаваль неизвѣстными злодѣями.

Этотъ доблестный служака, животь свой положившій при исполненіи обязанностей, происходилъ изъ мѣщанъ г. Сосница, Черниговской губерніи. Свое дѣтство и отрочество онъ провелъ въ этсмъ небольшомъ городкѣ Сосница и здѣсь же въ городскомъ училищѣ получилъ свое воспитаніе.

По окончаніи ученія въ училищѣ, С. А. Болиживоть поступилъ первоначально на службу въ Сосницкую почтово-телеграфную контору, гдѣ и пробылъ съ 1900 по 1904 годѣ. Когда настало для него время отбыванія воинской повинности, онъ былъ въ 1904 г. принятъ на военную службу и участвовалъ въ русско-японской войнѣ.

По окончаніи военной службы въ 1907 году, онъ рѣшилъ поступить на полицейскую службу въ своей родной

губерніи и былъ принятъ урядникомъ 2-го стана въ Александровскомъ уѣздѣ, а черезъ три года, въ 1910 г., уже перешелъ на должность околоточнаго надзирателя 1-й части въ самый городъ Александровскъ и пробылъ въ этой должности только около года, по день своей трагической но доблестной ранней смерти. Почившему отъ злодѣйской руки служакъ Царя и родины было въ то время всего только 28 лѣтъ. Изъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Степанѣ Андреевичѣ, сообщенныхъ бывшимъ его начальствомъ исправникомъ Александровскаго уѣзда, видно, что покойный былъ человѣкомъ отличныхъ нравственныхъ качествъ, исполнѣ добросовѣстно и усердно относился къ своей службѣ. У всѣхъ знавшихъ его лично онъ пользовался симпатіей и особымъ уваженіемъ къ себѣ.

Преждевременная смерть отъ злодѣйской руки вырвала изъ жизни хорошаго и полезнаго человѣка. Именно противъ такихъ-то нужныхъ и полезныхъ обществу лицъ и устремляются всѣ злоумышленія и тайныя и явныя козни испорченныхъ людей.

Иванъ Ивановичъ Слѣде.

Полиц. урядникъ Венденскаго уѣзда, Лифляндск. губ. Убитъ 16-го іюля 1905 года.

Во время ярмарки въ имѣніи Экгофъ 16-го іюля 1905 года Иванъ Ивановичъ Слѣде зорко слѣдилъ за порядкомъ совмѣстно съ двумя товарищами, имѣя въ своемъ распоряженіи двѣнадцать казаковъ. Въ то смутное время всякія сборища влекли за собою неизбѣжныя драки и часто убійства. Въ предупрежденіе такой случайности, Слѣде не отдыхая, не полагаясь на товарищей, самъ всюду поспѣвалъ и старался водворять тишину. Но это трудно удавалось ему. Толпа перепилась и, собираясь отдѣльными группами, о чемъ то зловѣще шепталась.

Когда Слѣде проходилъ по площади, среди ярмарочной толпы, пламя пьянаго задора и безпричинной ненависти, порожденной хмѣлемъ, вспыхнуло въ толпѣ. Съ крикомъ: „Бейте полицію и казаковъ!“—толпа ринулась на шедшихъ и начала бросать въ нихъ камни. Слѣде долго отбивался отъ нападавшихъ, пока наконецъ, обезсиленный и истомленный, упалъ.

Камни градомъ полетѣли въ него. Свершилось жестокое, бессмысленное дѣло: люди убивали человѣка! Слѣде съ раненой головой, обливаясь кровью, поднялся, напрегъ послѣднія силы и бросился бѣжать. Съ разбитаго лба текла кровь, заливая ему глаза. Несчастный страдалецъ стоналъ и бѣжалъ, спотыкаясь и падая. Толпа неслась за нимъ съ дикими криками и продолжая бросать въ свою жертву камни. Наконецъ онъ снова упалъ, истекая кровью и послѣднимъ камнемъ, брошеннымъ къмъ то, убитъ на смерть. Не успокоившись на этомъ бессмысленномъ, нелѣпомъ преступленіи, толпа или, вѣрнѣе, стадо дикихъ звѣрей, продолжала издѣваться надъ убитымъ.

Покойному было 47 лѣтъ отъ роду. Онъ происходилъ изъ лютеранской семьи зажиточныхъ людей и горячо любилъ свою службу. Окончивъ курсъ начальнаго училища, И. И. Слѣде поступилъ на военную службу въ 1885-мъ году; былъ уволенъ въ запасъ въ 1889-мъ году; на полицейскую службу поступилъ первоначально 1-го Мая 1892 года, а въ 1898-мъ году 10 Сент. по прошенію, уволился, такъ-какъ его семейныя дѣла требовали этого, но затѣмъ 25-го Января 1901-го года вновь поступилъ на службу и состоялъ на ней до дня своей трагической кончины отъ руки злодѣевъ.

Александръ Назаровичъ Львовскій и Дормидонтъ Васильевичъ Медвѣдскій.

Агенты Кіевского охраннаго отдѣленія. Убиты 27 ноября 1905 года.

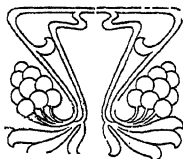
Совершенно особая, крайне важная, но—увы—и крайне опасная роль въ борьбѣ съ гнусною крамолою принадлежала агентамъ охранныхъ отдѣленій, этимъ таинственнымъ и никому, кромѣ своего ближайшаго начальства, неизвѣстнымъ труженикамъ, которые днемъ и ночью, постоянно подвергая опасности свою жизнь, за жалкіе гроши, обязаны были слѣдить за подпольною дѣятельностью революціонеровъ и неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи элементовъ, предупреждать ихъ преступные замыслы своевременнымъ сообщеніемъ по начальству, а стало быть

и проникать въ революціонныя гнѣзда. Общеизвѣстна та жестокая ненависть, которую преступные элементы питають къ „сыщикамъ“, а тѣмъ болѣе — революціонеры, самые скрытые и коварные планы которыхъ неоднократно разрушались благодаря освѣдомленности агентовъ охранныхъ отдѣленій. Общеизвѣстны также и тѣ варварскіе, невѣроятно жестокіе способы мести, которымъ подвергали революціонеры попавшихъ въ ихъ руки агентовъ охранныхъ отдѣленій. Въ то время, какъ съ представителями власти они расправлялись при помощи разрывныхъ снарядовъ и браунинговъ, въ отношеніи „сыщиковъ“ эти изверги нерѣдко простирали свою кровожадную изобрѣтательность до самыхъ мучительныхъ пытокъ, передъ которыми дрожали инквизиціонные ужасы.

Такою мучительною смертью погибли и два поименованныхъ въ заголовкѣ агента кіевскаго охраннаго отдѣленія, въ самый разгаръ крамольныхъ безчинствъ въ Кіевѣ — въ ноябрѣ 1905 года. Львовскій и Медвѣдскій совмѣстными усиліями еще двухъ-трехъ товарищей задержали въ предмѣстьи Кіева — Шулявкѣ — опаснаго преступника, котораго давно уже и тщетно разыскивала наружная полиція. Но лишь только преступникъ былъ задержанъ, вокругъ нихъ бразовалась огромная толпа мѣстныхъ заводскихъ рабочихъ и хулигановъ. Кто-то изъ послѣднихъ бросилъ въ толпу распропагандированныхъ рабочихъ это ненавистное слово: „сыщики“. И мгновенно вся толпа пришла въ ярость. „Прочить сыщиковъ! — раздались голоса полные дикой злобы и мести, — такъ прочить, чтобы другимъ не было повадно.“ Въ ту же минуту въ воздухѣ замелькали кулаки, ножи, дреколья. Началось звѣрски-лютое, непередаваемое словами избіеніе несчастныхъ. Ихъ били куда и чѣмъ попало, топтали ногами, подымали и снова бросали на землю. Вскорѣ оба агента, Львовскій и Медвѣдскій, представляли собою безформенную кровавую массу — съ переломанными костями, вывороченными членами, вывалившимися внутренностями. Первый, когда толпа разсѣялась и прибыла на мѣсто происшествія полиція, былъ уже мертвъ. Во второмъ еле-еле

теплилась искра жизни, но по дорогѣ въ больницу онъ отдалъ Богу душу...

Львовскій происходилъ изъ кievскихъ мѣщанъ, имѣлъ отъ роду 33 года, былъ холостъ и поступилъ на службу въ сыскное отдѣленіе по отбытіи воинской повинности. Медвѣдскій происходилъ изъ крестьянскаго сословія, умеръ 28 лѣтъ отъ роду, прослуживъ въ сыскомъ отдѣленіи всего около года. Послѣ него остались безъ всякихъ средствъ къ жизни жена и трое малолѣтнихъ дѣтей.

Михаилъ Андреевичъ Самойловъ.

Полицейскій урядникъ Мокашевской волости, Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губ. Убитъ 12 Юля 1906 года

Слово: „освободительное движеніе“ является какой то горькой ироніей, ядовитой насмѣшкой надъ законами государства, надъ установившимся строемъ, которому подчиняются всѣ нормальные, здравомыслящіе люди, всѣ вѣрные слуги Царя и отечества.

Преступныя шайки революціонеровъ, производящихъ въ странѣ массу безчинствъ и гнусностей, ни во что не цѣнятъ чужую жизнь, и, обезумѣвъ отъ проливаемой ими крови, жаждутъ ее все болѣе и болѣе. Они выслѣживаютъ свою добычу всюду, гдѣ только возможно: на улицахъ, въ собраніяхъ, въ лѣсу и въ полѣ; они врываются въ дома, не зная преградъ и удержу своимъ гнуснымъ инстинктамъ и идутъ по трупамъ къ своему, созданному безумными умами, отрицательному успѣху, все разрушая, и въ безуміи своемъ не видя ужаса того пути, по которому идутъ. А путь этотъ проклятъ Богомъ и полонъ мрака! И гибнутъ хорошіе, честные люди подъ ихъ преступными ножами и пулями и нѣтъ на нихъ суда, нѣтъ управы!

Бороться съ ними тяжело, но мы, русскіе люди, вѣрные слуги своего дорогаго Царя, должны бороться и отдать за благо родины каждую каплю своей крови.

Михаилъ Андреевичъ Самойловъ, бывшій полицейскій урядникъ Макошевской волости, возвратился съ ночного обхода въ свою квартиру, находящуюся въ с. Макошевкѣ и не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по комнатѣ, какъ упалъ на полъ, пронзенный пулями, пущенными черезъ окно изъ нѣсколькихъ револьверовъ. Смерть наступила не сразу и несчастный страдалецъ промучился еще нѣсколько часовъ, послѣ чего, не приходя въ сознаніе, умеръ.

Убитъ Самойловъ на 32-мъ году жизни.

Въ должности урядника покойный состоялъ съ 1-го Іюля 1903 года. Происходилъ изъ крестьянъ Старо-Мѣловской волости, Нижнедѣвицкаго уѣзда, Воронежской губерніи.

Смерть его была, очевидно, вызвана его усердіемъ при подавленіи аграрныхъ беспорядковъ въ Новохоперскомъ уѣздѣ и г.г. „освободители“ увидѣли въ его лицѣ сильнаго врага, котораго необходимо было уничтожить.

О семейномъ положеніи покойнаго Самойлова ничего неизвѣстно, но какъ честный слуга Царя, какъ усердный служака, онъ былъ извѣстенъ и начальство очень цѣнило его.

Александръ Ивановичъ Яновъ.

Полицейскій урядникъ Анчинскаго, уѣзда Красноярской губ.

Убитъ 24-го сентября 1907 года.

Въ ночь на 24-е сентября 1907 года, въ глухомъ переулкѣ села Даурскаго обнаружено тѣло неизвѣстно куда исчезнувшаго наканунѣ урядника Александра Ивановича Янова. Убийство, выстрѣломъ изъ ружья, очевидно было совершено ночью, такъ какъ трупъ совершенно окоченѣлъ.

Можно представить себѣ ужасъ несчастной его жены, когда къ ней принесли бездыханное тѣло ея мужа.

Первое подозрѣнiе пало на мѣстнаго жителя Потылицына, замѣшаннаго въ недавно совершенномъ, изъ политической мести убійствѣ урядника Залтана. Это было въ мартѣ мѣсяцѣ, въ томъ же селѣ Даурскомъ. Яновъ дѣятельно работалъ надъ раскрытiемъ этого преступленiя, слѣды котораго уже были въ его рукахъ. Немалую роль въ этихъ свѣдѣнiяхъ игралъ вышеназванный Потылицынъ.

Въ оставленномъ Яновымъ дневникѣ ясно и опредѣленно назывались лица, ищущiе его смерти, но установить виновность этихъ лицъ не удалось и преступники остались безнаказанными.

Покойный происходилъ изъ крестьянъ Анчинскаго уѣзда, Назаровской волости. Былъ очень дѣятеленъ и энергично работалъ на пользу государства. Женѣ его назначена пенсiя въ размѣрѣ 150 р. въ годъ.

Романъ Гурьевъ.

Полицейскій стражникъ Краснинскаго уѣзда, Смоленской губ. Убитъ
19-го Февраля 1908 года.

Романъ Гурьевъ родился въ деревнѣ Малое Моготово, Коцинской волости, Смоленской губ. Учился въ Моготовскомъ земскомъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ на службу въ смоленскую губернскую больницу, гдѣ состоялъ въ должности завѣдывающаго бѣльемъ.

По взятіи его на военную службу, отбывалъ ее въ г. Асхабадѣ, Закаспійской области, во 2-й Туркестанской артиллерійской бригадѣ и уволенъ былъ въ запасъ арміи въ званіи взводнаго фейерверкера. По возвращеніи съ военной службы, поступилъ на должность городского въ г. Смо-

ленскѣ въ 3-ю часть и 5-го января 1906 года назначень былъ коннымъ стражникомъ Краснинскаго уѣзда, гдѣ прослужилъ до самой смерти, послѣдовавшей 19-го февраля 1908 года.

Гурьеву было поручено выслѣдить шайку экспроприаторовъ наводившихъ на населеніе панической ужасъ своими дерзкими кражами и грабежами, разорившими не одну семью.

Въ деревнѣ Кобыщевѣ, Звѣровичской волости, на него изъ засады напало неизвѣстное лицо и убило его выстрѣломъ изъ револьвера.

Послѣ смерти покойнаго Романа Гурьева осталась семья: жена и нѣсколько человекъ дѣтей, проживающія въ с. Моготовѣ Смоленскаго уѣзда.

Гурьевъ былъ честень, какъ и подобаетъ быть русскому солдату, не пилъ вина и свою службу несъ не какъ необходимость, а какъ призваніе, гордясь тѣмъ, что начальство отличало его и поручало ему такія дѣла, которыя требовали ума, ловкости и находчивости.

Іосифъ Ивановичъ Сымонъ.

Полицейскій стражникъ Житомирскаго уѣзда. Скончался отъ ранъ
4-го ноября 1906 г.

Въ 1905 и 1906 гг. въ Житомирскомъ уѣздѣ и въ особенности въ окрестностяхъ Житомира настолько участились грабежи и убійства съ цѣлью ограбленій, что становилось страшно по ночамъ выходить изъ дому. Цѣлыя шайки злоумышленниковъ, исчадіи жидовской „революціи“ — организованныя изъ бѣглыхъ арестантовъ и каторжниковъ, хозяйничали съ полной увѣренностью, что ихъ преступленія останутся безнаказанными, благодаря тому сильному страху, какой имъ удалось нагнать на обывателей.

Роковой для Сымона случай былъ въ ночь на 27-е октября 1906 года. Вечеромъ 26-го числа, въ день бывшей въ с. Черняховѣ ярмарки, злоумышленники, въ числѣ 8 человекъ, вышли за городъ на шоссе и стали поджидать возвращавшихся съ ярмарки подгулявшихъ торговцевъ съ полными бумажниками.

Два нападенія съ ограбленіемъ денегъ удались. Подготовлено было третье, но двое злоумышленниковъ были пойманы стражниками и доставлены въ станovou квартиру села Крошни; остальные скрылись.

Получивъ свѣдѣнія о происшедшихъ нападеніяхъ, бывший приставъ 6-го стана, въ настоящее время Владиміро-Волынской уѣздной исправникъ Кулибицкій, захвативъ съ собою 8 конныхъ стражниковъ, въ томъ числѣ и Іосифа Сымона, отправился на розыски скрывшихся злоумышленниковъ, которые послѣ грабежа кутили. Пиръ происходилъ въ домъ жены одного изъ воровъ, Александры Шибановой,

въ предмѣстїи Житоїра—«Кїевскїе Рогатки». Окруживъ домъ, гдѣ находились разбойники, приставъ Кулибицкїй предложилъ имъ сдаться; на это послѣдовалъ отвѣтъ довольно краснорѣчивый: негодяи, черезъ окно, открыли стрѣльбу по чинамъ полицїи. Тѣ стали отвѣчать. Въ этой перестрѣлкѣ былъ убитъ одинъ изъ шайки и тяжело раненъ двумя пулями стражникъ Сымонъ.

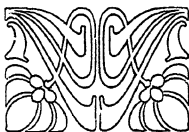
Послѣдняго немедленно доставили въ госпиталь, гдѣ онъ вскорѣ пришелъ въ себя.

Раненый метался, стоналъ и просилъ спасти его жизнь для семьи. Его страшно беспокоило, что будетъ съ женой и дорогими крошками, если онъ умретъ.

Дни медленно тянулись, полные мукъ, и для больного, и для любящей его жены. Наконецъ, 4-го ноября, послѣ мучительной агонїи, онъ скончался.

Осиротѣла молодая, недавно создавшаяся семья.

Не стало отца, мужа и кормильца!

Григорій Фомичъ Антоновъ.

Полицейскій урядникъ г. Ташкента. Убитъ 15-го апрѣля 1908 года.

Всколыхнувшая русскую жизнь революціонная волна 1905—1906 г.г. довольно быстро разошлась концентрическими кругами до самыхъ окраинъ Россіи, гдѣ, какъ бы ударяясь объ утесы нашей государственной грани, эта волна давала особенныя и шумныя всплески съ пѣнящимися кровью гребнями. Таковыми оказались наши окраинныя революціонныя бунты въ Свеаборгѣ, Владивостокѣ, Севастополѣ. Не говоря уже о вѣчно бунтарскомъ настроеніи Закавказья, отзвуки революціи сказались даже въ Туркестанскомъ краѣ, куда стали проникать волнующіе населе-

ніе революціонныя элементы чрезъ Каспійское море изъ Закавказья и по недавно проведеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, а также путемъ нынѣшней распропагандировывающей „прогрессивной“, преимущественно еврейской печати. Тѣмъ или другимъ путемъ привитыя здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія революціонныя организаціи быстро превратились въ простыя грабительскія банды, нападающія на станціонныя кассы и владѣнія зажиточныхъ поселянъ. При рѣдкости и разбросанности охранной полицейской стражи среди мѣстнаго населенія борьба съ бандитами была не легка.

Изображенный здѣсь на фотографіи Григорій Фомичъ Антоновъ, урядникъ Каунчинскаго свекло-сахарнаго завода, Сыръ-Дарьинской области, палъ жертвою борьбы съ грабительскою бандою.

Чрезвычайно краткія свѣдѣнія получены объ этомъ героѣ и обстоятельствахъ его смерти отъ Ташкентскаго полиціймейстера. Въ нихъ только сообщается, что урядникъ Гр. Фом. Антоновъ, происходившій изъ крестьянъ Оренбургской губерніи, служилъ на сахарномъ заводѣ при станціи Кауфманская, Сыръ-Дарьинской области. 15 апрѣля 1908 года урядникъ Антоновъ получилъ свѣдѣнія, что на этой станціи разбойно-экспроприаторскою шайкою произведенъ грабежъ. Антоновъ тотчасъ темной ночью отправился къ мѣсту происшествія, но не прошелъ и съ полверсты, какъ былъ сраженъ изъ темноты тремя выстрѣлами неизвѣстнаго злодѣя.

Вотъ и все, что извѣстно объ обстоятельствахъ смерти этого бдительнаго и усерднаго служаки. Кратка его біографія, но тѣмъ не менѣе отличную аттестацію и характеристику даетъ почившему на своемъ служебномъ посту начальникъ мѣстнаго уѣзда, полковникъ Карауловъ. По его свидѣтельству погибшій Антоновъ всегда былъ на стражѣ своихъ обязанностей, зорко слѣдилъ за подозрительными личностями и пришлымъ элементомъ, особенно съ Кавказа, съ котораго, послѣ проведенія желѣзной дороги Красноводскъ—Андижанъ, усиленно сталъ вливаться въ среду до того времени мирнаго туземнаго населенія неблагонадежный

элементъ, вызывавшій броженіе и увеличившій всюду преступность. Всѣ мѣры принималъ вѣрный слуга отечества Антоновъ къ тому, чтобы въ порученномъ его наблюденію районѣ жизнь населенія протекала спокойно и безопасно. Но враги порядка и общественнаго спокойствія не могли ему этого простить. И вотъ—отважный и добросовѣстный исполнитель своихъ обязанностей Г. Ф. Антоновъ палъ отъ злодѣйской и мстительной пули.

Франц Антоновичъ Лында.

Городовой города Вильно. Убитъ 22 августа 1907 г.

Много жертвъ служебнаго долга пало изъ охранителей общественной безопасности и порядка въ городѣ Вильнѣ—въ этомъ гнѣздилищѣ для различныхъ революціонныхъ и грабительскихъ шаякъ нашего Западнаго края.

Старшій городской Францъ Антоновичъ Лында—одна изъ этихъ многочисленныхъ жертвъ.

22 августа 1907 года, около 9 часовъ вечера, приставъ 5-го участка г. Вильны Тарасевичъ, проходя по Большой улицѣ и наблюдая за порядкомъ, замѣтилъ на углу пере-

крестка этой улицы съ ул. Сиротской стоявшаго неизвѣстнаго подозрительнаго субъекта, у котораго на одной рукѣ виднѣлась перевязка изъ бѣлаго платка, служившая по-видимому какимъ-нибудь условнымъ знакомъ. Опытный и предусмотрительный приставъ чтобы не спугнуть этого дозорщика отъ злоумышленниковъ и изловить его, не давъ ему убѣжать при приближеніи пристава въ сосѣдній темный Николаевскій переулокъ, повернулъ обратно по Большой улицѣ къ мѣсту, гдѣ находились на своемъ посту околоточный надзиратель Таланъ и городской Лында. Передавъ имъ о замѣченномъ подозрительномъ человѣкѣ, приставъ Тарасевичъ приказалъ Лындѣ взять съ собой еще двухъ постовыхъ городскихъ и отправиться съ ними, въ обходъ стоявшаго, черезъ Андреевскую улицу къ углу Николаевского переулка и тамъ у казармъ 170-го пѣхотнаго Молодчененскаго полка ожидать, оставаясь въ непримѣтномъ мѣстѣ, условленнаго съ нимъ сигнала посредствомъ свистка, для поимки убѣгающаго въ ту сторону неизвѣстнаго злоумышленника. Самъ же приставъ съ околоточнымъ надзирателемъ Таланомъ отправился опять къ мѣсту стоянки неизвѣстнаго субъекта, для его задержанія, но послѣдняго на томъ мѣстѣ уже не оказалось. Вдругъ въ это время въ сторонѣ нахождения городского Лынды слышались выстрѣлы. Приставъ Тарасевичъ съ околоточнымъ поспѣшили по направленію этихъ выстрѣловъ. На Николаевскомъ переулкѣ, по которому они направились, они встрѣтили злоумышленника, который, убѣгая отъ нихъ, началъ отстрѣливаться изъ браунинга и ранилъ какъ пристава, такъ и околоточнаго пулями въ ноги, причинивъ имъ сквозныя раны на вылетъ. Пользуясь произведенной суматохой, злодѣй перебѣжалъ на Сиротскую улицу и здѣсь, также ранивъ пулею изъ браунинга городского Сильвестра Василевскаго, безслѣдно скрылся въ ночной темнотѣ. Прибѣжавшіе на выстрѣлы въ Николаевскій переулокъ чины полиціи нашли около казармъ 170-го пѣхотнаго полка лежащаго въ лужѣ крови городского Лынду уже безъ признаковъ жизни. вмѣстѣ съ нимъ оказались ранеными еще два нижнихъ чина Молодчененскаго полка, пытавшихся за-

держатъ злоумышленника. Всего въ этомъ трагическомъ дѣлѣ оказалось пять человекъ раненыхъ злодѣйскими пулями и одинъ убитъ наповаль.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи выяснилось, что городской, Лында направленный въ Николаевскій переулочекъ въ обходъ съ другого конца, встрѣтилъ на площадкѣ этого переулочка цѣлую шайку злоумышленниковъ, собиравшихся, повидимому, совершить ограбленіе расположеннаго вблизи на углу Сиротской и Большой улицъ, отдѣленія Государственнаго Банка, и былъ ими убитъ пулею изъ „браунинга“, пронизавшею сердце вѣрнаго слугаки.

Францъ Антоновичъ Лында происходилъ изъ крестьянъ Неменчинской волости, Виленской губерніи и уѣзда; вѣроисповѣданія былъ римско-католическаго. Срокъ военной службы окончилъ въ 1898 году и вышелъ въ запасъ со званіемъ старшаго унтеръ-офицера Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Во время военной службы за отличную стрѣльбу былъ награжденъ знакомъ отличія и серебряными часами, а также серебряной медалью въ память свящ. коронованія Императора Николая II-го. По выходѣ въ запасъ тотчасъ же поступилъ на службу въ Виленскую городскую полицію, съ 12 января 1898 г., и зачисленъ былъ младшимъ городовымъ. Черезъ два года за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей и примѣрное поведеніе былъ произведенъ въ старшій разрядъ городскихъ и получилъ потомъ серебряную медаль за безпорочную службу въ полиціи. Служба его продолжалась до рокового 22 августа 1907 года, когда злодѣйская пуля скосила его въ самомъ расцвѣтѣ силъ, на 35-мъ году жизни.

Послѣ смерти Лынды осталась жена Михалина и два малолѣтнихъ сына: Петръ, 7 лѣтъ, и Андрей, 5 лѣтъ, и кромѣ того близнецы, родившіеся спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца.

Такимъ образомъ на рукахъ безпомощной матери осталось четверо дѣтей при отсутствіи какихъ-либо особыхъ средствъ. Безжалостные революціонеры, безчеловѣчные убійцы и жестокіе грабители съ легкимъ сердцемъ то

здѣсь, то тамъ вырываютъ невинныя жертвы, лишая семьи кормильцевъ и отцовъ, а общества—полезныхъ членовъ.

Но никогда не восторжествуетъ на-вѣки зло надъ добромъ! Самъ Богъ покараетъ злодѣевъ, хотя бы имъ временно и удалось избѣжать человѣческаго суда.

Составъ редакціонной комиссіи „Книги Русской Скорби“ при Главной Палатѣ Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела.

Предсѣдатель комиссіи:

Пуришкевичъ, Владиміръ Митрофановичъ.

Секретарь комиссіи:

Юскевичъ-Красновскій, Николай Максимовичъ.

Ч Л Е Н Ы:

1. **Балаклѣвъ, Иванъ Ивановичъ.**
2. **Башинскій, Борисъ Петровичъ.**
3. **Балицкій, Левъ Алексѣевичъ.**
4. **Бороднинъ, Михаилъ Михайловичъ.**
5. **Бурнашевъ, Сергѣй Николаевичъ.**
6. **Бурнашева, Екатерина Григорьевна.**
7. **Васнецовъ, Викторъ Михайловичъ.**
8. **Веножинскій, Вячеславъ Юсифовичъ.**
9. **Винбергъ, Федоръ Викторовичъ.**
10. **Вязигинъ, Андрей Сергѣевичъ.**
11. **Гершельманъ, Дмитрій Федоровичъ.**
12. **Геруць, Круниславъ Юрьевичъ.**
13. **Граве, Семень Владиміровичъ.**
14. **Головинъ, Константинъ Федоровичъ.**

15. Дитрихъ, Марія Николаевна.
 16. Злотниковъ, Лука Тимофеевичъ.
 17. Казаринова, Надежда Алексѣевна.
 18. Карангозова, Елена Константиновна.
 19. Кавелинъ, Александръ Александровичъ.
 20. Кривошеина, Елена Геннадіевна.
 21. Нулибина, Ольга Константиновна.
 22. Нушнырь-Кушнаревъ, Григорій Изановичъ.
 23. Ладомирскій, Николай Николаевичъ.
 24. Облеухова, Софья Львовна.
 25. Облеуховъ, Николай Дмитріевичъ.
 26. Образцовъ, Василій Афиногеновичъ.
 27. Ососовъ, Андрей Васильевичъ.
 28. Пашутина, Ольга Васильевна.
 29. Плева, Николай Вячеславовичъ.
 30. Самокишъ-Судковская, Елена Петровна.
 31. Скворцовъ, Василій Михайловичъ.
 32. Сезеневскій, Борисъ Дмитріевичъ.
 33. Соковнинъ, Константинъ Николаевичъ.
 34. Тихменевъ, Николай Петровичъ.
 35. Тріумфова, Нина Александровна.
 36. Шечковъ, Георгій Алексѣевичъ.
 37. Чаевъ, Николай Михайловичъ.
-

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
„Дума“. Стихотвореніе В. М. Пуришкевича.	III
1) Бочко (Ботченко)Василій Васильевичъ, членъ Каменскаго От.	1
2) Федоровъ Илья, ночной сторожъ	21
3) Добронравовъ Михайлъ Алексѣевичъ. Инспекторъ Тиф. Духов. Сем.	23
4) Коробиа Григорій Ивановичъ, городской.	29
5) Мрачникъ Иванъ Іосифовичъ. окол. надз.	31
6) Пономаревъ Никита Даниловичъ, городской	34
7) Норъ Николай Абрамовичъ, городской	37
8) Смирновъ Александръ Павловичъ, смотр. Красноярской тюрьмы.	39
9) Голиновъ Онуфрій Тимофѣевичъ, стражникъ	42
10) Плетеневъ Кондратій Митрофановичъ, Чулкинъ Алексѣй Фи- липповичъ, рядовые 231 резерв. баталіона.	43
11) Заяцъ Василій Ивановичъ, городской.	46
12) Градовичъ Федоръ Васильевичъ городской.	49
13) Милодовскій Степанъ Павловичъ городской	51
14) Дитмаръ Отто Юльевичъ, Красноярск. полиціимейстеръ . .	53
15) Ермаковичъ Василій Яковлевичъ, стражникъ	55
16) Добровольскій, командиръ баталіона 201 пѣх. рез. Лебедин- скаго полка.	57
17) Корольковъ Петръ Григорьевичъ, городской.	64
18) Поповъ Иванъ Никандровичъ, Мельниковъ Иванъ Пименовичъ, Нешумаевъ Семень Ивановичъ, надзиратели за по- литич. ссыльными Туруханскаго края	66
19) Ленновъ Абрамъ Семеновичъ, полиц. надзир.	70
20) Кальнинъ Иаанъ Ивановичъ, волости. писарь	72
21) Замятинъ Иванъ Ивановичъ, становой приставъ, Туча Сте- фанъ Ивановичъ и Квасниновъ Иванъ Гавриловичъ, полиц. уряд.	74
22) Анхимъ-Ольшевичъ Осипъ Максимовичъ	79
23) Вепперъ Андрей Андреевичъ, письмов. Уѣздн. Нач.	81

24) Войцелюнасъ Автоноъ Матвѣевичъ, городской	84
25) Антоновъ Виссаріонъ Ивановичъ, приставъ г. Ростова . . .	87
26) Шафоростовъ Степанъ Афанасѣевичъ, казакъ стан. Лабинской.	89
27) Рыжяинъ Андрей Ивановичъ, полиц. уряд., Федотовъ Петръ Ивановичъ, полиц. страж.	92
28) Герасимовъ Юльянъ Юрьевичъ, городской	94
29) Томусянъ Владиміръ Петровичъ, приставъ г. Борисоглѣбска.	96
30) Троценно Игнатій Алексѣевичъ, полиц. страж.	100
31) Лупаковъ Александръ Николаевичъ, жандармск. подполковникъ.	104
32) Рѣдинъ Егоръ Михайловичъ, Кунановъ Филиппъ Петровичъ, Кобловъ Артемъ Алексѣевичъ, полицейскіе стражники Тамбовской губерніи. Бирюновъ Иванъ Александровичъ, Григорьевъ Степанъ Викторовичъ, сельскіе старосты Тамбовск. губ. Павловъ Алексѣй Леонтьевичъ, крестьян. Тамбовск. губ.	111
33) Ершенно Иванъ Николаевичъ, полиц. страж.	118
34) Демяшковичъ Артемій Адамовичъ, городской	121
35) Савичъ Иванъ Наумовичъ, сидѣл. казен. вин. лавки	123
36) Полисъ Карлъ Давыдовичъ, полиц. уряд.	126
37) Соловьевъ Павелъ Николаевичъ, помощ. пристав. г. Пскова.	128
38) Лушка Иванъ Юрьевичъ, городской	130
39) Баронъ Евгенийъ Николаевичъ, полиц. уряд.	133
40) Волосина Емельянъ Сергѣевичъ, агентъ сыскаго отдѣл.	135
41) Чигашновъ Осипъ, жандармск. унтеръ офиц.	138
42) Рыбнинъ Брониславъ Михайловичъ, полиц. страж.	140
43) Губа Сильвестръ Фотѣевичъ, городской	142
44) Смирнскій Леонтій Алексѣевичъ, полиц. уряд.	143
45) Чистокъ Ефимъ Михайловичъ, городской	146
46) Титовъ Василій Титовичъ, земск. стражникъ	147
47) Поротниковъ Семенъ Яковлевичъ, городской.	149
48) Саванели Илья Даниловичъ, помощникъ полиц. офиц. . . .	151
49) Вѣтровъ Иванъ Тимофѣевичъ, полиц. страж.	153
50) Расточило Афанасій, городской.	157
51) Газрель Матвѣй Фомичъ, околот. надзир., Новинъ Франъ Осиповичъ, Селезневъ Никифоръ Николаевичъ, городове.	159
52) Хибовскій Иванъ Мартыновичъ, земскій стражникъ. . . .	164
53) Пущисъ Матвѣй Матвѣевичъ, городской	166
54) Обламецъ Каленикъ Іовлевичъ,	169
55) Андреевъ Степанъ Спиридоновичъ, полиц. страж.	171
56) Лавничунъ-Леванчунъ Игнатій Игнатѣевичъ, земскій стражникъ.	173
57) Якушевичъ Макаръ Никифоровичъ, полиц. уряд.	176
58) Блунъ Отто Мартыновичъ, городской.	178
59) Болинивотъ Степанъ Андреевичъ, окол. надзир.	181

60) Слѣде Иванъ Ивановичъ, полиц. уряд.	184
61) Львовскій Александръ Назаровичъ. Медвѣдскій Дормидонъ Васильевичъ агенты Кіевского охраннаго от.	186
62) Самойловъ Михаилъ Андреевичъ, полиц. уряд.	189
63) Яновъ Александръ Ивановичъ, полиц. уряд.	191
64) Гурьевъ Романъ, полиц. страж.	192
65) Сымонъ Іосифъ Ивановичъ, полиц. стражникъ	194
66) Антоновъ Григорій Фомичъ, полиц. уряд.	196
67) Лында Францъ Антоновичъ, городской.	199

